

**Институт Истории и Этнологии им. А.А. Бакиханова
Национальной Академии Наук Азербайджана**

АЗИЗА НАЗАРЛИ

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

БАКУ – 2025

**Рекомендовано к печати Ученым Советом Института
Истории и Этнологии им. А.А. Бакиханова
Национальной Академии Наук Азербайджана
протокол №4 от 1 июля 2025 г.**

Научный редактор: *доктор исторических наук, профессор*
Вагиф Абышев

Рецензенты: *доктор философии по истории, доцент*
Айпара Рустамова,
доктор философии по истории, доцент
Раиса Джафарова,
доктор философии по истории, доцент
Видади Умудлу

Назарли Азиза. Очерки истории большого террора в азербайджанской и российской историографии. Баку, отдел «Издательство», 2025. - 296 с.

В монографии на основе изучения широкого круга исторической литературы, посвящённой кровавым репрессиям тридцатых годов XX столетия, реконструируется азербайджанская и российская историография этой проблемы.

В основе исследования лежат не только монографии, но и статьи азербайджанских и российских исследователей. Привлечены некоторые интересные мемуары о жизни в годы террора.

Перед этим горем гнутся горы,
Не течёт великая река,
Но крепки тюремные затворы,
А за ними «каторжные норы»
И смертельная тоска.
Для кого-то вест ветер свежий,
Для кого-то нежится закат –
Мы не знаем, мы повсюду те же,
Слышим лишь ключей постылый скрежет.
Да шаги тяжёлые солдат.

Анна Ахматова

Посвящается незабвенной памяти Гаджибабы Гаджи Алескер оглы Назарли

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема сталинского террора является не только интересной с точки зрения исторической науки и теории. Эта тема является важной с нравственной стороны. Объективное изучение поставленной проблемы связано с воспитательным процессом будущих поколений нашего народа в патриотическом, гуманитарном и национально-государственном ключе. Историческая память народа должна укрепляться благодаря новым научным исследованиям. Это связано с тем, что события репрессивных тридцатых годов XX века не должны повториться. Человек не должен стать жертвой репрессий даже в том случае, если является оппозиционером и инакомыслящим, недовольным внутренней и внешней политикой руководства страны, в которой живёт. Человек не должен быть жестоко наказан за стихи или неосторожно сказанные слова.

15 марта 1996 года Президент Азербайджанской Республики Гейдар Алиев подписал Закон Азербайджанской Республики «О реабилитации жертв политических репрессий». В нём отмечается, что в результате произвола и насилия, совершавшихся с 28 апреля 1920 года на территории Азербайджанской Республики тоталитарным государственным режимом, основанным на законах, противоречащих правам человека, сотни тысяч безвинных людей подверглись репрессиям из-за своих политических взглядов, политической деятельности, инакомыслия и по другим причинам. Целью этого Закона провозглашалась реабилитация, восстановление политических, социальных и гражданских прав жертв политических репрессий, проводившихся на

территории Азербайджанской Республики, возмещение им моральных потерь, а также ликвидация других последствий произвола.

В статье 1 «Понятие политической репрессии» говорится: «В целях настоящего Закона политической репрессией считается лишение жизни или свободы, незаконное помещение в психиатрическую больницу для принудительного лечения, выдворение из страны и лишение гражданства, высылка, переселение групп населения с мест их проживания, ссылка, переселение, отправка на спецпоселение, различные меры принуждения в форме привлечения к труду в условиях ограничения свободы, а также другого рода лишение или ограничение прав и свобод лиц, считающихся социально опасными для государства и его политического устройства по классовым, социальным, национальным, религиозным или другим признакам, применяемые государством по политическим соображениям и исполняемые по решению суда и других органов, наделённых судебными функциями, либо в административном порядке исполняемые органами и должностными лицами исполнительной власти, общественными организациями либо органами, наделёнными административными полномочиями».

В статье 2 «Жертвы политических репрессий» подчёркивается, что «жертвы политических репрессий – это лица, подвергшиеся политическим репрессиям, указанным в статье 1 настоящего Закона, члены их семей, в том числе, лица, находящиеся в местах исполнения репрессии (ссылки, переселения, отбывания наказания) со своими родителями или родственниками, дети, родившиеся в местах исполнения репрессии, а также дети политических репрессированных, приговорённых к смертной казни».

В статье 3 «Область применения закона» указывается, что «положения настоящего Закона о порядке предоставления реабилитации распространяются на лиц, подвергшихся политическим репрессиям на территории Азербайджанской

Республики за период с 28 апреля 1920 года по 18 октября 1991 года независимо от места их проживания» [237].

Как известно, с ноября 1917 года на территории бывшей Российской империи стали создаваться новое государство и политический строй, аналогами которых не было доселе во всём мире. Азербайджан вынужден был примкнуть к этому строительству только в апреле 1920 года после его оккупации вооружёнными силами Советской России. Бывшая Российская империя стала превращаться в новую советскую империю под видом рабоче-крестьянской власти. Советская империя подобрала почти все остатки Российской империи, не выдержавших вооружённого вторжения и потерявших свою политическую независимость. Название нового политического строя было «социализм». В отличие от капитализма, в котором пребывал почти весь мир, социалистическое общество большевиками провозглашалось как более гуманное, справедливое и передовое. Однако с первых дней строительства нового общества большевикам стало ясно, что без террора, насилия, репрессий с их стороны не обойтись. Сначала репрессировались эксплуататорские классы, затем небольшевистские партии и организации, все партийные фракции, несогласные с основным курсом коммунистической партии, и т.д. В двадцатые годы XX столетия на 1/6 части планеты Земля создавалось атеистическое, монопартийное, без частной собственности общество, основным принципом которого провозглашалось: «От каждого по способностям, каждому – по труду». Но, несмотря на ряд удачных проектов и успешные результаты в претворении в жизнь направлений социалистического строительства – индустриализации, коллективизации и культурной революции, на пути к светлому коммунистическому будущему появились огромные препятствия. За внешним красивым фасадом демагогических обещаний коммунистов образовались уродливые явления, при которых становилась невозможной счастливая и сытая жизнь советских людей. Из-за негра-

мотной и антигуманной экономической политики социалистического государства советские люди постепенно столкнулись со всеобщим дефицитом, безденежьем, дороговизной, бедностью, граничащей с нищетой. Последствием глубокого социально-экономического кризиса в стране стал массовый голод, охвативший Украину, Поволжье, Казахстан, Северный Кавказ и другие регионы. Голод трагически прервал жизнь нескольких миллионов ни в чём неповинных людей.

Люди, жившие в СССР, усомнились в правильности выбранного коммунистической элитой страны политического строя. Создание монопартийной системы с помощью репрессий ещё более усугубило и сделало безнадёжным положение в двадцатые годы. Люди открыто подвергали сомнению и даже высмеивали в песнях, частушках и анекдотах многие политические лозунги и обещания единственной партии в стране, которая и руководила, и направляла, и обещала, и наказывала. Ответная реакция партийной элиты на эти сомнения и неверие была по-своему обоснованной, так как ставилась цель спасти не только политический строй, но и веру народа в этот строй.

Волна кровавых репрессий началась с 20-х годов и завершилась в начале 50-х годов со смертью Сталина. Однако апогея эти репрессии достигли в 1937 году. Именно этот год и запечатлён в памяти народа как страшный год «ежовщины» (по имени Н.И.Ежова, бывшего тогда наркомом внутренних дел СССР – непосредственного организатора и исполнителя этих незаконных репрессий).

Как известно, пропагандируя дружбу и единство всех народов, населявших СССР, И.В.Сталин применил репрессии против религиозных общин, аресты религиозных лидеров, а также широкомасштабное уничтожение мечетей, церквей и синагог. В тридцатые годы Сталин репрессировал советских крестьян, интеллигенцию, партию и армию. Однако ввиду режима секретности, царившего в советских

учреждениях, о подробностях этих репрессий знала очень незначительная часть населения СССР.

Сталин стремился приобщить население к своим злодеяниям, склонить его на свою сторону. В одном московском издании, посвящённом сталинским репрессиям, говорится, что Сталин призывал к тотальному доносительству: «Каждый член партии, честный беспартийный, гражданин СССР не только имеет право, но обязан о недостатках, которые он замечает, сообщать. Если будет правда, хотя бы на 5%, то и это хлеб» [228, с.117].

Почему люди молчали, видя бесчинства советской власти? Правы авторы одного московского издания, посвящённого истории взаимоотношений Сталина и главного карательного органа, которые пишут: «В стране была создана атмосфера страха. Миллионы людей жили в страхе за свою жизнь, за жизнь и судьбу своих близких ... Страх держал людей в безропотном повиновении, исключал возможность объединения их в группы, позволял быстро ликвидировать любые проявления массового стихийного недовольства» [174, с.6]. Это и есть ответ на вопрос, почему люди не протестовали против сталинских беззаконий.

Среди населения появились люди, всячески выслуживающиеся перед руководством республики, области, страны. Не жалея репрессируемых и не имея чувства сострадания, они занимались поджигательством и доносительством, прикрываясь революционными выражениями руководителей партии. Почти все обличительные статьи в органах печати начинались с цитат Сталина. Авторы статей с пеной у рта возводили клеветнические обвинения против своих коллег, руководителей, администраторов и т.д. Хотелось бы привести наглядный пример. Инженер Ф.Саякин, обвиняя инженеров во взрывах компрессоров, в своей статье «Овладевая большевизмом, до конца выкорчевать врагов» тоже привёл «ценные указания» Сталина: «В своём историческом докладе на февральско-мартовском Пленуме ЦК ВКП(б)

т.Сталин указывал на то, что «необходимо дополнить старый лозунг об овладении техникой, соответствующий периоду шахтахтинских времён, новым лозунгом о политическом воспитании кадров, об овладении большевизмом и ликвидации нашей политической доверчивости, лозунгом, вполне соответствующим нынешнему переживаемому периоду»» [215].

Следует подробнее остановиться на статистике. На основании постановлений Политбюро о создании «троек» и утверждения конкретных показателей репрессий 30 июля 1937 года народный комиссар внутренних дел СССР Николай Ежов издал приказ №00447 «Об операции по репрессированию кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В целом, по стране по первой категории (расстрел) должно было быть осуждено 82.700, по второй категории (заключение в лагеря или тюрьмы на срок от 8 до 10 лет) 193.000 человек [156, сс.111,113]. В московском издании, посвящённом трагической истории советской деревни, даны другие цифры. Оперативный приказ по НКВД №00447 от 30 июля 1937 г. установил разнарядку на число репрессируемых для всех республик, краёв и областей по первой категории (расстрел) – 72.950 чел., по второй категории (заключение на 8-10 лет в лагере) – 186.500 чел., а всего 259.450 человек. Однако задания руководства были перевыполнены в 3 раза, в т.ч. по расстрелам в 5 раз [218, с.21].

Приговорённых к высшей мере наказания не только расстреливали. Например, в Вологодском УНКВД с ведома начальника-орденоносца, майора госбезопасности Сергея Жупахина исполнители рубили головы осуждённым к расстрелу топором. В Куйбышевском УНКВД из почти двух тысяч казнённых в 1937-1938 годах удушили верёвками примерно 600 человек. В Барнауле осуждённых убивали ломami. На Алтае и в Новосибирской области женщины перед расстрелом подвергались сексуальному насилию. В Но-

восибирской тюрьме НКВД сотрудники состязались, кто убьёт заключённого с одного удара в пах [238].

В первой половине 1937 года в Азербайджанской ССР в среднем арестовывали по 200 человек в месяц. 9 июля первый секретарь ЦК АКП(б) М.Д.Багиров запросил у Москвы санкцию на «изъятие» (арест) и осуждение «тройками» 5250 человек, из них к первой (расстрельной) категории было отнесено 1500. Азербайджан погружался в водоворот «Большого террора» ... [150].

Изданный 15 августа 1937 г. оперативный приказ №00486 НКВД включал подробные инструкции из 36 пунктов. Жёны осуждённых подлежали аресту от 5 до 8 лет. Аресту могли подвергнуться даже разведённые с мужем, и даже вступившие в новый брак, если женщины были причастны к «контрреволюционной деятельности осуждённого», укрывали его или же не заявили на мужа в НКВД. Другой пункт гласил, что «жёны осуждённых, разоблачившие своих мужей и сообщившие о них органам власти сведения, послужившие основанием к разработке и аресту мужей», аресту не подлежали. Этот пункт стимулировал разводы с «врагами народа» и публичное осуждение их жёнами [239].

Характеризуя преступную обстановку, созданную Багировым и Сумбатовым в органах НКВД Азербайджана в 1936-1938 годах, свидетель Заикин Д.И. – начальник УИТЛК Азербайджана, привлекавшийся в 1937 году к следственной работе, на суде над Багировым показал: «Как правило, аресты производились на основании непроверенных показаний, выбитых у арестованных самими следователями. Подавляющее большинство людей было арестовано на основании так называемых «списков лиц, проходящих по показаниям». Причём после неоднократных избиений по настоянию следователей, отдельные арестованные в число таких лиц включали совершенно случайных людей. Не располагая никакими конкретными данными о виновности арестованных, следователи при допросах арестованных требо-

вали от них признания в антисоветской деятельности. Если арестованные отказывались давать такие показания, их избивали до тех пор, пока они не признавались в предъявленных им преступлениях. Избиению подвергалось большинство содержащихся под стражей арестованных. Избиение арестованных производилось с ведома, а иногда и прямого указания бывшего наркома внутренних дел Азербайджана Сумбатова, который сам лично бил арестованных в своём кабинете. Являясь секретарём ЦК, Багиров знал об избиениях арестованных и существующей преступной практике производства арестов на основании непроверенных материалов ... Мне также известно, что, работая в ЦК, Багиров принимал непосредственное участие в допросах арестованных и с этой целью приезжал из ЦК в Наркомат внутренних дел и допрашивал арестованных в кабинете Сумбатова» [116, л.81].

Бывший заместитель начальника тюрьмы №1 свидетель Саркисов показал: «В тот период в кабинетах здания АЗН-КВД стоял сплошной вой от криков, плача избиваемых арестованных. С 22 часов и до утра в здание НКВД никого не выпускали и никого из здания не выпускали. В это время Сумбатов и Борщёв делали обход кабинетов следователей. Приезжал в АЗН-КВД и Багиров. Сумбатов присутствовал в кабинетах следователей при избиениях арестованных» [116, л.82].

Попов А.Н. (бывший сотрудник НКВД) констатировал, что некоторые допрошенные не выдерживали физических истязаний и выбрасывались из окон, разбиваясь насмерть. Он сказал: «Широкое распространение имело т.н. «корректирование протоколов допросов». «Корректирование» заключалось в том, что протоколы писались в отсутствие обвиняемых, а затем давались на подпись последним. Хорошим работником считался тот следователь, который, добившись признания арестованного в проведении им антисоветской работы, получал от этого арестованного название

широкой сети и большого числа участников антисоветской организации, причем, не придавая значения правдоподобности этих показаний и их проверке ...» [116, л.83].

Свидетель Сафар Мамедов, бывший сотрудник НКВД, полковник, показал: «Установка: «дать кусочек террора»» в признаниях арестованных была одним из способов доказать исключительную политическую ценность личности Багирова, постоянно являвшегося объектом террористических намерений» [116, лл.85-86].

Свидетель Габриелян Г.С. свидетельствовал, что Кулиев Эюб был избит Атакишиевым. Атакишиев и Емельянов совершили ряд провокационных действий, например, в отношении компрометации комиссии Министерства государственного контроля СССР, проводившей ревизию в Азербайджане. Они помогали Багирову скрыть совершённые им злоупотребления и преступное разбазаривание государственных средств [116, л.88].

Бывший прораб Бакинского порта Николай Папин показал: ««Старожилы» тюрьмы нам, молодым, рассказывали, что в начале массовых арестов при обвинении кого-либо в террористической деятельности указывали на подготовку к убийству Багирова и Усейна Рахманова. Однако позднее, когда оказалось, что Рахманов сам участник контрреволюционной организации, арестованных стали передопрашивать, бить, ругать за то, что «ввели» следствие в заблуждение и перепредьявлять им обвинение, т.е. подготовка к теракту уже над одним Багировым» [116, л.218].

Как известно, на арену советской жизни в исследуемый период вышла библия сталинщины «Краткий курс истории ВКП(б)» – один из апогеев возвеличивания Сталина. Историк, член.-корр. АН СССР В.А.Куманев в статье, посвящённой тридцатым годам и горькой судьбе советской интеллигенции, пишет: «Без тени смущения Сталин приписал себе авторство данного фолианта, хотя по решению ЦК его написали Ярославский, Кнорин и Поспелов. А на просьбы

директора Музея революции СССР Ф.Н.Самойлова (1939 г.) прислать в музей для экспозиции сталинской рукописи «Краткого курса» (несуществующие) генсек грубо обругал его и цинично заявил, что он ... сжёт все рукописи, ибо миллионными тиражами вышла сама книга (?!)» [168, с.36]. И этот факт характеризует личность Сталина.

Известно письмо Сталина в Детиздат (1938 г.) по поводу публикации книжки о его детстве. Об этом написала «Литературная газета» в 1955 году. В разгар «культы личности» и массовых репрессий Сталин, якобы, отстаивал и развивал положение марксизма о решающей роли народных масс в истории, выступал против культа личности: «Я решительно против издания «Рассказов о детстве Сталина». Книжка изобилует массой фактических неверностей, искажений, преувеличений, незаслуженных восхвалений. Автора ввели в заблуждение охотники до сказок, брехуны (может быть «добросовестные» брехуны), подхалимы. Жаль автора, но факт остаётся фактом. Но это не главное. Главное состоит в том, что книжка имеет тенденцию вкоренить в сознание советских детей (и людей вообще) культ личностей, вождей, непогрешимых героев. Это опасно, вредно. Теория «героев» и «толпы» есть не большевистская, а эсеровская теория. Герои делают народ, превращают его из толпы в народ – говорят эсеры. Народ делает героев – отвечают эсерам большевики. Книжка льёт воду на мельницу эсеров. Всякая такая книжка будет лить воду на мельницу эсеров, будет вредить нашему общему большевистскому делу. Советую сжечь книжку» [196]. Так, обвиняя других в необоснованных восхвалениях, «великий вождь» запечатлел о реальных причинах и виновнике восхвалений его личности. Он «забыл» о внедряемом им самим в народные массы массового страха и психоза. Лицемерие власти и первого лица страны в тридцатые годы XX века дошло до апогея. Горькую чашу испил советский народ в тридцатые годы XX века. Главным дирижёром беззаконий выступил «вождь»

И.В.Сталин. Чудовищные репрессии против советских кадров, в том числе военных, ослабили страну и армию, во многом явились причиной поражений в начале Великой Отечественной войны.

Ещё до коллапса СССР благодаря политическому курсу «перестройки» 13 мая 1989 года в здании Союза писателей Азербайджана в память 27 репрессированных в 1937-1938-х годах азербайджанских писателей был установлен барельеф. Это первая такого рода мемориальная доска, посвящённая писателям-жертвам сталинского режима, установленная на территории б.СССР; автор барельефа скульптор Эльджан Шамилов, сын репрессированного писателя [211, с.105].

Список репрессированных писателей, вошедших в мемориал: Агагусейн Расулзаде, Атабаба Мусаханлы, Бекир Чобанзаде, Беюкага Талыблы, Вели Хулуфлу, Кантемир, Амин Абид, Алиаббас Музниб, Али Назим, Али Рази, Ахмед Джавад, Исмаил Катиб, Юсиф Везир Чеменземинли, Мамед Казым Алекберли, Микаил Мушви́г, Мустафа Кулиев, Омар Фаиг, Рухулла Ахундов, Салман Мумтаз, Сеид Гусейн, Сейфулла Шамилов, Султанмеджид Ганизаде, Таги Шахбази, Гаджибаба Назарли, Гаджикерим Санылы, Ганафи Зейналлы, Гусейн Джавид [211, сс.105,106].

На протяжении многих десятилетий так называемые «секретные фонды» азербайджанских архивов хранили тайну никогда не освещавшихся событий. Но в наши дни тайна советского мракобесия, вылившаяся в кровавый террор против собственного народа, перестала быть тайной. Секретные документы сегодня демонстрируются и выставляются. В целях увековечивания памяти жертв репрессий 1930-х годов в Баку открыт музей, рассказывающий о политических репрессиях.

24 мая 2019 г. в административном здании аппарата Государственной пограничной службы Азербайджанской Республики в рамках мероприятий, посвящённых 100-летию создания органов пограничной охраны Азербайд-

жана, состоялось открытие «Музея жертв политических репрессий». С 1925 года в этом здании функционировали основные репрессивные органы государства: Чрезвычайная комиссия, Народный комиссариат внутренних дел и Комитет государственной безопасности. В подвале здания находились камеры содержания, следственные комнаты, места расстрела приговорённых к смертной казни. Одной из основных целей создания музея является воздаяние дани уважения памяти жертв репрессий, а также информирование молодого поколения о кровавых страницах нашего недалёкого прошлого.

В главном зале музея на стенде «Говорящие документы» размещены копии документов, принятых в 1920-1930 гг., являющиеся свидетельством репрессий.

Документом, привлекающим внимание, является решение Центрального Исполнительного Комитета СССР от 1 декабря 1934 г. По этому решению на процесс расследования и рассмотрения уголовных дел по актам террора выделялось не более 10 дней, допросы должны были проходить без участия сторон. Кассационная жалоба на вынесенный приговор, в том числе прошения о помиловании, не рассматривались, смертная казнь исполнялась на месте сразу после вынесения приговора.

Один из стендов посвящён гонениям на представителей азербайджанской молодёжи, которые в январе 1920 года правительством Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) были отправлены на учёбу в вузы Европы, а после возвращения на Родину подверглись преследованиям. На данном стенде представлена информация о 38 из 56 специалистов с высшим образованием, которые после возвращения в Азербайджанскую ССР были расстреляны или сосланы.

Отдельный стенд повествует о репрессиях, жертвами которых стали представители азербайджанской интеллигенции. Вниманию предоставляются копии актов и справок

о расстреле поэта М.Мушфига, педагога Таги Шахбази, великого актера Аббаса Мирзы Шарифзаде и других.

Особое внимание уделяется женщинам-жертвам политических репрессий. На одном из стендов отражена информация с копиями документов о 5 женщинах, которые были расстреляны, а также о жёнах расстрелянных «врагов народа», которые были сосланы в исправительно-трудовые лагеря [236].

Название места в Казахстане, в котором отбывали срок азербайджанки, – «Акмола» переводится с казахского как «белая могила». В этом лагере были представлены 62 национальности. Среди отбывающих наказание были 44 азербайджанки и 7 тюрчанок. В мае 2007 года в День памяти жертв политических репрессий по инициативе президента Казахстана Нурсултана Назарбаева был открыт впечатляющий музей АЛЖИРа. В 2011 году посольство Азербайджана открыло памятный знак, посвящённый женщинам – узницам всех национальностей из Азербайджана. Ещё один знак в память 150000 жителей Азербайджана, высланных в Казахстан, поставлен в пос. Спасское [239].

Цель представленной монографии – из многих фрагментов и ценных сведений, почерпнутых из большого числа существующих монографий, исторической литературы и мемуаров, научных и публицистических статей, дневников и интервью и т.п. воссоздать в общих чертах ярко зримую картину репрессии 1937 года.

Оригинальные цитаты из использованной литературы, чёткая аргументированность многих очевидцев событий, искренние признания участников кровопролития усиливают актуальность темы сталинских репрессий и должны сделать рассказ о 1937 годе весьма интересным для любого читателя; молодого или пожилого, образованного или не очень, потомка жертвы или карателя, ностальгирующего по советскому строю или отвергающего его, узнавшего о репрессиях давно или впервые услышавшего о них ... В любом случае,

автор представленной книги надеется, что читатель найдёт здесь много информации для размышлений. Желание автора и его цель – пусть читатель осмыслит уроки прошлого и взглянет на 1937 год в контексте современности.

В работе убедительно разоблачается человеконенавистническая сущность сталинского режима, опиравшегося на карательные органы, в любой момент имевших возможность направить свою жестокость против не только руководящих кадров, хоть в малейшей доле несогласных с внутренней политикой компартии и советского правительства, но даже простых граждан, по своей малограмотности не разбиравшихся в основном курсе партии и её директивах. Поэтому можно говорить именно о «массовом терроре».

Для достижения поставленной цели в нашем исследовании выделены следующие задачи, которые определили основные этапы работы:

- рассмотреть российско-советские издания;
- изучить литературу, изданную в годы «перестройки» и посвящённые репрессии 1937 года;
- осветить издания РФ в современный период, рассказывающие о массовом терроре тридцатых годов XX века;
- проанализировать азербайджанские издания в советский период;
- выявить азербайджанские публикации «перестроечного» периода;
- исследовать азербайджанские издания в первые годы после распада СССР и приобретения государственной независимости (1991-1999 гг.);
- раскрыть азербайджанские издания на новом этапе (2000-2023 гг.).

При написании нашей монографии мы использовали несколько научных методов исторического исследования. Во-первых, был применён очень распространённый классический историко-сравнительный метод, при котором сравнивались различные подходы авторов к исследуемому со-

бытию – репрессии, а также проводникам репрессивной политики.

Не прошли мимо также историко-генетического метода, который изучает объект исследования со времени его появления вплоть до окончательного развития.

Использовали также ретроспективный метод, выражающийся в рассмотрении прошлого с точки зрения современного периода. Он помогает выявить причины исследуемых событий и причинно-следственную связь.

Одним из классических методов является нарративный. Мы представили вниманию читателей изложенную историю сталинского террора. Повествование осуществляется автором этой книги с уст многочисленных авторов.

Мы использовали также хронологический метод в истории – все факты, события изложены в хронологической последовательности. То есть, все издания, которые мы рассмотрели, даны в соответствующих главах по хронологии. Однако в пределах глав мы преднамеренно нарушаем хронологию, так как группируем исследования одного и того же автора, при этом придерживаясь хронологии по принципу года издания первого труда этого автора. В первой части освещена российско-советская историография, включая перестроечный период. Во второй – издания РФ с декабря 1991 по 2023 годы. В трёх следующих частях освещены азербайджанские издания в хронологическом порядке, начиная с советского периода до 2023 года.

Обычно в историографический обзор любой проблемы включают научные монографии, книги. Конечно, в списках изданий они занимают первое место. Но мы не обошли стороной интересные научные статьи, научно-популярную литературу, мемуары, публицистику, очерки, сборники документов, периодическую печать, которые вызвали наиболее пристальное внимание автора представленной книги и соответственно нашли отражение в нашем исследовании. Эти издания представляют большую практическую ценность.

Особенно это касается мемуаров. Ещё Аристотель говорил о воспоминаниях не как об архивах нашей жизни, а как об инструментах для воображения будущего. Читая мемуары, каждый человек обязан призадуматься и в дальнейшем постараться в пределах своих возможностей не допустить повторения мрачных страниц истории.

Для хорошего восприятия материала читателем автор приводит много цитат, иногда очень подробно останавливается на деталях. Это делается в целях как можно ближе ознакомить читателя с жизнью и бытом репрессированных, показать абсурдные обвинения и жесточайшие пытки, применяемые на допросах, лагерную жизнь, процесс реабилитации и пр.

В конце книги помещена библиография, которая поможет читателю ориентироваться в публикациях на тему массовых репрессий 1930-х годов.

Хотелось бы особо отметить, что в представленной монографии мы не претендуем на исчерпывающее исследование и лишь постарались в условиях демократии и свободы и отсутствия идеологических прессингов и указаний сверху перелистать страницу трагической истории большого террора против советского народа и раскрыть читателю небольшую часть неисчерпаемой историографии этой проблемы. Поэтому мы осознаём, что впереди предстоит ещё более полные исследования этой проблематики.

1. РОССИЙСКО-СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ. ПЕРЕСТРОЙКА И НОВАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ (ДО ДЕКАБРЯ 1991 г.)

Советская система просуществовала всего 70 лет. Советский народ в течение этих семи десятилетий вынужден был жить в условиях, навязанных ему политическим режимом сверху. Советские люди не знали, что такое настоящая демократия и свобода слова. Наука, культура, просвещение обслуживали власть и её безопасность. Вся идеология была пропитана ложью, атеизмом и верой в коммунистические идеалы.

Советские люди строили коммунистическое будущее, при этом в отдельные периоды ежедневно боролись со всеобщим и хроническим дефицитом, даже с голодом, стояли в длинных очередях, остроумно прозвав их «хвостами», не могли по известным причинам посещать ряд стран и т.д.

Но главная беда состояла в том, что советские люди читали только те книги, которые им предлагала власть. Они слушали только ту музыку, которую одобряла власть. Люди любили ходить в театр и кино, но спектакли и фильмы должны были пройти жёсткую цензуру. То же самое происходило в других областях. Вот например, рассмотрим историческую науку. Это очень интересная область гуманитарных наук. Но настоящие исторические знания в реальности тоже были недоступны для народа. Даже те исторические события, свидетелями которых были советские люди, нужно было преподносить обществу в необходимом ключе. Мы не говорим уже о событиях давнего прошлого, свидетелями которых не были. Они тоже преподносились в искажённом виде под углом и в рамках определённых исторических концепций. Но было и такое, когда историкам нужно было просто молчать и делать вид, что такого события не было. Это, в частности, касается темы сталинских репрессий. Репрессии, кровавые, массовые, были, но исторических иссле-

дований об этом не было, да и не могло быть. Налицо – фальсификация истории.

Фальсифицировать историю можно не только, написав труды, прибегнув к недостоверным материалам. Фальсифицировать можно и молчанием. Что и случилось с темой сталинских репрессий в СССР.

После смерти Сталина, в 1954 году Институт Маркса-Энгельса-Ленина-Сталина при ЦК КПСС подготовил третью часть издания «Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», охватывающую 1930-1954 годы. Наше внимание в этом сборнике привлекло постановление январьского 1938 года Пленума ЦК ВКП(б) «Об ошибках парторганизаций при исключении коммунистов из партии, о формально-бюрократическом отношении к апелляциям исключённых из ВКП(б) и о мерах по устранению этих недостатков». Оно было перепечатано из газеты «Правда» от 19 января 1938 г. В этом постановлении указывалось: «Известно немало фактов, когда партийные организации без всякой проверки и, следовательно, необоснованно исключают коммунистов из партии, лишают их работы, нередко даже объявляют, без всяких к тому оснований, врагами народа, чинят беззакония и произвол над членами партии. Так, например: ЦК КП(б) Азербайджана на одном заседании 5 ноября 1937 г. механически подтвердил исключение из партии 279 человек» [165, сс.306-308].

Также в этом сборнике приводится информационное сообщение Пленума ЦК КПСС, состоявшегося 2-7 июля 1953 г. Текст сообщения перепечатан из газеты «Правда» от 10 июля 1953 г.: «На днях состоялся пленум Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Пленум ЦК КПСС, заслушав и обсудив доклад Президиума ЦК – тов. Маленкова Г.М. о преступных антипартийных и антигосударственных действиях Л.П.Берия, направленных на подрыв Советского государства в интересах ино-

странного капитала и выразившихся в вероломных попытках поставить Министерство внутренних дел СССР над правительством и Коммунистической партией Советского Союза, принял решение – вывести Л.П.Берия из состава ЦК КПСС и исключить его из рядов Коммунистической партии Советского Союза, как врага Коммунистической партии и советского народа» [165, с.609].

Даже в фундаментальных трудах, например, Института истории Академии наук СССР «История СССР», (в двух сериях в 12-ти томах), изданного в 1967-1980-х годах [161], а также труде Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС «История Коммунистической партии Советского Союза» в шести томах, изданном в 1970-е годы [159; 160], нет информации о сталинских репрессиях.

С 1965 года в историческую литературу протаскивалась концепция «преодоления перекосов» в оценке культа личности. Это продолжалось до провозглашения политического курса на перестройку. Долгие годы после развенчания культа личности Сталина замалчивалась правда о начальном периоде Великой Отечественной войны, причинах поражений и неудач. В отдельных трудах по истории войны старательно обходилось слово «репрессии». Например, во втором томе 12-ти томной «Истории второй мировой войны 1939-1945» читаем: «В 1937-1938 гг. вследствие необоснованных обвинений из армии было уволено значительное количество командиров и политработников» [158, с.206]. И тут же указывается, что жалобы уволенных были рассмотрены и ошибки исправлены. В томе не указано, что огромное количество кадровых военных командиров, выдающихся полководцев было физически уничтожено, а Красная Армия перед войной просто обезглавлена. Преступления Сталина, беззакония советской власти, бесчинства НКВД в этом издании выглядят невинными промахами.

В 1938 году архивные учреждения страны были переданы в ведение НКВД [139, с.5]. И это очень показательно для

тоталитарного Советского Союза. Долгие годы материалы о репрессированных людях были недостижимы не только для рядовых граждан, но и для исследователей.

Однако в 1975 году произошло знаменательное событие. В 1975 году Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил сборник документов «В.И. Ленин и ВЧК», который включает статьи, речи Ленина, его записки, телеграммы и распоряжения, а также постановления и циркулярные письма ЦК РКП(б), Политбюро ЦК РКП(б), декреты и постановления ВЦИК и Совета Народных Комиссаров РСФСР, Совета Рабочей и Крестьянской Обороны, Совета Труда и Обороны, подготовленные и принятые при участии Ленина, касающиеся деятельности Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК). Немалый интерес представляет «Предисловие» к сборнику, подписанное редакционной коллегией. В нём указывается, что создание ВЧК было вынужденной мерой компартии в ответ на сопротивление контрреволюции, провокации, террор против активных деятелей пролетарской революции и т.д. По инициативе Ленина 7(20) декабря 1917 г. создается Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем, представлявшая собой орган государственной безопасности нового типа. 7(20) декабря 1917 г. накануне заседания СНК, на которое был вынесен вопрос о мерах по подавлению злостного саботажа, Ленин написал Дзержинскому записку с проектом декрета о борьбе с контрреволюционерами и саботажниками [135, с.4].

В сборнике под номером 17 на страницах 36-37 опубликована выдержка из протокола №21 заседания СНК 7(20) декабря 1917 г. под председательством Ленина. Слушали доклад Дзержинского об организации и составе Комиссии по борьбе с саботажем. В принятом по докладу Дзержинского постановлении СНК задачи ВЧК были определены шире, чем борьба с саботажем: «1) Пресекать и ликвидировать все контрреволюционные и саботажнические попытки

и действия по всей России, со стороны кого бы они ни исходили. 2) Предание суду Революционного трибунала всех саботажников и контрреволюционеров и выработка мер борьбы с ними. 3) Комиссия ведёт только предварительное расследование, поскольку это нужно для пресечения ... Комиссия разделяется на отделы: 1) Информационный, 2) Организационный отдел (для организации борьбы с контрреволюцией по всей России и филиальных отделов, 3) Отдел борьбы ... Комиссии обратить в первую голову внимание на печать, саботаж, к.д., правых с.-р., саботажников и стачечников. Меры – конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д.» [135, сс.36-37].

В предисловии подчёркивается, что компартия осуществляла повседневное руководство органами ВЧК. Важнейшие решения, касающиеся задач и методов работы чекистских органов, правового положения и обеспечения их кадрами, принимались только после их обсуждения в Центральном Комитете партии. Особо отмечено в предисловии, что партия и Ленин делали всё, чтобы на работу в чрезвычайные комиссии направлялись её лучшие люди, идейно стойкие и преданные делу революции. Ленин сформулировал важнейшее партийное требование к деятельности советских чекистов: «решительность, быстрота, а главное – верность» [135, с.7]. Как видим, человеческих качеств не требовалось, только верность партии. Этот момент очень важен – он отразился на деятельности чекистов в последующем десятилетии.

В некоторых документах, относящихся к 1917 году, применяется термин «враг народа» [135, с.32].

Даже этот сборник, изданный в советский период и составленный тенденциозно, свидетельствует о жестокости и кровожадности нового политического строя. Документ №52, датированный 5 июля 1918 г., составляет отрывок из доклада Ленина на V Всероссийском съезде советов рабо-

чих, крестьянских, солдатских и красноармейских депутатов. Приводим выдержку: «Нет, революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни. Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которых не было бы расстрелов» [135, с.81].

Сегодня часто в исторических исследованиях используют слова «красный террор». Это словосочетание было вполне легитимным в первые годы советской власти. Например, в документе №76, а именно в циркулярном письме ЦК РКП(б) ко всем членам партии – комиссарам, командирам и красноармейцам (осень 1918 г.) говорится: «Красный террор сейчас обязательнее, чем где бы то ни было и когда бы, то ни было» [135, с.108].

А документ под №196 состоит из выдержки из протокола заседания ЦК РКП(б) 15 июня 1919 г. «Слушали: 6. Проект декрета о расширении права расстрела, внесённый т.Дзержинским». Декрет приняли за основу [135, с.218].

Молчанием по поводу репрессий обошлись составители сборника документов по истории советского общества, подготовленного в качестве учебного пособия для студентов вузов, обучавшихся по специальности «История», изданного в 1980 году. В сборник включены документы об экономическом и культурном развитии СССР, документы о борьбе за мир и коллективную безопасность против угрозы фашистской агрессии.

Однако, к большому сожалению, отсутствуют материалы, которые могли бы осветить политическую ситуацию в стране. Особо подчёркивается во введении, что «на долю социалистической собственности в 1937 году приходилось 98,7% всех производственных фондов страны» [216, с.5]. Однако, несмотря на хронологические рамки – 1933-1941 гг. – интересующая нас тема осталась нетронутой. В то же время, хотелось бы привести цитату из документа №27 – Из примерного устава сельскохозяйственной артели (1935 г.), которая гласит: «Всякое расхищение общественной колхоз-

ной и государственной собственности, вредительское отношение к имуществу и скоту артели и машинам машинно-тракторной станции рассматривается артелью как измена общему делу колхоза и помощь врагам народа».

Лица, виновные в таком преступном подрыве основ колхозного строя, передаются артелью в суд для наложения взыскания по всей строгости законов рабоче-крестьянского государства” [216, с.95].

Так, в сборнике упоминались враги народа в выгодном для власти контексте. По-другому и не могло быть в советский, тоталитарный период нашей истории. Много людей пострадало ввиду таких инструкций, которые стали обоснованием для дальнейших репрессий.

Таким образом, несмотря на то, что с конца 1950-х годов советское общество узнало о репрессиях, в советский период, начиная с 1970-х годов, о «культе личности» и сталинских репрессиях уже не говорили и не писали.

В годы перестройки всех сфер нашей общественной жизни, гласности, ускорения и демократизации возрос интерес к историческому прошлому. Не составляло исключение желание изучить и осмыслить итоги 70-ти лет советской истории.

Историки включились в процесс перестройки. Острое стремление ликвидировать «белые пятна», которые появились в истории благодаря длительному застою в этой науке, дали хорошие плоды. Они составили на время фактически единственный источник, обнародующий результаты научных изысканий, свободных от лжи, фальши, ошибок, присущие советским историческим трудам.

В периодической печати – научных, литературно-художественных, публицистических, общественно-политических изданиях – ежедневно появлялись исследовательские статьи, очерки, написанные в ракурсе новых концепций и освещающие переломные этапы истории советского общества. В журнальных и газетных публикациях в

научный оборот были введены многие новые факты, статистические данные, а также биографии партийных, государственных, культурных деятелей, находившихся ранее в «запретной зоне». Трудно, конечно, уследить за публикациями десятков журналов и газет. В нашей монографии мы даже не ставили перед собой такую цель. Мы стремились осветить только историческую тенденцию – показать, как изголовавшиеся по правде и принципу научного историзма историки и представители интеллигенции стали освещать период Сталина и сопутствующие этому кровавому периоду массовые репрессии.

«Перестройка» второй половины 1980-х годов, проводившаяся в СССР, создала условия для ликвидации «белых пятен» в истории. В перестроечный период в СССР стали издаваться книги и статьи о Сталине и «культе личности», которые не могли бы по объективным причинам появиться до перестройки. Нельзя забывать о том, что ещё в 1960-е годы с большой лёгкостью была свернута критика Сталина и порождённой им системы. Поэтому в перестроечный период смелые публицисты так же легко перешли на путь возврата к идеям и оценкам XX съезда партии.*

*Волкогонов Д. Феномен Сталина // Лит. газета, 1987, 9 дек.; Он же. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В.Сталина // Октябрь, 1988, №10-12; Кожин В. Правда и истина // Наш современник, 1988, №4; Костиков В. Сапоги из шагреновой кожи // Огонек. 1989, №32; Лацис О.Р. Перелом // Знамя, 1988, №6; Ципко А.С. Истоки сталинизма // Наука и жизнь. 1988, №11,12; 1989, №1,2; Бестужев-Лада И.В. Аморальность и антинародность «политической доктрины» сталинизма // История СССР, 1989, №5; Курашвили Б.П. Политическая доктрина сталинизма // Там же; Медведев Р.А. О Сталине и сталинизме: Исторические очерки // Знамя, 1989, №1-4; Он же. Они окружали Сталина // Юность, 1989, №3,5,6,8,9,12; Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышления о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. М., 1989; Урок даёт история. Сб. статей. М., 1989; Слассер Роберт. Сталин в 1917 г.: Человек, оставшийся вне революции. М., 1989; Белادي Л., Краус Т. Сталин. М., 1989; Дойчер И. Адски тёмная ночь

(Троцкий: штрихи к портрету) // Иностранная литература, 1989, №3; Каптелов Б.И., Перегудова З.И. Был ли Сталин агентом охраны. // Вопросы истории КПСС, 1989, №4; Такер Р. Сталин. Путь к власти. 1879-1929. М., 1990; Конквест Р. Большой террор // Нева. 1989, №9-12; 1990, №1-10; Клямкин И. Была ли альтернатива Административной системе? // Политическое образование, 1988, №10, сс.55-65; Гудков Л., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л. Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений. // Коммунист, 1988, №12, сс.73-84; Бовин А. Вожди и массы. // Новое время, 1988, №19, сс.26-27; Васецкий Н. Сталин: Борьба за лидерство в партии. // Аргументы и факты, 1988, №24, сс.5-6; №26, сс.4-7; Волкогонов Д. Сталин, его триумф и трагедия. // Проблемы мира и социализма, 1988, №3, сс.88-90; Волкогонов Д. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В.Сталина. // Октябрь, 1988, №10, сс.3-55; №11, сс.16-129; №12, сс.46-166; Волкогонов Д. Шанс совести существует всегда. // Книжное обозрение, 1988, №33, сс.3-9; Гефтер М.Я. «Сталин умер вчера...». // Рабочий класс и современный мир, 1988, №1, сс.113-129; Козлов А. Сталин: о чём умалчивали биографы. // Политическое образование, 1988, №16, сс.91-97; Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления об И.В.Сталине: Вступительная статья и подготовка текста Л.Лазарова. // Знамя, 1988, №3, сс.33-66; №4, сс.49-121; №5, сс.69-96; Старков Б. Честь партии: О бойцах ленинской гвардии, выступивших против режима личной власти И.В.Сталина. // Знание – сила, 1988, №10, сс.79-85; Герои из 37-го: О военных прокурорах, которые пытались оказать сопротивление сталинскому произволу: Беседа с генерал-лейтенантом юстиции в отставке Б.А.Викторовым. // Комсомольская правда, 21 августа 1988; В Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов. // Правда, 6 февраля 1988; Истина против клеветы: О работе Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х годов. // Правда, 19 августа 1988; Амлинский В. «На заброшенных гробницах ...»: О репрессиях 30-х гг., Н.И.Бухарине. // Юность, 1988, №3, сс.50-61; Бордюгов Г., Козлов В. Николай Бухарин: Эпизоды политической биографии. // Коммунист, 1988, №13, сс.91-109; Возвращение правды: О.Н.И.Бухарине: Беседа с доктором исторических наук Л.Ф.Морозовым. // Неделя, 1988, №39, сс.8-9; Волкогонов Д. Демон революции: О Л.Д.Троцком и его взаимоотношениях с И.В.Сталиным. // Правда, 9 сентября 1988; Васецкий Н. Ликвидация: Кто и почему убил Троцкого: свидетельства и версии разных лет. // Литературная газета, 4 января 1989; Васецкий Н.А. «Я не гожусь на вторые роли...»: Штрихи к

В этих изданиях авторы размышляли о том, почему стали возможны всякие деформации советского общества, строящего социализм, кризисные ситуации и изнуряющие дискуссии в партии, возведение чрезвычайных мер и органов в систему, тотальное огосударствление всех сторон общественной жизни, процесс уничтожения кадров, психология «вождизма», ужесточение командно-административной системы, гипертрофия репрессивно-карательной функции государства, искажения методов социалистического строительства, усиление централизации всех областей жизни, гипертрофия насилия, принуждения, подозрительности и страха в обществе и умах людей.

К числу этих изданий относятся также исследования, посвящённые репрессированным вождям, например Н.И. Бухарину, Л.Д.Троцкому, А.Косареву. Кроме того, в периодической печати освещались мероприятия ЦК КПСС, связанные с реабилитацией репрессированных в годы массового террора.

В небольшой по объёму книжке авторов Ю.В.Егорова и В.Г.Островского [146] рассматриваются причины возникновения в СССР административно-командной системы управления в конце 20-х годов, что привело к массовому террору 30-х годов.

В брошюру военного публициста, заслуженного работника культуры РСФСР, лауреата премии Союза журналистов СССР А.П.Хорева «Не подлежит забвению» [229], основанной на не публиковавшихся ранее материалах военных архивов и изданной в 1989 году, включены докумен-

портрету Троцкого // Комсомольская правда, 18 мая 1989; Головкин А. Не отрекаясь от себя: Из истории комсомола 30-х годов. Репрессии против комсомольских вожаков. О Н.И.Ежове, М.Д.Багирове, Л.П.Берии. // Огонёк, 1988, №7, сс.26-29; Полякова Д., Хорунжий В. «Совість моя чиста»; О генеральном секретаре ЦК ВЛКСМ А.Косареве. // Комсомольская правда, 17 марта 1988; Косарева А. Вожак: О секретаре ЦК ВЛКСМ А.Косареве. // Юность, 1987, №4, сс.2-5.

тальные очерки о легендарных и выдающихся военачальниках – Маршале Советского Союза М.Н.Тухачевском, командармах I ранга И.П.Уборевиче и И.Э.Якире, комкоре В.М.Примакове, которые внесли огромный вклад в укрепление боеспособности РККА. В роковом 1937-м они были вырваны из боевого строя гильотиной сталинского произвола.

Автор Хорев пишет: «Им предъявили чудовищное обвинение в том, что они, находясь якобы на службе у разведки одного из иностранных государств, ведущего недружелюбную политику в отношении СССР, систематически поставляли его военным кругам шпионские сведения, совершали вредительские акты в целях подрыва мощи Красной Армии, подготавливали на случай военного нападения на СССР поражение и имели своей целью содействовать расчленению Советского Союза и восстановлению власти помещиков и капиталистов. И никто не узнал, какие же именно шпионские сведения и кому они передавали – ну хотя бы один факт, какие вредительские акты и где именно совершали – ну хотя бы один пример. Между тем формально вроде бы соблюдено правосудие: проведено следствие, состоялся судебный процесс ... Но все это не более чем инсценировка, с помощью которой Сталин и его ближайшее окружение пытались ввести в заблуждение общественное мнение внутри страны и за рубежом» [229, с.3].

А.П.Хорев приводит воспоминания Георгия Константиновича Жукова о репрессированных военачальниках: «Особенно жаль Тухачевского. Огромного военного таланта человек. Умница, широко образованный, сильный, занимался тяжёлой атлетикой, и очень красивый. (Вдруг отклонился в кресле, как-то взглянул сбоку и вновь повторил: «Удивительно был красив»)» [229, с.13]. Хорев подчёркивает, что работам Тухачевского «Стратегия национальная и классовая» и «Война классов» нашлось место в личной библиотеке Ленина в Кремле [229, с.14].

В 1964 году вышел двухтомник Тухачевского «Избранные произведения». Хорев пишет, что «одно только перечисление названий некоторых работ даёт наглядное представление о целеустремлённости его научных интересов: «Война как проблема вооружённой борьбы», «Новые вопросы войны», «Характер пограничных сражений», «Военные планы нынешней Германии», «Маневр и артиллерия», «Вопросы современной стратегии» [229, с.14].

Автор указывает, что за незаконные аресты, фальсификацию следственных дел и применение незаконных методов ведения следствия ежовские подручные – Леплевский, Ушаков, Агас, Миронов, Фриновский, принимавшие участие в расследовании дел Тухачевского, Якира и других, были приговорены к расстрелу ещё в 1938-1940 гг. Расстрелян был и Ежов. Однако имена репрессированных военных специалистов на протяжении двадцати лет были преданы забвению и замалчиванию. Вслед за ними были уничтожены ещё десятки тысяч командиров и комиссаров Красной Армии. Только с мая 1937 г. по октябрь 1938 г. в армии и на флоте было репрессировано около 40 тыс. человек [229, с.21]. За этот произвол, кровавый сам по себе, страна заплатила ещё большей кровью в годы войны. Автор пишет об Иерониме Петровиче Уборевиче, под началом которого служили другие командиры, отличившиеся в сражениях Великой Отечественной войны. В их числе маршалы Советского Союза И.Х.Баграмян, М.В.Захаров, И.С.Конеv, Р.Я.Малиновский, В.Д.Соколовский, С.К.Тимошенко, главный маршал авиации А.А.Новиков, генерал армии В.В.Курасов, генерал армии В.Я.Колпакчи, другие известные военачальники [229, с.33].

Ещё в 1921 году, командуя 5-й армией в Сибири, Уборевич организовал военно-политический журнал «Красная Армия на Востоке» и сам выступал в нём с интересными статьями по военному делу, а в 1928 году вышла в свет его книга «Подготовка комсостава РККА (старшего и высшего).

Полевые поездки, ускоренные военные игры и выходы в поле» [229, с.33]. Она стала ценным пособием для командиров на долгие годы.

Автор книги Хорев упоминает об очень деликатной детали: «Когда затравленный Сталиным, осунувшийся и бледный, не прекративший голодовки, объявленной в знак протеста против чудовищных и облыжных обвинений, Николай Иванович Бухарин явился, как на экзекуцию, на февральско-мартовский (1937 г.) Пленум ЦК, лишь немногие решились пожать руку человеку, которого Ленин называл любимцем партии. В их числе был Иероним Петрович Уборевич. И этот по тому времени акт мужества тоже не могли не заметить и не оценить. Каждый, конечно, по-своему ... Сталину этого могло быть достаточно для того, чтобы внести его имя в свой кровавый список» [229, с.34].

«Учите войска так, как вы учили их при Уборевиче», – сказал Сталин на одном из совещаний командиров спустя год после расстрела Уборевича [229, с.35]. Это указание свидетельствует о том, что Сталин продолжал ценить профессионализм этого военачальника.

«Школу Якира» прошли и впоследствии гордились ею многие командиры. В их числе маршал И.Х.Баграмян, генералы армии И.Д.Черняховский, А.В.Горбатов и мн.др. [229, с.38]. Будучи начальником Главного управления военно-учебных заведений РККА, он редактировал журнал «Военный вестник». В 1937 году Иона Эммануилович Якир обращался в НКВД, ездил к Сталину, пытаясь защитить от репрессий своих подчинённых и фронтовых соратников: комкора И.И.Гарькавого, комдива Д.А.Шмидта, комбрига Б.И.Кузьмичева [229, с.47].

Очень интересен очерк о комкоре Виталие Марковиче Примакове – организаторе войск Червоного казачества на Украине, которые воевали с Петлюрой и Деникиным, белополяками и Махно [229, с.50]. Ещё он был одарённым, подававшим большие надежды литератором-публицистом

[229, с.55]. Он написал рассказ «Танька» о преодолении красноармейцами танкобоязни [229, с.55]. Его труды: «Рейды червонных казаков», «Тактические задачи германского генштаба», «Записки волонтера (Гражданская война в Китае)», «Афганистан в огне», «По Японии».

Эти военачальники подверглись физическим пыткам на допросах. Они подписали на себя и своих боевых товарищей напраслину, не выдержав пыток и истязаний. Автор пишет: «По всем этим причинам ни у кого из нас, не прошедших кругов ежовского ада, нет морального права бросить камень в того, кто, не выдержав мук, подписал подсунутые ему ложные показания или повторил их, как заученный урок, на судебном спектакле» [229, с.61]. Поняв, что никакие доказательства, никакие аргументы не помогут, что вершится не правосудие, а его фикция, разыгрывается спектакль, каждый из них в меру своего разумения выбирал себе и тактику, и стратегию: один стоял насмерть, другой кончал самоубийством, третий подписывал ложное признание ... Конечно, первый вариант выглядит предпочтительнее. И даже второй – эффектной. Но нельзя не учесть и того, что выбор тут зависел не только от меры твёрдости жертвы, но и от степени изощрённости палача. Потомки вправе судить палачей, а не жертвы [229, с.62].

В конце 1980-х годов в Москве стали проходить встречи историков, философов, деятелей культуры, на которых обсуждались наиболее острые вопросы отечественной истории. В подготовленной Институтом военной истории Министерства обороны СССР книге «30-е годы: взгляд из сегодня» помещены различные, порой дискуссионные точки зрения историков, философов, литературоведов, экономистов и деятелей церкви на проблемы социализма и духовной атмосферы советского общества 30-40-х годов XX в.

На одной из встреч доктор философских наук, профессор, начальник Института военной истории МО СССР Д.А.Волкогонов, характеризуя 30-е годы в истории страны

и ставя вопрос, был ли построен в 30-е годы социализм и как его оценивать, сказал: «На наш взгляд, в 30-е годы в Советском Союзе существовал бюрократический социализм. Сталинизм – это извращение теории и практики социализма. У социализма 30-х годов есть совершенно определённые черты. В политическом плане – это заметное сращивание партии с государством. В экономическом – господство директивных и внеэкономических методов. В организационном – максимальная централизация. В социальном – формальная демократия и тотальная бюрократия. В нравственном – коллективистские взгляды, которые, несмотря на многие положительные аспекты, поглотили личность как таковую. В духовном – господство штампов, клише и мифов. В идеологическом – обещание благ, неизменно отодвигаемых на необозримое будущее. Но вместе с тем было много такого, что отражало новое в жизни общества: революционный энтузиазм, вера в идеалы, подвижничество. Как можно назвать такой социализм? Это, по сути, был цезаризм 30-х годов, сталинский социализм» [224, сс.6-7].

Доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Колычев В.Г. утверждал, что «от жестоких репрессий партия понесла невосполнимый урон, была значительно ослаблена её дееспособность. В 1937 году из её рядов были исключены 117,9 тыс. человек (около 6% всего состава коммунистов), в 1938 г. – 90,2 тыс. (5%), а всего за 1937-1940 гг. – 297,4 тыс. коммунистов». В 1937-1938 гг. исключение из партии происходило в массовом порядке. «Так, только на одном заседании ЦК КП(б) Азербайджана 5 ноября 1937 г. были исключены без всякого обсуждения 279 человек» [224, с.29]. «Чаще всего репрессиям подвергались руководящие работники партии. Из 1966 делегатов XVII съезда ВКП(б) арестовано 1108 человек. Из 139, избранных на съезде в члены и кандидаты в члены Центрального Комитета, репрессировано 98 человек» [224, с.30].

Доктор юридических наук, профессор, заведующий проблемной группой по истории Советского государства и права Института государства и права АН СССР Скрипилев Е.А. отметил: «Одно из проявлений деформации социализма в нашей стране – это серия суровых уголовных законов, послуживших «юридической базой» сталинского произвола. С принятием этих законов резко усилились репрессии и сильно ограничивались (можно даже сказать, уничтожались) элементарные судебные-процессуальные права и гарантии советских граждан. Это в первую очередь относится к закону от 7 августа 1932 г. об охране общественной собственности, закону от 8 июня 1934 г. об измене родине, закону от 1 декабря 1934 г. о террористических актах, закону от 2 октября 1937 г. о вредительстве и диверсиях. Следует упомянуть также об учреждении 10 июля 1934 г. Особого совещания при народном комиссаре внутренних дел СССР, которое стало органом внесудебной репрессии» [224, с.41].

Литературный критик, заместитель главного редактора журнала «Вопросы литературы» Лазарев Л.И., говоря о литературе как о части духовной атмосферы того времени, о её воспитательной и даже пропагандистской функции, отметил: «Чтобы постичь трагически противоречивую духовную атмосферу предвоенных лет, следует, как к одному из самых важных источников обратиться к произведениям художественной литературы, написанным спустя много лет после войны, иногда в наши дни. Духовные деформации, порождённые в 30-е годы массовыми репрессиями и попранием человеческого достоинства, демагогией и тотальной подозрительностью, раболепием и страхом, и духовное сопротивление лжи, несправедливости, приспособленчеству раскрывают такие произведения, как «Реквием» А.Ахматовой и «По праву памяти» А.Твардовского, «Живые и мёртвые» К.Симонова и «Жизнь и судьба» В.Гроссмана, «Июль 41 года» Г.Бакланова и «Последние

две недели» А.Розена, «Карьер» и «В тумане» В.Быкова и «Ещё заметен след» Д.Гранина» [224, с.157].

Одно ясно, что в оценке сталинских репрессий до сих пор историки не пришли к единому мнению.

Следует подчеркнуть, что первые статьи, информационные заметки, очерки и мемуары о выдающихся личностях, подвергшихся незаконным репрессиям, появились на страницах периодической печати. На них был большой спрос в советском обществе, которое переживало «перестройку, гласность, ускорение». Со второй половины 1980-х годов советские люди стали узнавать историческую правду о сталинских репрессиях. После 30-летнего молчания снова в обществе появилась возможность обсуждать Сталина, период его правления, отличившийся особой жестокостью власти по отношению к гражданам. Много телевизионных и радиопередач было посвящено жизни и смерти репрессированных. Читателей, зрителей и слушателей волновали события тридцатых годов. Они хотели разобраться в том, как могло случиться, что наряду с героическими свершениями народа против него стали возможными кровавые преступления. Людей волновали причины появления культа личности Сталина. Не будет преувеличением сказать, что, по сути, речь шла о социализме, об отношении к нему, о его понимании и о том, стоит ли продолжать его строить или отвернуться от него.

На страницах центральной (Москва) и республиканских органов печати читатели знакомились не только с выдающимися личностями, которые подверглись репрессиям, но и узнавали о тех, кто эти репрессии организовывал. Так, например, в статье «В.И.Ленин: «Вместе и наравне ...», напечатанной в газете «Правда» под рубрикой «Правдинские пятницы», утверждалось, что Ленин в «Письме к съезду» говорил о сосредоточении в руках Сталина необъятной власти, и тогда для многих это было неожиданным и не совсем понятным. Между тем, Ленин опирался на ряд точных

фактов и наблюдений. «Во-первых, он имел в виду ту роль, которую стал играть Секретариат и лично Сталин в решении кадровых вопросов: назначение секретарей губкомов, подбор состава комиссий, перемещения по принципу выдвижения преданных ему людей. Во-вторых, всё большее утверждение директивного тона в решениях Оргбюро и Секретариата. В-третьих, использование авторитета ЦК для навязывания и форсированного проведения, нужных генсеку решений. Да и в личном плане В.И. Ленин имел все основания на подобное утверждение. Сталин по ряду вопросов торопился утвердить собственные подходы и мнения, не советуясь с Владимиром Ильичем, не из-за боязни тревожить его во время болезни, а из желания сделать по-своему, поставив Ленина перед свершившимся фактом» [134].

В статье «Ленинское завещание» рассказывается о том, что в конце декабря 1922 года и начале января 1923 года Ленин продиктовал записи, которые вошли в Полное собрание сочинений В.И. Ленина под общим названием «Письмо к съезду». Эти записи родные, близкие и соратники Ленина называли завещанием. Впервые оно было обнародовано в открытой печати лишь в 1956 году. В частности, 4 января 1923 г. Ленин диктует Л.А. Фотиевой добавление ко второй части своего «Письма к съезду» от 24 декабря 1922 г., даёт в нём характеристику Сталина, рекомендует обдумать способ перемещения его с поста Генерального секретаря ЦК РКП(б). Эта фраза хорошо известна: «Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека». Следующее предложение оказалось пророческим: «Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» [172].

Впервые обсуждение вопроса о происхождении и сущности культа личности Сталина состоялось на XX съезде

КПСС (постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий», принятое в 1956 г.) и на XXII съезде. В первое десятилетие после XX съезда партии обсуждение культа личности шло и в литературе. Статья В.М.Кулиша «Об уроках и правде истории» содержала ответы на письма читателей, присланные в редакцию журнала «Наука и жизнь» в связи с предыдущими статьями, где рассматривалось влияние вызванных культом личности И.В.Сталина репрессий 1937-1938 гг. на неготовность страны к войне [167].

Автор пишет: «Краткое изложение проблемы может создать впечатление, что утверждение культа личности Сталина проходило гладко и без конфликтов. Это далеко не так. Против культа боролась старая партийная гвардия, люди, прошедшие школу борьбы за социализм под руководством В.И.Ленина, активные участники Великой Октябрьской революции и гражданской войны, верные ленинской традиции и сохранению её в партии. Для «убеждения» противников режима личной власти были избраны средства политического и идеологического подавления и репрессии» [167].

Автор приводит данные генерал-лейтенанта А.И.Тодорского, который свидетельствует, что из общего числа 733 высших командиров и политработников было репрессировано 579 и осталось в Красной Армии только 154. Среди безвинно погибших командиров и политработников были крупнейшие опытные военачальники: М.Н.Тухачевский, В.К.Блюхер, А.И.Егоров, И.Э.Якир, И.П.Уборевич, А.И.Корк, Е.И.Ковтюх, И.Ф.Федько, И.С.Уншлихт, П.Е.Дыбенко, Р.П.Эйдеман, Я.Б.Гамарник (покончил жизнь самоубийством) и многие другие. Таких потерь командного состава в столь короткий срок наша армия не несла даже в период войны [167].

Была учинена расправа с чекистами. Подверглись репрессиям многие тысячи работников госбезопасности, вы-

ступавшие против беззакония и произвола. Истреблены были многие руководители этих органов, среди них И.А.Акулов, Я.К.Берзин, Е.Г.Евдокимов, М.С.Кедров, Я.К.Ольский, Я.Х.Петерс, С.В.Пузицкий и многие другие [167].

Репрессиям подвергались и некоторые ведущие конструкторы военной техники, например, А.Н.Туполев, С.П.Королев, И.Т.Клейменов, Г.Э.Лангемак, В.П.Глушко, П.И.Гороховский, Н.Н.Поликарпов, А.А.Архангельский, П.О.Сухой и другие. Так, морально-этическая атмосфера, созданная репрессиями 30-х годов, оказывала негативное влияние на область создания нового оружия, его внедрение в производство и, в конечном счете, на перевооружение Красной Армии. [167].

В.М.Кулиш утверждает, что факт написания истории многих периодов под давлением, в особенности советского, отрицать нельзя. Давление осуществлялось в различных формах – идеологических, моральных, методологических, административных и репрессивных ещё в 30-е годы. Начало ему положила «борьба» против школы Покровского, в полном виде оно развернулось после выхода в свет «Истории ВКП(б). Краткий курс». Именно в то время для насаждения культа личности И.В.Сталина активно использовались и средства исторической науки. Путём искажения исторических событий была создана концепция двух равных создателей и вождей Коммунистической партии – Ленина и Сталина. Сталин был представлен как единственный организатор и руководитель побед на фронтах гражданской войны и «великий полководец», основоположник марксизма-ленинизма наравне с Марксом, Энгельсом и Лениным.

Затем наступил период «застоя». Автор справедливо указывает: «Из наследства недавнего прошлого в методологии исторической науки сохранялось как раз то, отказаться от чего призывали решения XX и XXII съездов партии. Был снова ограничен доступ исследователей к архивам и другим

источникам. Была вновь принята «на вооружение» концепция «выгодной» и «невыгодной» правды». Например, «Военно-историческому журналу» Главпуrom было запрещено сообщать о причинах смерти реабилитированных военачальников, репрессированных в 1937-1938 гг. и другие годы [167].

Александр Яковлев, доктор юридических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР в своей статье «Правосудие и мы. Уроки тридцатых годов», напечатанной в газете «Московские новости», со знанием специалиста сравнивает: «Чудовищные злодеяния на процессах «врагов народа» нельзя называть «извращениями» правосудия, «попроками» юстиции. Это вовсе не правосудие, это – «антиюстиция» ... Тройка решала судьбу человека – судья и два заседателя, чтобы наказать человека смертью, было достаточно двух голосов их трёх». Автор приводит историческое сравнение: «В конце XIX века этот вопрос в Российской империи решала коллегия из 12 присяжных заседателей по большинству голосов, если же голоса распределялись поровну, вопрос решался в пользу подсудимого» [235].

Интересен факт, характеризующий маниакальную подозрительность у коммунистических руководителей. Так, Давид Гай в статье «Конец «дела врачей», напечатанной в газете «Московские новости», пишет о том, что врач Валентина Готлиб, дочь профессора Якова Готлиба, скончавшегося ещё до тех печальных событий, вспоминала: «Отцу доводилось лечить Багирова – первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана, впоследствии расстрелянного. Будучи ещё в 1946 году в Баку, отец проводил Багирову процедуру под названием хромоцистоскопия: для этого в вену вводился специальный раствор. Так вот этот самый раствор сначала вводили в вену отцу, а уж потом – его пациенту» [137].

Советским людям внушали, что за границей были личности, поддерживающие политику Сталина. Обычно в пример приводили писателя Ромена Роллана. Ромен Роллан не-

однократно пытался выступить в защиту известных ему литераторов, а также врачей-профессоров Д.Плетнева и Л.Левина (они его лечили по рекомендации М.Горького, когда Р.Роллан в 1935 году посетил Москву) [168, с.36]. Следует указать, что исследователь Тамара Мотылёва в статье «Ромен Роллан: я защищаю не Сталина, а СССР...», напечатанной в газете «Московские новости», утверждает, что Р.Роллан придерживался той позиции, которую выразил ещё в 1917 году в статье «Привет свободной и несущей свободу России». В этой статье он, дружески предостерегая, писал: «Пусть наш пример будет поучителен для вас! Помните о французском конvente, пожиравшем подобно Сатурну своих детей! Берегите все ваши силы для защиты святого дела, которое вы представляете». Р.Роллан в конце 1937 года заносил в дневник свои мучительные размышления. Роллан выражает свою острую духовную боль по поводу массовых репрессий. «В течение полутора лет (точнее – со времени смерти Горького) развернулся террор, который свирепствует по всему СССР... Смертельная тревога завладела всей политической жизнью Союза ... В течение последних десяти месяцев царствует нездоровая атмосфера подозрительности и страха, которая замораживает перо писателей, парализует языки, унижает сердца». Ромен Роллан, веря в правильность социализма, утверждал в письмах, адресованных своим друзьям, и дневниках, что он защищает не Сталина, а СССР [184].

Отто Лацис, автор статьи «Перелом», посвящённой концу 1920-х – началу 1930-х годов, считает, что коммунистическая партия была разгромлена. По его мнению, «Сталин не мог ограничиться разгромом партии», он «нарушил коренные интересы обоих трудящихся классов в целом». В то же время О.Лацис приходит к общему выводу: «Бонапартистский поворот в условиях социалистической революции не разрушил революционное государство, хотя и ослабил его» [171, сс.172-173, 175,178].

О.Лацис делает попытку объяснить причины возникновения культа личности Сталина мелкобуржуазностью населения страны, слабостью старого рабочего класса, интересами быстро выросшего в начале тридцатых годов нового рабочего класса [171, сс.175-178].

Прав автор другой статьи, напечатанной в «Правде», А.Совокин, который пишет, что термин «враг народа» был изобретён отнюдь не большевиками. Он был в ходу ещё во времена Великой Французской революции: «якобинцы объявили врагами народа тех, кто «способствует замыслам объединённых тиранов, направленным против республики». Советская власть считала врагами народа представителей классов помещиков и капиталистов, открыто выступавших вместе с иностранцами против революционного пролетариата и его союзников. Сталин же в 30-е годы использовал этот ярлык против коммунистов, активных участников революции и социалистического строительства в целях, ничего общего не имевших с интересами партии и народа. Его практика не имела ничего общего и с интересами любой нации, любого народа Страны Советов – все они и каждый в отдельности в большей или меньшей степени пострадали безвинно от массовых репрессий сталинской эпохи [220].

Одной из первых статей, посвящённых репрессиям, является статья В.М.Курицына «1937 год в истории Советского государства», напечатанная в 1988 году в журнале «Советское государство и право» в рубрике «Страницы истории» [169]. Автор являлся начальником кафедры Московской высшей школы милиции МВД СССР, доктором юридических наук, профессором.

Автор пишет, что в действительности репрессии начались ещё в конце 1920-х годов, их размах увеличился и достиг апогея в 1937 году. Автор рассказывает об экономических, политических, военных факторах двадцатых-тридцатых годов, которые привели огромную страну со 160 миллионами жителей к катастрофе – репрессиям небывалых

масштабов. Автор описал, как в стране завершился переход от экономических методов управления народным хозяйством, характерных для нэпа, к административно-командным, которые базировались не на экономической заинтересованности, а на административном приказе, т.е. на принуждении [169, с.111].

7 апреля 1930 г. было принято новое Положение об исправительно-трудовых лагерях. Туда заключались часть раскулаченных, нэпманские элементы из городов, бывшие офицеры царской армии, лица, служившие в белых армиях, члены бывших антисоветских партий. В лагеря попала и значительная часть старой интеллигенции. В числе репрессированных оказалось много людей, давно отошедших от какой-либо враждебной деятельности против Советской власти или вовсе в ней не участвовавших [169, с.115]. Именно в начале 30-х годов сложилась административно-командная, жестко централизованная система управления производством и распределением, которая обуславливала и концентрацию в руках Сталина и его ближайшего окружения всей полноты политической власти. Сформировался мощный, строго централизованный аппарат принуждения. Сложился культ личности Сталина [169, с.116].

Автор статьи В.М.Курицын рассказал о карательных органах СССР. 10 июля 1934 г. ОГПУ было реорганизовано в НКВД СССР, и при нём был образован внесудебный орган – Особое совещание. Внесудебные репрессии широко применялись в годы гражданской войны. ВЧК была наделена чрезвычайными полномочиями. Но после окончания гражданской войны и перехода к мирному социалистическому строительству внесудебные полномочия ВЧК (а затем ОГПУ) резко сократились, хотя и не отменялись полностью. В ходе судебной реформы 1922 года произошла ликвидация чрезвычайных судов – революционных трибуналов. Наказания стали применяться главным образом по судебным приговорам, хотя для некоторых категорий дел сохранялся вне-

судебный порядок применения репрессий по решениям комиссий по административным ссылкам и высылкам при НКВД союзных республик. Внесудебные репрессии вновь широко распространились с конца 1929 – начала 1930 гг. [169, с.116].

В постановлении ЦИК СССР об образовании НКВД СССР от 10 июля 1934 г. говорилось о создании Особого совещания вместо существующей ранее Судебной коллегии ОГПУ, которая упразднялась. В постановлении ЦИК СССР от 10 июля 1934 г. и принятом 5 ноября 1934 г. Положении об Особом совещании при НКВД СССР в его состав был введён прокурор СССР или его заместитель, а полномочия совещания ограничивались правом применять во внесудебном порядке заключение в исправительно-трудовом лагере на срок до 5 лет, а также ссылку и высылку на тот же срок или выдворение за пределы СССР [169, с.116].

Автор справедливо указывает: «Если репрессии конца 20-х – начала 30-х годов были направлены против кулачества, нэпманов, зажиточных слоёв населения деревни и города, старой интеллигенции, то начиная с 1934 года они, расширяясь, втягивали в свой круговорот и другие социальные слои. Наконец, в середине и во второй половине 30-х годов они обрушились на партийный и советский аппарат, командный состав армии, широкий слой хозяйственников. Нетерпимость и всеобщая подозрительность делали своё дело. Неполадки на производстве, брак расценивались как вредительство, диверсия. Освоение новых производств было сопряжено с большими трудностями, остро ощущалась нехватка инженерно-технических кадров, квалифицированных рабочих. На производство пришли сотни тысяч не имеющих никакой квалификации молодых людей, женщин, бывших крестьян. Массовый характер носили нарушения технологической дисциплины. Дорогостоящие машины ломались, повышался процент брака. В этих условиях недостаток во «вредителях» и «диверсантах» не было [169, с.117].

В.М.Курицын очень точно выразился: за произвол Сталина наш народ заплатил великую цену, они имели тяжёлые последствия для жизни нашего общества. О величине этих жертв косвенно свидетельствуют факты: на протяжении 20-х и в начале 30-х годов население СССР стабильно росло: с 1926 по 1929 гг. – на 7 млн. чел. (с 147 млн. до 154 млн.), с 1929 г. по 1 января 1933 г. – почти на 11 млн. чел. (с 154 млн. до 165,7 млн.). Но с 1 января 1933 г. по декабрь 1937 г. оно не только не выросло, а, наоборот, уменьшилось почти на 2 млн. человек (с 165,7 млн. до 163,8 млн.). Здесь, безусловно, сыграли свою роль голод 1933 года и массовые репрессии [169, с.118].

Конечно, в 30-е годы перед Советским государством стояла задача как можно скорее вырваться из тисков отсталости, успеть создать индустриальную базу и военно-экономический потенциал, чтобы отстоять своё существование в капиталистическом окружении, – промедление грозило стране гибелью. Этим диктовалось ускорение темпов социалистических преобразований, скорейшей индустриализации, которое одним рывком вывело Советский Союз на качественно иной уровень [169, с.118].

Ю.А.Поляков в статье «Исторический процесс многомерен» пишет, что, несомненно, Сталин сам стремился к созданию собственного культа. Хотя Сталин порой лицемерно критиковал его и кичился скромностью. Создавать этот культ Сталину помогли надёжные помощники из среды политиков, поэтов, композиторов, учёных, драматургов и даже кинематографистов. Автор Поляков, объясняя причины, из-за которых стал возможен культ личности, пишет: «В годы сталинского террора партия, несмотря на тяжелейшие потери, сохранила свои позиции в основных слоях советского общества и, главное, сохранила в народе социалистические идеалы, хотя и со сталинской подсветкой. Сам Сталин смог стать вождём и приобрести власть только потому, что от начала до конца выступал как борец за социализм.

Популярность Сталина в народе, вера в него объяснялись исключительно тем, что его имя отождествлялось с социализмом, с теми завоеваниями революции, о которых говорилось выше. Каким образом ему удалось добиться такого отождествления – это феномен, заслуживающий особого изучения. Но то, что ему удалось этого добиться, представляется фактом несомненным. Какой ужасный парадокс: вера народа в светлые идеалы позволяла Сталину творить чёрные дела!». Далее автор говорит: «Сталин использовал для укрепления своей власти и для расправы с противниками реальные трудности социализма и опасности, ему грозившие. Он сумел гипертрофировать до невероятных размеров действительно имевшие место разногласия о путях социалистического строительства, убедить большую часть партии и народа в том, что недавние оппозиционеры перешли в лагерь классового врага, на сторону мирового империализма. А агрессивность империализма, его анти-советская направленность не вызывали сомнений. Ещё свежи были в памяти империалистическая интервенция, нанесящая нам неисчислимый урон, неоднократные дипломатические и военные провокации 20-х годов. Для людей 30-х годов реальностью был приход Гитлера к власти, захват Японией Маньчжурии и прямые военные вылазки японских милитаристов на Хасане (1938 г.) и Халхин-Голе (1939 г.). Через сердца граждан 30-х годов прошла горячая любовь к республиканской Испании, подвергшейся нападению фашизма. Наши люди видели, что и западные демократии, предавшие Испанию, Австрию, Чехословакию, делают всё, чтобы изолировать СССР и столкнуть его с Германией и Японией. Грозные события обостряли опасения советских людей за судьбы социализма, а Сталин умело использовал это в своих целях». Так, автор пытается объяснить, почему Сталину верили. Автор отвечает ещё на один вопрос: «Часто спрашивают: как же так, народ уважал Сталина, верил ему, Хрущёв развенчал Сталина, а народ поверил Хрущёву,

и это подняло его авторитет? Ответ прост: народ верил в социализм и оказывал доверие и уважение Сталину, не зная всей правды о нём. Народ поверил не Хрущёву, а нашёл в словах Хрущёва обновлённую веру в социализм» [199].

Академик В.А.Куманев утверждает: «Сталинская линия политики в области культуры – это авторитарность, грубое, бесцеремонное вмешательство в творческую лабораторию деятеля науки, художника, писателя, отрицание какой-либо независимости, самостоятельности суждений на попрание культуры ... Диктаторы всех времён и их ретивые прислужники почти всегда начинали истребление покорённых народов и глумление над непокорными с вырубки интеллигенции, составляющей духовный потенциал каждой страны. Подручный Гитлера Альфред Розенберг попытался даже сочинить каннибальскую теорию о первоочередности искоренения интеллектуального слоя в завоеванных фашистами государствах. На практике Сталин опередил «теоретические выкладки» Розенберга: этот «истребительный поход он развернул с конца 20-х годов, что по времени совпадает с захватом им власти в стране. Главный удар диктатор замыслил нанести в полном смысле цвету интеллигенции Страны Советов – партийной ленинской гвардии, профессиональным кадрам революционеров, закалённым в освободительной борьбе, прошедшим тюрьмы и ссылки царского режима ... С нарастающей силой потянулись беспощадные «чистки», заметно способствовавшие узурпации генсеком неограниченной власти. Всякое расхождение с его мнением объявлялось «уклоном», «фракцией», «оппозицией», противодействием генеральной линии партии [168, с.27]. Куманев пишет: «Антинаучные волюнтаристские схемы Сталина, находившие, в частности, воплощение в чрезмерно формированных темпах хозяйственного строительства, как правило, терпели одну неудачу за другой. Реальные срывы в сфере экономики, особенно в сельском хозяйстве, в других областях, ... Сталин все более настойчиво объяснял происка-

ми «оппозиции» и притаившихся (в несметном числе) враждебных сил и если в первые годы после кончины Ленина борьба Сталина сводилась преимущественно к борьбе за лидерство в партии и не сопровождалась массовым физическим истреблением оппонентов, то к началу 30-х годов генсек перешёл к чудовищным погромам инакомыслящих. Для того, чтобы приучить народ к мысли об огромном числе врагов в стране, Сталин вначале решил расправиться со старыми кадрами инженерной и научной интеллигенции, обвинив их во всех неудачах. Речь шла о «буржуазных специалистах», «беспартийной интеллигенции». С целью развёртывания массивной атаки на старые кадры в 1928 году по указке генсека было сфабриковано так называемое «шахтинское дело». ... Вслед за шумным «шахтинским делом» прошёл не менее громкий лжеспектакль по делу Промпартии (1930 г.), а также процесс не существовавшего «Союзного ЦК РСДРП (меньшевиков)» и ряд других менее значительных. Сталин был не только вдохновителем, но и сценаристом и режиссёром этих средневековых по духу судилищ» [168, с.28].

Одной из первых и интересных была опубликованная в «Правде» (1988 г.) статья Бориса Викторова «Заговор» в Красной Армии» [133]. Автор статьи в 1955 году был назначен на должность заместителя главного военного прокурора. Перед ним была поставлена задача неотложно сформировать специальную группу военных прокуроров и следователей из тех, кто не имел в прошлом отношения к делам спецподсудности. Группа должна была заняться рассмотрением жалоб и писем по поводу реабилитации необоснованно осуждённых, и прежде всего делом о «военно-фашистском заговоре». Как известно, в 30-х были уничтожены военачальники: М.Н.Тухачевский, И.Э.Якир, И.П.Уборевич, А.И.Корк, Р.П.Эйдман, Б.М.Фельдман, В.М.Примаков, В.К.Путна. Затем развернулась работа по разоблачению участников заговора и причастных к нему

лиц, что превратилось в широкую кампанию. Не вдаваясь в подробности репрессий военных, хотелось бы остановиться подробнее на тех фрагментах статьи, в которых описан стиль работы чекистов-следователей, как в те годы в НКВД вообще велось следствие. Так, например, автор этой статьи пишет: «Привлечённый в 50-е годы к ответственности бывший следователь центрального аппарата НКВД Шнейдеман дал такие пояснения: «Авторитет Ежова в органах НКВД был настолько велик, что я, как и другие работники, не сомневался в виновности лица, арестованного по личному указанию Ежова, хотя никаких компрометирующих данное лицо материалов следователь не имел. Я был убеждён в виновности такого лица ещё до его допроса и потому на допросе стремился любым путём добиться от этого лица признательных показаний». А следователь Радзивилловский дал такие показания: «... Фриновский дал мне задание: «Надо развернуть картину о большом и глубоком заговоре в Красной Армии, раскрытие которого выявило бы огромную роль и заслугу Ежова перед ЦК ... Не пытаюсь полностью снять с себя вину, но хочу, чтобы знали о той обстановке, в которой пришлось работать ... Был у нас банкет по поводу награждения большой группы чекистов. Ежов в своём выступлении сказал следующее: «Мы должны сейчас так воспитать чекистов, чтобы это была тесно спаянная и замкнутая секта, безоговорочно выполняющая мои указания».

Автор пишет, что руководили теми следователями лично Ежов и Фриновский. Оба они тоже были арестованы в 1938 году и осуждены. Вот какие показания дал Фриновский в суде: «Ежов требовал от меня подбирать таких следователей, которые были бы или полностью связаны с нами или за которыми были бы какие-либо грехи и они знали, что эти грехи за ними есть, а на основе этих грехов полностью держать их в руках ... По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали сами следователи, а не подследственные. Знало ли руководство

наркомата, то есть я и Ежов? Знали и поощряли». Ежов не опроверг этих показаний. Он дал такие показания в суде: «Порядок рассмотрения дел был до крайности упрощён. Он был проще и в этом смысле даже бесконтрольнее, чем по обычным уголовным делам ... Прокуратура СССР не могла, конечно, не замечать всех этих извращений. Поведение Прокуратуры СССР, и, в частности прокурора СССР Вышинского, я объясняю той же боязнью поссориться с НКВД и показать себя не менее «революционным» в смысле проведения репрессий. Только этими причинами я могу объяснить фактическое отсутствие какого бы то ни было прокурорского надзора за этими делами и отсутствие протестов на действия НКВД в правительство ...» [133]. Таким образом, из газетной публикации Б.Викторова читатели почерпнули много фактического материала о репрессиях тридцатых. Для нас эта публикация интересна в смысле знаний о методах чекистской работы в Центре. Эти методы из Центра внедрялись на местах, о чём будет впоследствии рассказано в представленной монографии.

История показала, насколько своевременным было предостережение Н.И.Бухарина и его сторонников о пагубности сталинской «теории» обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. Эта «теория», говорил Бухарин, «смешивает две совершенно разных вещи. Она смешивает известный временный этап обострения классовой борьбы ... с общим ходом развития. Она возводит самый факт теперешнего обострения в какой-то неизбежный закон нашего развития. По этой странной теории выходит, что чем дальше мы идём вперёд в деле продвижения к социализму, тем больше трудностей набирается, тем больше обостряется классовая борьба, и у самых ворот социализма мы, очевидно, должны или открыть гражданскую войну, или подохнуть с голоду и лечь костыми». Вполне обоснованно Бухарин предупреждал, что подобного рода «теории» могут привести к утверждению административного наси-

лия. Отчётливо антисталинский характер носил его уже достаточно широко известный ныне доклад «Политическое завещание Ленина» (21 января 1929 г.).

О Бухарине, его произведениях и репрессии рассказывается в газетных публикациях В.Журавлёва и В.Наумова «Возвращение к правде» и А.Ильина «Громаду лет прорвав ... Размышления над «Избранными произведениями» Н.И.Бухарина» [147; 154]. Н.И.Бухарина постигла судьба тех деятелей партии, которые пытались предотвратить распространение культа личности, в которых Сталин ощущал внутреннее противодействие своему деспотизму».

В статье «Власть и закон» говорится о том, что в 1937 году Сталин от имени ЦК ВКП(б) дал органам НКВД указание применять физические меры к арестованным. В январе 1939 года Сталин также от имени ЦК в телеграмме ЦК союзных республик, обкомам, крайкомам, наркомам внутренних дел и начальникам управлений внутренних дел ещё раз потребовал обязательного применения таких мер и впредь. Сталин настаивал, что метод физического воздействия должен обязательно применяться и впредь, в виде исключения, в отношении явных и неразоружившихся врагов народа как совершенно правильный и целесообразный метод.

В этой статье также указывается, что массовым репрессиям в годы культа личности предшествовала своеобразная их подготовка в области идеологии и законодательства. 10 июля 1934 г. появилось постановление ЦИК СССР, в соответствии с которым было создано Особое Совещание. Этот противоконституционный внесудебный орган, действовавший в системе органов госбезопасности, практически ничем не был связан в решении вопросов об основаниях и пределах применения уголовной репрессии. В статье говорится, что постановление ЦИК СССР от 1 декабря 1934 г. «О порядке ведения дел о подготовке или совершении террористических актов» было принято по предложению Сталина в спешном порядке после сообщения об убийстве

С.М.Кирова. В соответствии с этим следствие по делам о террористических актах должно заканчиваться в десятидневный срок. Рассмотрение этих дел в суде велось без участия обвинения и защиты. Кассационное обжалование и ходатайство о помиловании не допускалось, а приговор приводился в исполнение немедленно после его оглашения.

В статье также раскрыта зловещая роль А.Я.Вышинского в осуществлении массовых репрессий в годы культа личности Сталина. Как теоретик права, он подвёл научную базу под произвол и беззакония. Будучи Прокурором СССР с 1935 года, Вышинский отстранил прокурорский надзор за законностью в деятельности органов государственной безопасности по делам о государственных преступлениях [136].

В небольшой по объёму, но очень ценной и содержательной брошюре профессора А.И.Зевелева «Из истории утверждения единовластия Сталина» [148], изданной в 1989 году, были раскрыты некоторые аспекты истории восхождения Сталина на политический Олимп. Автор осветил методы и приёмы, применявшиеся диктатором для утверждения своего единовластия в СССР и компартии.

30 лет Сталин являлся Генеральным секретарём, секретарём ЦК компартии РКП(б) (1922-1925), ВКП(б) (1925-1952), КПСС (1952-1955) [148, с.4].

Как известно, культ личности Сталина был разоблачён на XX съезде партии (февраль 1956 г.). По докладу Н.С.Хрущёва «О культе личности и его последствиях» съезд принял постановление, состоявшее из 10 строк. А 30 июня 1956 г. ЦК КПСС было принято постановление «О преодолении культа личности и его последствий». Считалось, что в этом постановлении отражены все объективные и субъективные условия формирования культа личности Сталина [148, с.5].

Автор А.И.Зевелев характеризует постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его послед-

ствий», принятое 30 июня 1956 г., как половинчатое и не безупречное. Автор пытается выяснить, почему спустя короткое время после XX съезда очищение партии и общества от наслоений культа личности Сталина «захлебнулось» и не было доведено до конца. Непоследовательность действий по десталинизации общества способствовала тому, что некоторые проявления культа (в иных условиях и иных формах) возродились в 60-х – начале 80-х гг. [148, с.6].

Автор пишет, что значимость постановления снижалась тем, что в нём отсутствовала идея о необходимости слома созданной под руководством Сталина административно-бюрократической системы, а также ликвидации всеислия бюрократического партаппарата [148, с.6]. Автор утверждает, что в постановлении был сделан акцент на то, что ошибки были допущены Сталиным в последний период его жизни. Ни единого слова не говорилось о преступлениях против самой партии в годы коллективизации, а также на других этапах истории. Лишь обмолвились о «неправильных действиях Сталина», в особенности в области нарушения советской законности. Этими расхожими словами были замаскированы массовые преступные репрессии 30-х и последующих годов. Зато утверждалось, что восхваления в адрес Сталина «вскружили ему голову» и он «уверовал в собственную непогрешимость» [148, с.8].

Автор считает, что Постановление ЦК было основано на положениях доклада Н.С.Хрущёва на XX съезде партии, опубликованном в открытой печати лишь через 33 года (Известия ЦК КПСС, 1989, №3), который по своему теоретическому и политическому уровню стоял гораздо выше документа ЦК. Автор считает, что доклад Хрущёва на XX съезде был выдающимся событием середины 50-х гг. Это был мужественный акт со стороны Хрущёва, вершина его политической деятельности [148, с.9].

Очень интересно автор пишет ещё об одном вопросе: «Дефиниция «культ личности Сталина» не обнимает всей

сложности этого общественно-политического явления. В узком смысле культ есть чрезмерное возвеличение и слепая вера в силу и возможности одного человека. Для Сталина была характерна эклектическая система взглядов и действий, противоречащих марксизму-ленинизму. Скорее всего, можно говорить не о «культе личности», не даже о «сталинизме», а о «сталинщине». Расшифровка этого общего положения показывает, что на практике сталинщина означала:

- отчуждение трудящихся от собственности;
 - отделение правительства от народа, народа от правительства;
 - узурпация власти в партии и государстве и сосредоточение её в руках одного человека;
 - создание административно-командной системы власти, крайний волюнтаризм в руководстве политикой и экономикой;
 - ликвидация коллективного руководства в партии и плюрализма мнений, подмена их единоличными решениями, замаскированными в ряде случаев под решения съездов, конференций и пленумов ЦК;
 - превращение ряда руководителей партии в политиков, слепо подчиняющихся Сталину, во всё выполняющих его волю;
 - отказ от социалистического демократизма и установление перманентного террора, направленного своим острием против народа и партии, а также полное пренебрежение человеческими ценностями и личностными качествами людей;
 - раскол международного коммунистического движения и политика подчинения его целям «единовластия» [148, с.10].
- Автор считает, что с конца 20-х годов до начала 50-х годов в партии и государстве произошла переориентация политики, приведшей к грубым деформациям ленинской концепции социалистического строительства, к подмене её

идеями и воззрениями Сталина, не могущими быть признанными ленинскими, социалистическими [148, с.11].

Автор пишет, что Сталин боролся со своими личными оппонентами сразу после смерти Ленина. Он взял на вооружение методы, свойственные диктаторам: выступал твёрдо под флагом защиты генеральной линии партии и ленинизма от якобы их извратителей, плюрализм мнений заменялся им беспринципной групповщиной [148, с.56].

Автор осветил попытки некоторых коммунистов, выступавших против диктатуры Сталина, положить конец тирании и извращению ленинской концепции построения социализма. В этой связи на страницах брошюры показана деятельность организации «Союз марксистов-ленинцев», основанная в августе 1932 года. Среди членов Союза были старые большевики В.Н.Каюров (член партии с 1900 г.), М.С.Иванов (с 1904 г.), профессор П.П.Федоров, М.Н.Рютин (с 1914 г.) и др., всего несколько десятков человек [148, с.57].

Платформой Союза стали написанное Рютиным Обращение «Ко всем членам ВКП(б)» и документ «Сталин и кризис пролетарской диктатуры» [148, с.57].

Кроме того, автор рассмотрел вкратце историю отпора сталинщине со стороны революционеров и партийных деятелей, ответственных работников С.И.Сырцова, А.П.Смирнова, Н.Б.Эйсмонта, В.Н.Голмачева и их единомышленников. Они выступали против авторитарных методов партийного руководства и были убеждены в необходимости перемещения Сталина с поста генсека. Но добились того, что их самих сместили с занимаемых должностей и обвинили в создании различных фракций, блоков. Не миновали их и репрессии, и суициды [148, сс.58-59].

Постепенно год за годом Сталин добился того, что его авторитаризм перерос в тоталитаризм [148, с.62].

Автор подчёркивает, что единовластие Сталина, означавшее разрыв с ленинизмом, сложилось и начало действо-

вать по мере того, как Генсек и ЦК отдалялись от ленинской концепции социализма, а также вследствие того, что тогда не имелось правовых гарантий против всевластия одного руководящего деятеля [148, с.63].

В 1990 году отдельной брошюрой вышла в свет лекция А.И.Зевелева к курсу «Политическая история XX века», которая называлась «Истоки сталинизма» [149]. Учебное пособие было выполнено в проблемной лаборатории «Методология и историография истории КПСС МГИАИ». По сути, лекции эти являются дополненным, доработанным вариантом предыдущей публикации автора – брошюры «Из истории утверждения единовластия Сталина», изданной годом ранее.

В книге шесть глав. Все главы читаются с большим интересом. Они называются следующим образом: I. Знание о Сталине в 1956 году. II. Утверждение. III. Камуфляж. IV. «Отставки» Сталина: во имя чего? V. Соратники Ленина. Соучастники Сталина. VI. Сопrotивление.

Во введении автор обозначил цель лекции – раскрыть на основе источников, имеющихся ныне в распоряжении исследователей и преподавателей, истоки и процессы формирования сталинщины, её объективные и субъективные факторы.

В лекции рассматриваются объективные и субъективные факторы формирования единовластия Сталина. В этой брошюре автор анализирует ленинские идеи о коллективности партийно-государственного руководства и о роли личности в истории. Раскрывается процесс утверждения Сталина в должности генерального секретаря, а также создания им своего послушного окружения.

Также раскрываются так называемые отставки Сталина. Автор подробно описывает, по какой причине отставки Сталина не принимались. «Непринятие отставок Сталина укрепило в его характере одну отрицательную черту, которая негативно сказывалась на жизни советского народа, –

веру в свою правоту при всех ситуациях, использование их (ситуаций) в свою пользу, что утверждало его всевластие», – пишет автор [149, с.65]. Мнимыми отставками он шантажировал руководство партии и государства, а также умело пользовался для вербовки сторонников, а затем – в целях сплочения своего ближайшего окружения [149, с.59].

Кроме того, много ценных сведений автор дал об окружении Ленина и Сталина, например, об их образовании и т.д. В Заклучении брошюры даётся определение политической сути сталинщины и её последствий.

В 1989 году в Москве вышла книга «Открывая новые страницы ... Международные вопросы: события и люди» [193]. Основу сборника составляют получившие общественный резонанс материалы советской печати о неизвестных, ранее замалчиваемых или тенденциозно трактованных страницах истории советской внешней политики и Коминтерна. Наше внимание привлекли материалы о незаконных репрессиях тридцатых годов. В этом аспекте интерес представляет статья А.А.Рощина «В Наркоминделе в предвоенные годы» (на страницах 41-49). Ранее этот материал был напечатан в журнале «Международная жизнь», 1988, №4. Автор А.А.Рошин – доктор исторических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР. Многие годы работал в МИД СССР.

Автор пишет: «Аресты и незаконные репрессии, захлестнувшие страну, не обошли стороной и многих дипломатов. Им предъявлялись чудовищные обвинения – шпионаж, измена Родине, предательство. Часто случалось так: сговоришься с коллегой встретиться по какому-либо вопросу, а на другой день его уже нет в наркомате – арестован». Автор приводит в пример репрессированных Н.Н.Крестинского, Б.С.Стомонякова, С.И.Виноградова, М.А.Плоткина, В.Н.Боркова и др. [193, сс.44,45,49].

Ещё одна статья в этой книге посвящена репрессиям. Это – статья доктора философских наук, профессора

Д.А.Волкогонова «Накануне Великой Отечественной ...» [193, сс.95-108]. По сути, это – отрывок из книги «Триумф и трагедия». Ранее статья была опубликована в газете «Правда» 20 июня 1988 года. Статья раскрывает репрессии, проводимые в Красной Армии.

Приводится отрывок из речи наркома Ворошилова на заседании Военного Совета при наркомате обороны 29 ноября 1938 года: «Тогда нарком, как о великом достижении, доложил: «В ходе чистки в Красной Армии в 1937-1938 годах мы вычистили более 40 тысяч человек ... За десять месяцев 1938 года выдвинули более 100 тысяч новых командиров. Из 108 членов Военного совета старого состава осталось лишь 10 человек». Ворошилов не сказал, что треть из тех, кого «вычистили» – была расстреляна» [193, сс.104-105].

Автор утверждает: «За два года до начала войны, которая подходила к порогу Отечества, страна была обессиленной. Нет, дымились трубы фабрик и заводов, бежали по рельсам поезда, студенты шли в университеты, люди хранили надежду на лучший завтрашний день. Но, «обессиленность» была не только от переполненных лагерей, безвестья исчезнувших сотен тысяч людей, поредевших военных рядов, а прежде всего от надругательства над великой идеей. Сталин, совершив физический акт злодеяний против народа, совершил и преступление против мысли» [193, с.105].

В помещённой в этой книге статье прозаика С.А.Дангулова «Вершины горных хребтов (О Чичерине, чичеринской гвардии, их судьбах)» [193, сс.173-182], которая до этого была опубликована в газете «Правда» 7 октября 1988 года, также рассказывается о репрессированных дипломатах: через год после смерти Г.В.Чичерина (1936) был арестован Л.М.Карахан и вскоре расстрелян. Н.Крестинский был взят под стражу едва ли не с первой группой дипломатов и расстрелян. М.Кольцов был расстрелян. Я.Берзин тоже ушёл из жизни. Иван Майский, посол в Великобритании (перед ним извинились, продержав 3 года), однажды, когда

минули годы, произнёс доверительно автору статьи: «Врагу не пожелаю! Самое страшное: пытка бессонницей, когда по несколько суток не дают спать ... Так просто: не дают уснуть ни на секунду!.. Что говорить! Ад!» [193, с.180].

С.И.Кавтарадзе трижды был заключён в застенки. Его обвиняли в том, что «пытался ... минировать ложу Большого театра, в которой должен был находиться синклит во главе с Самим. Тут тоже имел место факт извинения. Формой извинения явилось назначение на весьма высокий дипломатический пост. Он рассказывал: «Вернув меня к дипломатической работе, Сталин, как могло показаться, реабилитировал меня в своих и чужих глазах, косвенно дал понять, что всё происшедшее ошибка. Если я так думал, то ошибался, глубоко ошибался. Почти через три года после того, как я проработал послом в Румынии, произошёл случай, глубоко озадачивший меня. На большом правительственном приёме в Кремле я оказался неподалеку от Сталина и Берии, который, как обычно, следовал за повелителем по пятам. Вдруг Сталин шагнул мне навстречу, дав понять, что хочет говорить со мной, более чем мрачный вид его не предвещал ничего хорошего. Я, естественно, приблизился к нему и был ошеломлён тем, что он мне сказал. «А всё-таки вы хотели меня убить!» – произнёс он и быстро отошёл в сторону. Он точно припечатал меня к полу этими словами. Как понять всё это и, что должно было это значить для меня? Что это: всплеск больного воображения, вызванный формой злопамятства, или реакция на очередной наговор Берии? Тот стоял в нескольких шагах от нас и наблюдал за происходящим, видно, догадывался о содержании разговора» [193, с.181].

Автор задаёт риторический вопрос. «Где тут предел, за которым человек перестаёт быть человеком?.. Какой же ответ? Не слишком ли часто в подобных обстоятельствах мы обходили вопрос о нравственности как первосути человека, чтобы обойти его и в этот раз?» [193, с.181].

В книге есть очерки о других репрессированных деятелях компартии и советского правительства и Коминтерна: Г.Я.Сокольникове, Н.Н.Крестинском, Х.Раковском, Б.Стомонякове, В.А.Антонове-Овсеенко, Ф.Раскольникове, Н.Бухарине, К.Радеке.

Как известно, исторические мемуары представляют собой большую ценность. Неизгладимое впечатление на читателей произвело «Непридуманное» Льва Разгона, напечатанное в 1989 году в журнале «Юность» [203]. В своих мемуарах автор пишет: «Я думаю, что это надо знать всем тем, кто не испытал того, что испытали мы, и не знают того, что знаем мы» [203, с.21]. Автор описывает тяжёлую жизнь в Устьвымлаге. Есть здесь ситуации, которые запоминаются на всю жизнь. Например, следующий эпизод в мемуарах о карцере невозможно читать без содрогания: «Он был совсем другим, нежели наши обычные карцеры. Это был сруб, сделанный как колодец. Человека туда укладывали связанным, прижав голову к коленям. Двери в карцере не было, чтобы уложить человека, просто приподнималась круглая крыша, запиравшаяся затем деревянными клиньями. Помещался в этом карцере лишь один человек. Но так как в этом страшном сооружении не было никакого отопления, то зимой карцер освобождался очень быстро: через час-другой наказанный превращался в заледенелый, неразгибаемый труп. Его и хоронили так – согнутым. И могилы для них рыли особые – круглые. В первую зиму самой большой угрозой у начальников было: «Ты у меня ляжешь в круглую яму!»» [203, с.26].

Как известно, в годы строительства социализма имели место гонения на ислам. Власть устанавливала свою монополию на всех участках жизнедеятельности. В мемуарах есть тому свидетельство: «Пришёл из Дагестана в Котлас целый эшелон, в котором были одни старики от 80 лет и старше. Они не знали русского языка и не выражали никакого желания с кем-нибудь общаться и рассказывать, поче-

му они очутились здесь. В своих косматых папахах и домотканых одеждах они сидели молча на корточках, закрыв глаза. Пробуждались от этой неподвижности только для того, чтобы совершать намаз ... зеки объяснили нам, что все они были «изъяты» для ликвидации в Дагестане феодальных пережитков. Дело в том, что многие дагестанцы не признавали советские суды и предпочитали обращаться к этим старикам, судившим по адату, по обычаям и традициям. Чтобы обратить жителей Дагестана к более прогрессивным формам судопроизводства, всех стариков забрали, дали им по десятке и отправили умирать на Север» [203, с.28].

Среди мемуаров бывших лагерников выделяется «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, о котором Рой Медведев написал рецензию ещё в 1974 году и опубликовал её в газете «Правда» в 1990 году. К сожалению, западный читатель познакомился с этими мемуарами ещё в 1970-х годах, а советские люди – только в перестроечный период. История возникновения «истребительно-трудовых лагерей», экономика принудительного труда, структура управления, категории заключённых и повседневный быт лагерников, положение женщин и малолеток, взаимоотношение рядовых эков и придурков, уголовных и политических, охрана, конвоирование, осведомительская служба, вербовка стукачей, система наказаний и «поощрений», работа больниц и медпунктов, различные формы умирания, убийства и несложная процедура похорон заключённых – всё это находит своё отражение в книге А.Солженицына. Автор описывает разнообразные виды каторжного труда эков, их голодную пайку, он изучает не только лагерный, но и ближайший прилагерный мир, особенности психологии и поведения заключённых и их тюремщиков (по терминологии Солженицына «лагерщиков»). Тщательное художественное исследование автора основано на достоверных фактах. Архипелаг ГУЛАГ посвящён всем тем, кто погиб в лагерях и «кому не хватило жизни об этом рассказать» [180].

Рой Медведев в своей рецензии-статье приводит очень трагические цифры: в целом по СССР из одного миллиона членов партии, арестованных во второй половине 30-х годов, вернулось после 15-18-летнего заключения едва ли более 60-80 тысяч человек [180]. Основную часть рецензии Р.Медведев посвятил критике не понравившихся ему мыслей и суждений А.Солженицына о религии и социалистическом учении. Автор рецензии утверждает, что исказить и повернуть против человека можно не только социалистическое учение, но и положения любой религии. Он пишет: «Сошлюсь хотя бы на историю русского православия, у которого тоже есть свои традиции обскурантизма. Как известно, ещё в XVI в. русская церковь сжигала еретиков живыми. Кстати, в поведении и поступках Сталина можно найти не только свойственное многим революционерам прагматическое отношение к насилию, к применению крайних средств, но догматизм, изворотливость, нетерпимость и другие качества, несомненно, носящие в какой-то мере следы обучения в православном духовном училище, а затем в православной семинарии» [180].

Помимо «Правды», и в других центральных органах периодической печати публиковались интересные материалы о репрессиях 1930-х годов, например, в газете «Аргументы и факты» – статья Н.Маслова «Политические процессы 30-х годов: характер и особенности» [179], статья В.Лордкипанидзе «Убийство Кирова. Некоторые подробности» [173]. В газете «Советская культура» – статья Серго Микояна «Покаяние и искупление» [181] и статья Ан.Макарова «Дочь наркома» [177], в «Литературной газете» – статьи Владимира Амлинского «Тень. Мысли и впечатления о соратнике Сталина, пережившем своего вождя и своё время» [113], статья Олега Мороза «Последний диагноз» [183], статья Наби Хазри «Разбитый саз» [227], Григория Цитриняка «Расстрельное дело Ежова. Штрихи к портрету палача» [230] и статья Дмитрия Сеземана «На

Болшевской даче. Из воспоминаний» [217], в газете «Известия» – статья Руслана Лынева «А.И.Рыков, революционер, политик и человек» [175] и статья Эд.Поляновского «Смерть Осипа Мандельштама» [200], в «Комсомольской правде» – статья «Человек и символ» [232], статья Г.Резанова и Т.Хорошилова «Начальник номер три» [209] и статья С.Микояна «Слуга» [182], в журнале «Агитатор» – статья И.Донкова «Г.Е.Зиновьев» [145] и статья А.Борисова «Генрих Ягода – соучастник и жертва» [127].

Мы привели в пример только небольшую толику опубликованных статей о репрессиях в центральных органах печати в перестроечный период в целях демонстрации нового веяния в журналистике, желании исключить «белые пятна» в истории. Они печатались под рубриками «Белые пятна в истории», «Уроки истории», «История», «Из истории», «История. Судьбы. Опыт», «Эскиз времени и судьбы», «Политические биографии», «Правдинские пятницы», «Страницы истории» и т.д. Некоторые из приведённых нами материалов являются отображением научных дискуссий с участием историков или «круглых столов» с участием журналистов, историков, а также подготовленных со стороны журналистов содержательных интервью. Эти публикации пользовались большим спросом у читателей, многие из которых делали вырезки и создавали из них свой домашний архив.

Одним из первых центральных изданий, посвящённых истории политических репрессий, является книга «Реабилитирован посмертно», изданная в Москве [207]. В сборник включены опубликованные в периодической печати материалы, рассказывающие о трагических судьбах миллионов советских людей, в т.ч. видных деятелей партии, крупнейших военачальников, учёных, врачей, представителей творческой интеллигенции, подвергшихся репрессиям, об атмосфере беззакония, в которой проходили судебные процессы тридцатых годов. Сюда вошли также обзорные статьи, по-

священные заседаниям Пленумов Верховного Суда СССР по рассмотрению реабилитационных дел в отношении лиц, незаконно репрессированных во времена культа личности Сталина. В книге рассказывается не только о жертвах, но и об инициаторах и исполнителях беззаконий.

В этом сборнике наше особое внимание привлекла большая по объёму статья профессора В.М.Курицына «1937 год: истоки и практика культа (Вместо введения)», охватывающая страницы 7-45. Автор утверждает, что культ личности Сталина, массовые репрессии 30-х – начала 50-х годов не были неизбежны и не имеют никакого оправдания. Конечно, в 30-е годы перед Советским государством стояла задача как можно скорее вырваться из тисков отсталости и успеть создать индустриальную базу и военно-экономический потенциал, чтобы отстоять своё существование в капиталистическом окружении. Запоздание в этом деле грозило гибелью стране. Этим и диктовался путь ускорения темпов социалистических преобразований, скорейшей индустриализации, которая одним рывком вывела страну на качественно иной уровень. Другого пути, учитывая всю совокупность внутренних и международных реальностей того времени, у Советского государства не было. Однако методы проведения этой политики могли быть иными, в большей мере учитывающими социально-экономические процессы в стране и, особенно в деревне, жизненные условия людей, более сбалансированными, без перегибов и массовых репрессий. Автор пишет, что за грубые политические ошибки и произвол Сталина и его ближайшего окружения наш народ заплатил великую цену. Эти ошибки имели тяжёлые последствия для жизни нашего общества. Это урок для всех поколений. Автор придерживается того мнения, что террором и социальной демагогией Сталин добился своей цели: установления личной диктатуры. И хотя в Конституции СССР 1936 года объективно была представлена выражающая глубинную сущность социализма тенденция к демокра-

тизации, эта Конституция практически осталась на бумаге, превратившись в ширму режима культа Сталина. В.М.Курицын говорит о том, что исторический опыт свидетельствует, что опасность бюрократизации жизни общества, всевластия бюрократической элиты, способной породить культ «вождя», может быть преодолена лишь путём решительной экономической реформы, нацеленной на слом административно-командной системы управления и соединённой с глубоким преобразованием политической системы общества, её демократизацией, формированием правового государства [207, сс.44,45].

В указанном сборнике статей «Реабилитирован по-смертно» собраны 46 очерков о маршале М.Н.Тухачевском, нарком земледелия СССР М.А.Чернове, дипломате Ф.Ф.Раскольникове, работнике НКВД Н.Н.Крестинском, учёном А.В.Чаянове, партийном работнике П.П.Постышеве и др.

У автора представленной книги А.Назарли также большой интерес вызвал очерк В.Синицына «Шемахинская трагедия, или Похоронка, пришедшая не с войны ...», размещённый на страницах 110-118 указанного сборника. Ранее этот очерк был напечатан в газете «Сельская жизнь» 23 июня 1988 г. Автор очерка во вводной части с сожалением пишет, что 42 крестьянина из с.Текле не вернулись с Великой Отечественной войны, 3 воина-интернационалиста – из Афганистана и 6 десятков – из тюрем и лагерей времён сталинских репрессий [207, с.110]. Далее он описывает в подробностях очень печальное событие. В жаркий июньский полдень 1937 года председатель колхоза им.Молотова, в прошлом бакинский нефтяник, создатель первой в районе сельхозартели Закарен Джебраилов получил предписание, подписанное почему-то начальником райотдела НКВД Гамзатом Шабанбековым. В нём указывалось: к 20.00 часам выдвинуть, утвердить на колхозном собрании «70 передовых колхозников для участия в республиканском слёте ста-

хановцев-новаторов полей и ферм» [207, с.110]. Председатель включил в список участников слёта почти всех мужчин, кому было за тридцать. Ближе к ночи точно по списку из 70-ти задымленных палаток выводили тех, кому за 30. И только одного, Сафара Сафарова, чабана, ушедшего с отарой в горы, не застали дома. Вместо него взяли чабана с похожей фамилией Сафарали Сафаралиева. В ту же ночь все 70 крестьян были доставлены в Баку, во внутреннюю тюрьму НКВД. Каждый день из сёл Мараза, Чухурюрд, Сагиан, Хильмили и др. Шемахинского и других районов спешили в Баку полуторки, крытые брезентом. Людей брали в поле, на токах, у арыков, на пастбищах, поднимали с кислой овчины ... С размахом фабриковалось в Азербайджане страшное «Шемахинское дело» [207, с.112]. Эти люди были объявлены «повстанцами» – 60 сельчан Текле: Закарен Джебраилов, Ибад Атали оглы, братья Ахмед и Мамед Ханкиши оглы и др. На самом деле, это были не повстанцы, а безграмотные крестьяне: в ведомости о трудоднях они оставляли отпечатки большого пальца. 3 января 1938 г. они были приговорены к высшей мере наказания [207, с.115].

Автор очерка написал о другом эпизоде этой истории. В середине 1970 годов старейший бакинский журналист А.А.Боркин, коммунист ленинского призыва, бережно хранивший собственную «похоронку», рассказал, как в начале 1938 года вместе с партией крестьян повезли его расстреливать на остров Буллу: «Выводили десятками. Один, другой, двенадцатый ... Потом тишина. Наверное, слишком уж большая, незапланированная, – так он и сказал, – была партия заключённых, если у карателей просто не хватило патронов на всех, кто проходил тогда по Шемахинскому делу». Заменили расстрел Колымой на 17 лет. Спустя два десятилетия Боркин снова побывал на острове гибели: «Черепка. Простреленные черепа моих товарищей ...». Там-то и полегли шемахинские крестьяне, бесконечно далёкие от политических страстей, но ставшие их жертвами. Полегли за

несколько месяцев до того, как неправый приговор был утверждён «тройкой».

В.Синицын указывает, что по одним подсчётам по этапам ушло в лагеря около 70 тысяч, по другим – за сто. Расстреляли свыше 3 тыс. – 5 тыс. крестьянских жизней [207, с.115].

На суде над Багировым шемахинский крестьянин Габиб Джебраил оглы из села Текле, которое уже называлось Ленинабадом, давал показания. В лагере он выучился русскому языку и говорил на нём «по-сибирски», часто употребляя слова «однако», «надо же», а встретив Зинаиду Гавриловну Орджоникидзе, получил у неё уроки политграмоты. Габиб дал следующие показания: «Пытали поровну. По горло стояли в моче по 12 часов. Надо же, камера была сделана под гроб – высота метр двадцать, ни распрямиться, ни лечь, стой день-деньской полусогнутый. Ноги – как столбы. Двое скончались в том гробу ... Пыток поровну. Расстреляли, однако, шестьдесят ... В тюрьме негде было яблоку упасть. Вот и спешили они, – взгляд в сторону скамьи подсудимых, – освободить нары. Однако уводили на расстрел десятками» [207, сс.116,117].

Среди мемуаров особое место занимают «Двадцать писем к другу» Светланы Аллилуевой [112]. Дочь И.В.Сталина посвятила эти письма памяти своей матери, погибшей в результате суицида в 1932 году в молодом возрасте. Письма были написаны в течение 35 дней летом 1963 года в деревне Жуковке близ Москвы. Фактически автор представил свою исповедь. В 1967 году впервые письма были опубликованы. В это время Светлана уже находилась в эмиграции.

Конечно, в письмах есть много личного: светлые воспоминания о маме, о первой любви, о сложных взаимоотношениях с отцом, характеристики служебного персонала, описания чудной природы, даже стихи и т.д.

Многие страницы читаешь со слезами на глазах, особенно о детских впечатлениях, о родителях и близких родственниках. Однако для нас – историков, письма ценны по другой причине: они раскрывают нам жизнь и характер И.В.Сталина, его отношения с родными и близкими. Кроме того, в письмах прослеживается дух того времени, уныние и печаль, которыми были охвачены все члены большой семьи. Светлана Аллилуева передала страшную атмосферу, царившую в стране в годы репрессий и тридцатых, и сороковых годов. Основным инициатором и организатором репрессий дочь Сталина считает Лаврентия Берия. Светлана А. пишет: «Но уже поблескивало где-то в углу комнаты пенсне Лаврентия, – такого тихонького ещё тогда, скромненького ... Он приезжал временами из Грузии, «припасть к стопам». И дачу новую приехал смотреть. Все, кто тогда был близок к нашему дому, его ненавидели – начиная с Реденса и Сванидзе, знавших его ещё по работе в ЧК Грузии. Отвращение к этому человеку и смутный страх перед ним были единодушными у нас в кругу близких. Мама ещё давно (году в 29-м), как говорил мне сам отец, «устраивала сцены, требуя, чтобы ноги этого человека не было у нас в доме». Отец говорил мне это позже, когда я была уже взрослой, и пояснял: «Я спрашивал её – в чём дело? Приведи факты! Ты меня не убеждаешь, я не вижу фактов! А она только кричала: я не знаю, какие тебе факты, я же вижу, что он негодяй! Я не сяду с ним за один стол! Ну, – говорил я ей тогда, – убирайся вон! Это мой товарищ, он хороший чекист, он помог нам в Грузии предусмотреть восстание мингрельцев, я ему верю. Факты, факты мне надо!». Бедная моя, умная мама! Факты были позже ...» [112, с.19].

Автор с болью вспоминает о своих родных, подвергшихся незаконным репрессиям: «Это были незаурядные натуры, одарённые и интересные. Почти у всех жизнь обрывалась трагически – талантливой интересной судьбе каждого из них не дано было состояться до конца ... А кроме

того, в наш век затейливо перемешиваются и сплетаются в один узел судьбы самых разных людей. Удивительно и неожиданно меняются биографии, судьбы перемещаются вверх, вниз, – вдруг после невероятного взлёта, следует крушение, падение ... Революция, политика безжалостны к человеческим судьбам, к жизням» [112, с.31].

Автор философствует: «Каждого жизнь изломала, как могла. Может быть, в этом – судьба века?» [112, с.43].

Аллилуева С. рассказывает, как в 1938 году дядя Павлуша, т.е. мамин брат, «не раз приходил к отцу отстаивать кого-нибудь из своих знакомых военных, тоже попавших в эту гигантскую волну. Но это оставалось безрезультатным. Осенью 1938 года Павлуша уехал в отпуск в Сочи, что было вредно для его нездорового сердца. Когда он вернулся из отпуска и вышел на работу в своё Бронетанковое управление, то не нашёл там с кем работать ... Управление как вымели метлой, столько было арестов ... Павлуше стало плохо с сердцем тут же в кабинете, где он и умер от сердечного спазма. Позже Берия, уже водворившийся в Москве, выдумывал разные версии его смерти и упорно внушал их отцу, вплоть до того, что вдова Павлуши, Евгения Александровна, была заподозрена в его отравлении, и Бог знает, что ещё не говорилось ... А, что проще того очевидного факта, что не всякое сердце могло выдержать происходившее вокруг ... Павлуша был, как и дедушка, как и мама, молчалив, скрытен и деликатен. Он прятал боль внутри и в какой-то момент она должна была его убить изнутри... Берия всё-таки не отстал, и в 1948 году, через десять лет после смерти Павлуши, его вдова отправилась в тюрьму, где наряду с прочими «шпионскими делами» ей предъявили и обвинение в отравлении мужа десять лет назад ... И она вместе с Анной Сергеевной, вдовой расстрелянного десять лет назад Реденса, получили каждая по десять лет одиночки, откуда их обоих освободил лишь 1954-ый год ...» [112, сс.45,46].

Светлана не единожды говорит о Берия. Она утверждает: «Я ещё вернусь к этому персонажу, связанному дьявольской связью со всей нашей семьёй и уничтожившему добрую половину её. Скажу только, что о тех давних временах мне рассказывала много старая кавказская большевичка О.Г.Шатуновская, понимавшая роль Берия, знавшая ему цену ещё давно. Собственно говоря, цену ему знали все старые партийцы Закавказья, и если бы не странная поддержка отца, которой Берия ловко заручился, то его выдвижения не допустили бы ни С.М.Киров, ни Г.К.Орджоникидзе, ни все те люди, кто хорошо знал Закавказье и ход тамошней гражданской войны. Именно этих людей он уничтожил первыми же, едва получив возможность это сделать ...» [112, с.47].

Автор описал характер Сталина: «Отец не терпел, когда вмешивались в его оценки людей. Если он выбрасывал кого-либо, давно знакомого ему из своего сердца, если он уже переводил в своей душе этого человека в разряд «врагов», то невозможно было заводить с ним разговор об этом человеке. Сделать «обратный перевод» его из врагов, из мнимых врагов, назад – он не был в состоянии, и только бесился от подобных попыток. Ни Реденс, ни дядя Павлуша, ни А.С.Сванидзе не могли тут ничего поделать, и единственно, чего они добились, это полной потери контакта с отцом, утраты его доверия. Он расставался с каждым из них, повидав их в последний раз, как с потенциальными собственными недругами, то-есть как с «врагами» ... А все они, каждый в отдельности, были честны; все они говорили с отцом прямо и открыто; никто из них не умел играть на его слабых струнах, – они слишком давно все его знали, они не лукавили с ним, не считали это ни нужным, ни возможным, – и все они оказались в проигрыше ...» [112, с.48].

Ещё одна цитата из книги: «Как это могло случиться? Как это мог отец? Я знаю лишь одно: он не смог бы додуматься до этого сам. Но если ему это хитро и тонко подсказали, если ему лукавый и льстивый человек (каковым был

Берия) нашептал, что «эти люди – против», что «есть материалы, компрометирующие их», что были «опасные связи», поездки за границу и т.п., то отец мог поверить. Я ещё напишу отдельно о том, как ужасно опустошён был он, как разбит духовно смертью мамы и смертью Кирова. Он перестал верить в людей; может быть, он всегда не очень-то им верил ... Его можно было переубедить. Ему можно было внушить, что этот человек – не хороший, как мы думали о нём много лет, нет, он – дурной, он лишь казался хорошим, а на деле он враг, он противник, он говорил о вас дурно, и вот материалы, вот факты, X и Z «показали» на него ... А уж как могли эти X и Z «показать» все, что угодно, в застенках НКВД – в это отец не вникал. Это уж было дело Берия, Ежова и прочих палачей, получивших от природы сей профессиональный дар ... А уж когда отца «убеждали факты», что ранее хорошо известный ему человек, оказывается, дурной, тут с ним происходила какая-то психологическая метаморфоза. Быть может, в глубине души он и сомневался в этом, и страдал, и думал ... Но он был подвластен железной, догматической логике: сказав А, надо сказать Б, В и всё остальное. Согласившись однажды, что N – враг, уже дальше необходимо было признать, что так это и есть; дальше уже все «факты» складывались сами собой только в подтверждение этого ... Вернуться назад и снова поверить, что N не враг, а честный человек, было для него психологически невозможно. Прошлое исчезало для него – в этом и была вся неумолимость и вся жестокость его природы. Прошлого, – совместного, общего, совместной борьбы за одинаковое дело, многолетней дружбы, – всего этого как не бывало, оно им зачёркивалось каким-то внутренним, непонятым жестом, – и человек был обречён. «А-а, ты меня предал», – что-то говорило в его душе, какой-то страшный дьявол брал его в руки, – «ну и я тебя больше не знаю!» Старые товарищи по работе, старые друзья и соратники могли взывать к нему, помня о прежнем его отношении к ним, – бесполезно!

Он был уже глух к ним. Он не мог сделать шаг обратно, назад, к ним. Памяти уже не было. Был только злобный интерес – а как же ведёт себя теперь N? Признает ли он свои ошибки? Удивительно, до чего отец был беспомощен махинациями Берия. Достаточно было принести бумаги, протоколы, где N «признавал» свою вину, или другие «признавали» её за него. Если же он «не признавал», – это было ещё хуже» [112, сс.64,65].

Снова о Берия: «Из первых секретарей ЦК Грузии до Москвы путь уже был недолог. В 1938 году Берия воцарился в Москве и стал ежедневно бывать у отца, и его влияние на отца не прекращалось до самой смерти. Я говорю не случайно о его влиянии на отца, а не наоборот. Я считаю, что Берия был хитрее, вероломнее, коварнее, наглее, целеустремлённее, тверже, – следовательно, сильнее, чем отец. У отца были слабые струны, – он мог сомневаться, он был доверчивее, грубее, резче; он был проще, его можно было провести такому хитрецу, как Берия. Этот знал слабые струны отца – уязвлённое самолюбие, опустошенность, душевное одиночество, и он лил масло в огонь, и раздувал его сколько мог, и тут же льстил с чисто восточным бесстыдством. Льстил, славословил так, что старые друзья морщились от стыда, – они привыкли видеть в отце равного товарища ... Страшную роль сыграл Берия в жизни всей нашей семьи. Как боялась его и как ненавидела его мама! Все друзья её – оба Сванидзе, сестра Сванидзе Марико (работавшая секретаршей у Авеля Енукидзе), сам Енукидзе пали первыми, как только Берия смог убедить отца в том, что это его личные недруги и недоброжелатели ... Я уже говорила, что во многом отец и Берия повинны вместе. Я не стану перекладывать вину с одного на другого. Они стали, к сожалению, духовно неразрывны. Но влияние этого ужасающего, злобного демона на отца было слишком сильным и неизменно эффективным ... Шатуновская говорила мне, что роль Берия во время гражданской войны на Кавказе была

двусмысленной ... Он был прирождённый провокатор и, как разведчик, обслуживал то дашнаков, то красных, – по мере того как власть переходила то к одним, то к другим. Шатуновская утверждает, что однажды нашими военными Берия был арестован, – он попался на предательстве и сидел, ожидая кары, – и что была телеграмма от С.М.Кирова (командовавшего тогда операциями в Закавказье) с требованием расстрелять предателя. Этого не успели сделать, так как последовали опять военные действия и всем было не до этого маленького человечка. Но об этой телеграмме, о том, что она была, знали все закавказские старые большевики; знал о ней и сам Берия ... Не здесь ли источник злодейского убийства Кирова много лет спустя? Ведь сразу после убийства Кирова в 1934 году Берия выдвигается и начинает своё движение вверх ... Как странно совпадают эти два события – гибель одного и выдвижение другого. Наверное, Киров не допустил бы, чтобы этот человек стал членом ЦК ...» [112, сс.109,110].

Светлана пишет про характер и психологию отца: «Он всюду видел врагов. Это было уже патологией, это была мания преследования – от опустошения, от одиночества» [112, с.149].

Завершающий аккорд книги: «Вокруг отца как будто очерчен чёрный круг, – все, попадающие в его пределы, гибнут, разрушаются, исчезают из жизни ...» [112, с.166].

Далее автор с радостью пишет, как после смерти её отца вернулись из ссылки тысячи людей, кто уцелел, кто остался в живых. Она искренне утверждает: «Эти возвращения – великий исторический поворот для всей страны, – масштабы этого возвращения людей к жизни трудно себе вообразить ...» [112, с.166].

В сборнике «Из тайников спецхранов» [153] впервые сделана попытка раскрыть «белые пятна» истории Новгородчины 1920-1950-х годов. Сведения о трагических событиях времён массовой коллективизации, «ежовщины» и

«ленинградского дела» были упрятаны в хранилища документов специального хранения – печально знаменитые спецхраны. Жертвами произвола стали тысячи рабочих и крестьян, представителей интеллигенции и священнослужителей, партийных и советских работников. Авторы (М.Н.Петров, В.Г.Смирнов и В.М.Богов) ставят очень резонный вопрос, актуальный по сей день: «Считается, что людские потери – самые страшные из потерь, ибо они невозполнимы. Но разве не страшны потери в общественной и личной морали, в самосознании? Ведь страх, подозрительность, безынициативность, мания запретительства, социальная апатия глубоко засели в сознании целых поколений людей. Вот почему разоблачение преступлений тоталитарного режима ещё не скоро потеряет свою актуальность, если не сказать – никогда» [153, с.3].

В одной из статей этого сборника (М.Н.Петров «Жертвы «великого перелома») указывается, что формировавшийся режим личной власти стремился опереться на органы государственной безопасности для собственного утверждения над народом. Органы ВЧК после окончания гражданской войны были реорганизованы в конституционный орган защиты безопасности – Объединённое государственное политическое управление. Уже с середины 1920-х годов чекисты сосредоточили главное внимание на борьбе с угрозой извне, на противоборстве со спецслужбами империалистических государств и зарубежными антисоветскими центрами. Сталинское большинство преступно повернуло спасающий меч революции внутрь страны. Чекистский аппарат беззастенчиво использовали во внутрипартийной борьбе, затем для решения экономических проблем. Сталин и его окружение стремительно создавали условия для перерождения государственного аппарата защиты завоеваний социалистической революции во всеохватывающие и кровавые карательные органы [153, с.23].

Другие очерки этого сборника рассказывают об истреблении руководящих кадров, рядовых новгородцев, а также чекистов, противостоявших репрессиям. Хотелось бы выделить интересный очерк В.Г.Смирнова «Вещественные доказательства» [153, сс.29-50]. 1 января 1935 года в Новгороде был арестован друг писателя Л.Н.Толстого Владимир Айфалович Молочников, исповедующий любовь и непротивление, создатель первого в России музея великого писателя. По сути, Молочников был местной достопримечательностью. В прежние времена состоял в переписке со Столыпиным, Керенским, Репиным, Кони, Короленко, Кропоткиным. Бывали у него в советское время писатель Шишков, певец Собинов, нарком Луначарский. Молочникова арестовывали несколько раз. Например, в 1919 году губчека арестовала его по обвинению в подстрекательстве к дезертирству: он ходатайствовал об освобождении от призыва молодых крестьян-толстовцев из деревни Ямок. Но тогда следствие не обнаружило состава преступления, и его отпустили. А в 1935 году Молочникова сослали в Северный край на 3 года.

В этом очерке приводятся дневниковые записи Молочникова. Уникальный дневник (8 общих тетрадей) послужил уликой, в них оказался состав преступления. Читая записи дневника с 1927 года, автором которого был незаурядный, грамотный (самородок) человек, которого глубоко уважал Лев Николаевич, понимаешь, чем жил и дышал простой советский народ в 20-30-е годы и как постепенно редели ряды крестьянства, которых отправляли в ссылку на Север. Цитаты, мысли автора дневника не только информативны, они также очень эмоциональны, талантливы, остроумны и похожи на афоризмы. Например, эта запись сделана 22 сентября 1931 г.: «Из Лао Тзе: «Там, где великий мудрец имеет власть, подданные не замечают его существования, там, где властвуют не великие люди, народ бывает привязан к ним и хвалит их. Там, где властвуют ещё меньшие люди, народ

боится их, а где ещё меньше – презирает их». По этой записи, очевидно, что Молочников размышлял о власти, которая была в СССР.

Две последние записи жирно подчеркнуты красным следовательским карандашом – в них состав преступления [153, с.49]. Приводим эти последние записи: «1934 год. 3 декабря. Убили человека (Кирова). Правительство сделало много шума около похорон и ознаменовало их убийством около ста человек, судя по опубликованным спискам. Культ мести, свойственный кавказцу. Но что можно сделать казнями? И всё-таки солнце правды рано или поздно выглянет из-за облаков. И всем станет ясно заблуждение.

29 декабря. Письмо от Л. Пишет: «Надо изъять из жизни всех врагов с корнем». Не могу я приветствовать социализм, для осуществления которого нужно «изъять» тысячи врагов, как не мог преклониться перед церковью, объявившей себя христианской и для преуспеяния которой её хранители жгли и мучили миллионы еретиков. То – не социализм, и это – не христианство ...» [153, сс.48,49]. Молочников сам на себя фактически написал обвинительное заключение. Крамольный дневник стал «вещдоком».

Толстое следственное «дело» содержит ещё немало улик. Здесь и акт экспертизы толстовского музея с подписями руководящих сотрудников Новгородского музея, указывающих на «контрреволюционный, антисоветский характер учения Льва Толстого», отразившийся в музейной экспозиции. По этому акту-доносу музей был закрыт. Бесследно исчезла богатая библиотека Молочникова, которую он собирал всю жизнь. Есть в «деле» показания учителей-экскурсантов и показания сокамерника Молочникова. Есть протоколы допросов крестьян-толстовцев, арестованных по обвинению в создании контрреволюционной толстовской организации, возглавляемой Молочниковым.

Молочников прожил на поселении один год и один день. Подобно Толстому, он умер вдали от дома, рядом с

его постелью сидел врач Маковецкий, на руках которого на станции Астапово умер Толстой. Этот врач отбывал ссылку на том же поселении, что и Молочников.

Вот такая судьба и такие удивительные совпадения! [153, сс.49,50]. Очень хотелось бы, чтобы этот дневник был издан без сокращений отдельным тиражом, так как, в отличие от восхвалявших существующую политическую систему кадров кинохроники тех лет, содержит много неведомого нам, людям XXI века.

В перестроечный период стали издаваться труды репрессированных. Например, в 1989 году Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС подготовил к изданию сборник работ Н.И.Бухарина «Проблемы теории и практики социализма». Н.И.Бухарин по праву вошёл в историю как видный теоретик партии, оставивший большое наследие в области экономической теории и философии. В сборник вошли труды, в которых рассматриваются вопросы перехода от капитализма к социализму, практики социалистического строительства. Впервые в этом сборнике была опубликована речь Н.И.Бухарина на апрельском (1929 г.) Объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) [132].

В 1990 году в СССР была издана книга русского эмигранта, журналиста Виктора Александрова «Дело Тухачевского». Впервые она появилась в Париже ещё в 1962 году. Она написана на документальном материале [109]. Автор заявляет, что даже такие эпизоды, которые могли бы показаться читателю плодом слишком свободного воображения, были почерпнуты из бесспорных источников. Цель автора заключалась в том, чтобы воссоздать, страницу за страницей, «дело Тухачевского», восстановить исторические факты, показать истину, продемонстрировать в подлинном свете фигуру советского маршала [109, с.191].

С биографиями деятелей партии и государства за весь период советского общества можно ознакомиться, прочитав справочное пособие «Политбюро (Президиум) ЦК партии в

1917-1989 гг.», изданное в 1990 году [198]. Она подготовлена кафедрой истории КПСС Высшей Комсомольской школы при ЦК ВЛКСМ. Здесь указывается, что А.А.Жданов (с 1930 г. член ЦК партии и депутат Верховного Совета СССР, с 1934 г. секретарь ЦК ВКП(б) и секретарь Ленинградского обкома и горкома партии) был одним из организаторов массовых репрессий 30-40-х годов в отношении ни в чём не повинных людей. Учитывая ответственность Жданова за допущенные в тот период преступные действия, нарушения социалистической законности, ЦК КПСС внёс предложение в Президиум Верховного Совета СССР и Совет Министров СССР об отмене правовых актов, связанных с увековечением памяти А.А.Жданова, присвоением его имени городам, районам, улицам, предприятиям, колхозам и другим учреждениям и организациям в СССР. Решение состоялось в январе 1989 года [198, с.55].

В другом справочнике «Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС», изданном в 1990 году [197] приводятся биографические данные партийных и государственных деятелей. Нас заинтересовали биографии Багирова, Берии и др. Здесь отмечается, что Багиров в июле 1953 года был выведен из состава членов ЦК КПСС, а в марте 1954 года исключён из рядов партии. В 1956 году расстрелян за нарушения социалистической законности [197, с.70]. Берия на июльском (1953 г.) Пленуме ЦК КПСС был выведен из состава ЦК КПСС и исключён из рядов КП. Постановлением Президиума Верховного Совета СССР он был снят со всех государственных постов и дело о его преступных действиях передано на рассмотрение Верховного суда СССР. 23 декабря 1953 г. был расстрелян за нарушения социалистической законности [197, с.75].

Вынести свой приговор Сталину и его режиму – эту задачу выполнила в своих воспоминаниях под поэтическим названием «Господь низвергает своих ангелов» Айно Куусинен [170]. Эти воспоминания изданы в 1991 году. Она

приехала в СССР в июне 1921 года и смогла покинуть эту страну лишь в 1965 году, после смерти мужа Отто Куусинена – одного из руководителей Коминтерна. Воспоминания написаны живым эмоциональным языком. В них описана жизнь «советской элиты» в 1920-е годы, внутренняя жизнь аппарата Коминтерна. В 1930-е годы Айно Куусинен по заданию Коминтерна работала в США, затем по заданию советской военной разведки – в Японии. Впечатления об этих странах даны в её мемуарах.

Воспоминания А.Куусинен приобретают исключительное значение в осмыслении того, как действовал внутренний механизм Коминтерна, который использовался для идеологического камуфлирования сталинского режима и курса правящей верхушки СССР. Для Сталина Коминтерн был инструментом политической борьбы, рычагом политического диктата, в то время как коммунистические партии видели в нём школу интернационализма и революционного братства. Это противоречие предопределило трагедию Коминтерна в тридцатые годы. В тридцатые годы проявлялось стремление к централизации и жесткому подчинению указаниям центра, левосектантские установки, преувеличенные представления о революционных настроениях масс, ожидание наступления мировой революции – всё это отражалось на директивах Коминтерна. С другой стороны, руководители Коминтерна, пассивно ожидая руководящих указаний Сталина, старались получить санкции на каждое своё решение. Коминтерн трансформировался «из живого организма в мертвый механизм» (К.Цеткин). Воспоминания Айно Куусинен проливают свет именно на эту сторону дела: она рисует изнутри картину повседневного быта коминтерновцев, ритуал выработки и принятия решений, реальную борьбу за власть внутри этой организации и её функциональную роль инструмента сталинской верхушки [170, сс.4,5].

Полной мерой автору воспоминаний были отпущены испытания в сталинских тюрьмах и лагерях. В конце 1937 года ей приказали вернуться из Японии в Москву. И на её долю выпало «близкое знакомство с ужасами сталинских чисток». Автор пишет: «Более года я провела в следственных тюрьмах Москвы, а потом – восемь лет в одном из печально известных воркутинских лагерей за Полярным кругом. Это были мрачайшие годы моей жизни» [170, с.11]. После войны Айно Куусинен освободили, но снова арестовали и посадили в московскую тюрьму, отправили в трудовой лагерь в Потьму. Окончательно она была освобождена в 1955 году. «В тот день в 1955 году, когда я вышла на свободу, я поклялась себе сделать всё, чтобы вырваться из советской страны, растоптавшей мои человеческие права», – пишет мемуарист [170, с.11].

Свои мрачные годы автор описал в главах пятой «В московских тюрьмах» и шестой «Путь в Воркуту и восемь лет лагерей» на страницах 118-170. Автор рассказал не только о своей личной трагедии, но и о многих узниках, причинах их ареста, о допросах, многочисленных смертях. Особенно интересны рассказы автора о встречах с другими финнами и их горькой участи.

Александр Орлов в обличительной книге «Тайная история сталинских преступлений», которая была опубликована в 1991 году [192], уделив много страниц «московским процессам», не оставляет без внимания и «медицинские убийства», и расправу с армейской верхушкой. В книге этой нет ни выдумок, ни преувеличений. Как отметил один из авторитетных исследователей сталинского террора Роберт Конквест, «свидетельства Орлова отлично выдерживают проверку» [192, с.4]. Биографии А.Орлова посвящено послесловие к книге кандидата исторических наук Б.Старкова под названием «Не ради временной славы и честолюбия ...» [192, сс.336-352]. В этом послесловии отмечается, что слово «невозвращенец» долгое время было символом измены Ро-

дине и предательства. Так называли людей, по различным причинам отказавшихся от возвращения в СССР. А с 1929 года отказ вернуться на Родину уже рассматривался как государственное преступление. Осенью 1929 года в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР была введена статья, предусматривавшая уголовную ответственность за отказ вернуться на Родину.

Попытки сопротивления сталинщине предпринимались в рядах рабочего класса, крестьянства, среди интеллигенции и старой партийной гвардии. В различное время голос против режима поднимали С.И.Сырцов, М.Н.Рютин, В.Н.Каюров, А.П.Смирнов, Н.Б.Эйсмонт, В.Н.Толмачев, Г.Н.Каминский, И.А.Пятницкий, которые являлись авторитетными партийными и советскими работниками [192, с.336]. В период массового террора второй половины тридцатых годов против беззакония выступали также некоторые представители НКВД и прокуратуры. Так, начальники управлений НКВД Капустин и Дерибас подверглись репрессиям со следующей формулировкой – «за нежелание бороться с врагами народа» [192, с.336]. Некоторые дипломаты и разведчики (В.Кривицкий, А.Бармин, И.Рейсс, Ф.Раскольников), находившиеся по долгу службы за рубежом, также выступали с протестом против сталинского режима, выражавшемся в отказе вернуться в Советский Союз. Бегство из СССР в 1938 году начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю, депутата Верховного Совета СССР Г.С.Люшкова имело большой международный резонанс. Но бегство автора книги Александра Орлова, ставшего последним крупным перебежчиком и невозвращенцем, прошло незаметно [192, с.337].

Его настоящее имя – Лев Лазаревич Фельдбин, а не Александр Орлов. Он сражался на Юго-Восточном фронте в гражданскую войну, и судьба свела его с Ф.Э.Дзержинским, возглавлявшим тыл этого фронта и являвшимся членом Польского ревкома. Фельдбин был начальником контрраз-

ведки XII армии. А после гражданской он работал помощником прокурора в Верховном Суде СССР. В 1924 году Фельдбин был переведён в экономическое управление ОГПУ (в составе ВЧК) на должность замначальника управления, а в 1925 году он перешёл на работу в Управление пограничной охраны ОГПУ, откуда был направлен командиром пограничной бригады в Грузию. В 1926 году он – руководитель советской резидентуры в Париже [192, с.338]. В сентябре 1936 года Фельдбин направляется в Испанию в качестве заместителя главного военного советника правительства республики П.И.Берзина, бывшего руководителя советской военной разведки. Одним из главных заданий, которое выполнил Фельдбин в Испании, была организация вывоза в СССР испанского золотого запаса, который составлял 600 тонн золота на общую сумму 600-700 млн. долларов [192, с.339].

Весной 1937 года большинство руководителей ОГПУ-НКВД было арестовано (а позднее расстреляно), среди которых были: Г.А.Молчанов, А.М.Горб, М.И.Гай, Г.Е.Прокофьев, Л.Г.Миронов, А.М.Шанин, К.В.Паукер, А.Х.Артузов, Г.И.Бокий и др. Уже был арестован бывший нарком внутренних дел Г.Г.Ягода. Берзин был отозван из Испании, награждён орденом Ленина, повышен в воинском звании, вновь назначен на должность начальника Главного разведывательного управления, а затем арестован и расстрелян.

Автор послесловия Старков справедливо отмечает: «Сталинское вмешательство в гражданскую войну в Испании преподносилось, как акция интернациональной бескорыстной помощи в борьбе против фашистской агрессии... Благородная идея помощи демократии вступала в противоречие с тайной целью сталинской автократии, и особенно целями её достижения. Сегодня уже не секрет, что в то время, когда официальная советская пропаганда клеймила фашизм, доверенное лицо Сталина Д.Канделаки вёл в Герма-

нии переговоры о заключении соглашения с Гитлером. В Испанию было направлено большое количество сотрудников НКВД, главной задачей которых было уничтожение сторонников Троцкого. Как правило, всех троцкистов лживо обвиняли в пособничестве франкистам или объявляли ... шпионами в пользу Германии» [192, с.340]. Летом 1938 года подошла и очередь Фельдбина. Дальнейшая история бегства Ал.Орлова, т.е. Фельдбина, в США через Канаду достаточно полно изложена в его предисловии к книге. Он прожил долгую, но полную скитаний, жизнь, часто меняя фамилию и имя [192, с.341]. Орлов стал постоянным читателем Кливлендской публичной библиотеки. У него постепенно рождалась книга, раскрывающая историю сталинских преступлений. Эта книга была опубликована в Нью-Йорке в 1953 году и вызвала эффект взорвавшейся бомбы. Её тотчас перевели на немецкий, испанский, китайский и японский языки. Но для ФБР появление беглого генерала-чекиста стало полной неожиданностью, и началось расследование. 31 мая 1956 года в Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности состоялось слушание отчёта по делу Орлова. Материалы этого слушания были опубликованы и составили издание «Наследие Александра Орлова». 7 апреля 1973 г. Александр Орлов – Лев Фельдбин – умер в Кливленде [192, с.342].

Книга А.Орлова «Тайная история сталинских преступлений» состоит из предисловия и 28 глав-очерков. Предисловие на страницах 9-16, написанное в июне 1953 года, начинается так: «Я не принадлежу к какой бы то ни было политической партии или группе. В этой книге я не преследую никаких политических или узкопартийных целей. Моя единственная задача – предать гласности тайную историю преступлений, совершённых Сталиным, и таким образом восстановить те недостающие звенья, без которых трагические события, произошедшие в СССР, приобретают характер неразрешимой загадки» [192, с.9].

Александр Орлов пишет: «На тех должностях, что я занимал в ОГПУ-НКВД, мне удалось собрать, а затем и вывезти из СССР совершенно секретные сведения: о преступлениях Сталина, совершённых им, чтобы удержать в своих руках власть, о процессах, организованных им против вождей Октябрьской революции, и о его отношениях с людьми, чью гибель он подготовил. Я записывал указания, устно даваемые Сталиным руководителям НКВД на кремлёвских совещаниях; его указания следователям, как сломить сопротивление сподвижников Ленина и вырвать у них ложные признания; личные переговоры Сталина с некоторыми из его жертв и слова, произнесённые этими обречёнными в стенах Лубянки. Эти тщательно скрываемые секретные материалы я получал от самих следователей НКВД, многие из которых находились у меня в подчинении» [192, с.10].

Касаясь трагической участи работников НКВД, А.Орлов пишет: «В своих преступлениях Сталин не мог обойтись без надёжных помощников из НКВД. По мере того, как рос список его злодеяний, увеличивалось и число соучастников. Опасаясь за свою репутацию в глазах мира, Сталин решил в 1937 году уничтожить всех доверенных лиц, чтобы никто из них не смог выступить в будущем свидетелем обвинения. Весной 1937 года были расстреляны без суда и следствия почти все руководители НКВД и все следователи, которые по его прямому указанию вырывали ложные признания у основателей большевистской партии и вождей Октябрьской революции. За ними последовали в небытие тысячи энкаведистов – те, что по своему положению в НКВД могли в той или иной степени располагать секретной информацией о сталинских преступлениях» [192, сс.10,11].

Перечень названий некоторых глав свидетельствует о том, что круг лиц, о которых повествует А.Орлов, очень широк: «Зорох Фридман – герой, оставшийся неизвестным» (сс.98-104), «Зиновьев и Каменев: кремлёвская сделка»

(сс.117-137), «Ежов мстит Анне Аркус» (сс.144-150), «Молотов: на волоске от ареста» (сс.154-159), «Юрий Пятаков» (сс.174-189), «Карл Радек» (сс.189-204), «Ягода в тюремной камере» (сс.240-253), «Николай Бухарин» (сс.267-275), «Николай Крестинский» (сс.275-281), «Надежда Аллилуева. Павел Аллилуев» (сс.299-311), «Вышинский» (сс.311-323) и т.д. Во многих очерках вырисовывается психологический и нравственный облик Сталина. Особенно эта линия прослеживается в последнем очерке «Сталинские утехи», рассказывающем о начальнике кремлёвской охраны Паукере, которого со Сталиным связывали исключительно доверительные отношения [192, сс.323-335]. Даже такой человек стал жертвой злодеяний Сталина: он был обвинён в шпионаже в пользу Германии.

Хочется привести в пример один эпизод, раскрывающий психологический портрет «Хозяина». Это произошло в Сочи. Об этом рассказал Паукер. «Этой ночью Сталин проснулся от того, что где-то поблизости выла собака. Встав с постели и подойдя к окну, он спросил: «Что за собака там воеет, спать не даёт?» Охранники, дежурившие снаружи, отвечали, что это собака с соседней дачи. «Разыщите её и пристрелите, она мешает мне спать!» – грубо приказал Сталин и захлопнул окно. Наутро он встал в хорошем настроении и принялся за завтрак, но за столом вспомнил о злополучной собаке и спросил старшего охранника:

– Пристрелили собаку?

– Собака ушла, Иосиф Виссарионович, – ответил охранник.

– Вы пристрелили собаку? – повторил Сталин.

– Собаку увели в Гагры, – сказал охранник и пояснил, что это была овчарка, специально обученная водить слепого. Её привёз из Германии сотрудник наркомата земледелия, и теперь она служит проводником его слепому отцу, старому большевику. Старик с собакой уже удалены отсюда.

Сталин рвал и метал. «Сейчас же верните их сюда!» – крикнул он в бешенстве. Испуганный охранник тут же связался по телефону с пограничным постом ОГПУ по дороге на Гагры, и старик с собакой были доставлены в сталинскую резиденцию. Сталин, которому доложили об этом, вышел в сад. Неподалёку действительно стоял слепой старик, держа собаку на поводке.

– Приказы даются, чтобы их выполнять, – заметил Сталин. – Отведите собаку подальше и пристрелите её!

Охранники хотели тут же забрать собаку, но она ощерилась и зарычала. Им пришлось потребовать, чтобы старик пошёл с ними, – тогда пошла и она. Сталин не уходил в дом, пока из дальнего конца сада не донеслись два выстрела».

Думается, что этот жестокий эпизод с убийством собаки-поводыря и его слепого хозяина не нуждается в комментариях, анализе и обобщении. Читатель, конечно, понял, по какой причине приводится эта цитата из книги А. Орлова. Единственно, что хотелось бы добавить: не только люди, но даже безобидные, а порой очень полезные домашние животные могут стать жертвой кровавого диктатора и тирана!

Немаловажное значение в исторических процессах имеют личные характеристики лидеров. В одном московском издании особо выделяются «основные черты и особенности стиля работы, а также личного характера Сталина: стремление к единовластию; убеждение в собственной непогрешимости; неприятие любых критических суждений и замечаний от кого бы они ни исходили; смешанная с завистью подозрительность, особенно по отношению к опытным военным специалистам; и, наконец, полное пренебрежение любыми общечеловеческими нравственными принципами и нормами» [208, с.399].

Таким образом, в этой главе мы дали обзор российской литературы, посвящённой репрессиям тридцатых годов XX века в Советском Союзе. Глава охватывает советский пери-

од, т.е. до развала СССР, который также подразделяется на два этапа: до провозглашения перестройки и после перестройки. Эти этапы коренным образом отличаются друг от друга. Если на первом этапе факты сталинских репрессий замалчивались, то на втором этапе гласность и демократия дали возможность не только рассказать о людях, подвергшихся незаконным репрессиям, но также анализировать, искать причины и виновников. Общественность, изголодавшаяся по правдивой информации, с распростёртыми объятиями встречала любую публикацию о репрессиях, что свидетельствовало о возрастании интереса к исторической науке. Историки, журналисты, участники и свидетели событий излагали свои мысли и воспоминания не только в книгах, а также периодической печати, журналах. Советское общество обогатилось знаниями о сталинском великом терроре.

2. ИЗДАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОВРЕМЕННЫЙ ПЕРИОД (ДЕКАБРЬ 1991-2023 гг.)

«Методологические просчёты в освещении истории партии и советского общества (а они особенно заметны в учебной литературе) приводят к серьёзным воспитательным потерям. Нагляднее всего это видно по той мозаичной картине, какую представляют в сознании современного человека 30-е годы: поразительный энтузиазм первых пятилеток и грубые нарушения социалистической законности; рост чувства собственного достоинства у миллионов людей и культ одного человека; ожесточённое сопротивление активного, реального, действующего классового врага и «враги народа», в разряд которых попали многие честные и преданные коммунисты и беспартийные. Всё это было. Обо всём этом нужно знать и помнить» – считают авторы книги «История и конъюнктура» Г.А.Бордюгов и В.А.Козлов [126, с.24]. Они правы, когда утверждают, что «Это тяжёлая болезнь коммунистической партии в 30-40-е годы. И сталинизм как система, конечно, не только порождение самого Сталина. Сталин – это выражение сталинизма» [126, с.184].

Книга «Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи» была издана в 1995 году [221]. В ней делается попытка показать образ Сталина и определить его место в истории XX века. Книга основана на воспоминаниях видных писателей, учёных, дипломатов, политиков и маршалов. Но, конечно, переписка И.В.Сталина и М.А.Шолохова о раскулачивании, относящаяся к 1933 году, особенно информационна в части освещения бесчинств партийных работников по отношению к колхозникам, в т.ч. женщинам и маленьким детям, в период хлебозаготовок [221, сс.219-229]. Период репрессий охвачен в главе четвёртой «Котлованы и народ (30-е годы)» на страницах 207-424.

На стр.243-256 приводится отрывок из романа «Драчуны» М.Алексеева. Отрывок относится к 1933 голодному году, когда погибли от голода ни в чём не повинные люди, оставшись по вине властей без хлеба, и так же невинные колхозные лошади остались без фуража. М.Алексеев считал себя обязанным перед памятью своих земляков, отдавших жизни хоть и не на боевых рубежах Великой Отечественной войны, но совершивших подвиг уже одним тем, что до самой смерти не разуверились в Советской власти, не предали её анафеме, не прокляли её [221, с.243].

В книге даётся примечание к отрывку из романа. После выхода в свет романа М.Алексеева «Драчуны», где впервые в литературе, да и в «исторической науке» была рассказана правда о страшном 1933 годе в Поволжье, в саратовском журнале «Волга» (1982, 110) появилась статья М.Лобанова «Освобождение». В этой статье в связи с романом «Драчуны» говорилось о небывалом историческом опыте, выстраданном нашим народом в XX веке и скрываемом и извращаемом официальной пропагандой. Статья «Освобождение» была осуждена решением ЦК КПСС. Главный редактор журнала «Волга» Н.Е.Палькин, его заместитель Б.В.Дедюхин были сняты с работы, а автор статьи М.Лобанов в течение ряда лет был лишён возможности печататься [221, с.257].

В книге под заголовком «Как расцветал культ («Инженеры человеческих душ»)» собраны отрывки из выступлений писателей на Первом Всесоюзном съезде советских писателей в 1934 году, которые носили хвалебный характер [221, сс.257-262].

Большой интерес представляет семейная переписка Сталина с матерью и родными [221, сс.266-285].

Страницы 308-360 посвящены допросам подсудимых Пятакова и Радека. Они были арестованы по Делу антисоветского троцкистского центра (23-30 января 1937 года).

Отрадным является то, что в книге поместили перепечатанное из таллинского 1990 года издания сочинение Леона Фейхтвангера «Москва. 1937 год» (на сс.361-390).

Кроме того, есть в книге отрывок из статьи Л.Троцкого «Термидор и антисемитизм», разоблачающий антисемитизм Сталина (на сс.390-398). Этот отрывок перепечатан из книги Л.Д.Троцкого «Преступления Сталина», которая была издана в 1994 году. Троцкий написал статью 22 февраля 1937 г. Вместе с тем, в книге даётся опровержение обвинениям со стороны Троцкого Сталина в антисемитизме: Сталин уничтожил не только «левых оппозиционеров» – евреев Зиновьева, Каменева и др., но и «правых» – русских Рыкова и др. Именно русские писатели, – говорится в опровержении, – поэты «есенинского круга» Клюев, Клычков, П.Васильев, Орешин и др. испытали главный удар репрессий [221, с.399]. Опровержением антисемитизма Сталина служит и тот факт, что во время войны железнодорожный транспорт был загружен перевозкой евреев из западных областей страны на восток, чтобы они не оказались в руках немецких оккупантов, в то время как «славяне» отправлялись на фронт, т.е. на запад. Составитель книги М.Лобанов напоминает читателю, что Сталин был инициатором создания государства Израиль. Мало кто вспоминает также о том, что в конце сороковых расстреляли русских государственных деятелей Вознесенского, Кузнецова, Родионова, обвинённых в «русском национализме», намерении создать компартию России. Автор опровержения рассказал историю о том, как в 1932 году сестра В.И.Ленина А.И.Ульянова обратилась к Сталину с предложением опубликовать данные о еврейском происхождении Ильича (по линии матери), чтобы поднять в глазах населения ценность еврейского интеллекта и противодействовать, по её словам, антисемитизму, усиливающемуся «даже среди коммунистов». Сталин запретил обнародовать эти данные – «воспретил открывать своеобразную тайну о своём великом учителе, который высоко ставя ин-

теллектуальные способности евреев, оставлял «русским дуракам» черновую работу». Следует отметить, что, по мнению составителя книги, «откровенное русофобство «вождя пролетариата» перекликается с ненавистью, презрением к России, ко всему русскому со стороны Троцкого, считавшего, что в области науки, культуры «Россия дала миру круглый ноль» [221, с.400].

О встрече со Сталиным повествуется в отрывке под названием «Разговаривал как авиационный специалист ...» из книги А.С.Яковлева «Цель жизни. Записки авиаконструктора», которая была издана в 1968 году. Сталин готовил перевооружение советской авиации и стремился избежать ошибки при выборе калибра пулемётов и пушек для истребителей [221, с.402].

В сталинский период репрессированными оказались не только отдельные личности, но и целые народы. В книге Н.Ф.Бугая «Л.Берия – И.Сталину: Согласно Вашему указанию ...», изданной в Москве в 1995 году, впервые обстоятельно освещаются события 30-40-х годов, связанные с депортациями (принудительным переселением) народов, среди которых: поляки, корейцы, иранцы, немцы, финны, ингуши, чеченцы, карачаевцы, балкарцы, калмыки, крымские татары, греки, болгары, армяне, турки-месхетинцы, курды, хемшины, народы Украинской, Белорусской, Молдавской ССР и республик Прибалтики. Показана роль Сталина, его верного пособника – наркома внутренних дел СССР Берия, а также тех, кто осуществлял операции по депортации на практике [129].

Н.Ф.Бугай утверждает, что депортации в СССР в 30-е – начале 50-х годов XX века подверглись более 40 групп населения и полностью 15 народов [129, с.5]. К сожалению, приходится отметить, что в этой книге нет информации о депортации азербайджанцев из Армении в 1946 году.

В сборнике «Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг.» из серии «Документы советской истории» [219]

представлена переписка советского руководства в период с 1928 по 1941 гг., благодаря которой можно отследить сложные неформальные отношения и конфликты в советском руководстве.

В предисловии к этому сборнику указывается, что целью проекта является выявление, изучение и введение в научный оборот документов, составляющих основу для исследования механизмов функционирования власти в СССР, взаимоотношений государства и общества. В указанных хронологических рамках в СССР была уничтожена серьёзная оппозиция и в партии установилась жёсткая «дисциплина», происходило сращивание партийного и государственного аппарата, формирование и окончательное утверждение режима личной власти Сталина. Сама ВКП(б) под влиянием этих факторов фактически прекратила существование в качестве политической партии и превратилась в элемент системы «партия-государство». Наконец, сначала постепенно, а в период «большого террора» в массовом порядке, к власти приходило новое поколение сталинских выдвиженцев, которых лишь условно (поскольку партия сохраняла своё прежнее наименование большевистской) можно назвать большевиками.

По этим причинам редакционная коллегия решила назвать этот сборник «Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг.», хотя он связан с предыдущей книгой «Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927 гг.». «В силу почти полного отсутствия таких документов, как стенограммы заседаний Политбюро, Оргбюро, Секретариата, Совнаркома, различных партийно-правительственных комиссий, недостаточной сохранности подготовительных материалов к протоколам заседаний высших партийно-государственных органов власти, переписка во многих случаях становится основой для реконструкции процесса принятия решений, выяснения позиций различных ведомств и

отдельных советских лидеров», – отмечается в предисловии [219, с.5].

Хотелось бы отметить, что для автора представленной книги особый интерес представляют те письма руководителей страны, в которых упоминаются Азербайджанская ССР и деятели нашей республики. Например, в письме (документ №115) Л.П.Берия Г.К.Орджоникидзе от 2 марта 1933 года говорится: «В Сухуме отдыхает Леван Гогоберидзе. По рассказам т.Лакоба и ряда других товарищей т.Гогоберидзе распространяет обо мне и вообще о новом закавказском руководстве гнуснейшие вещи. В частности, о моей прошлой работе в муссаватской контрразведке, утверждает, что партия об этом, якобы, не знала и не знает. Между тем, Вам хорошо известно, что в муссаватскую разведку я был послан партией и что вопрос этот разбирался в ЦК АКП(б) в 1920 году, в присутствии Вас, т.Стасовой, Каминского, Мирза Давуд Гусейнова, Нариманова, Саркиса, Рухулла Ахундова, Буниат-Заде и друг. (В 1925 году я передал Вам официальную выписку о решении ЦК АКП(б) по этому вопросу, которым я был совершенно реабилитирован, т.к. факт моей работы в контрразведке с ведома партии был подтверждён заявлениями тт. Мирза Давуд Гусейнова, Касум Измайлова и др.)» [219, сс.202,204]. Следует отметить, что подразумевается под словами Берии «о новом закавказском руководстве» – 9 октября 1932 г. Политбюро удовлетворило «просьбу т.Орахелашвили об освобождении его от обязанностей первого секретаря Закавказского крайкома» и наметило на этот пост Берия с оставлением его первым секретарём ЦК компартии Грузии [219, с.189].

Также интересно письмо (док.№111) Л.П.Берия Г.К.Орджоникидзе от 18 декабря 1932 года, в котором он опровергает все переданные ему Багировым чудовищные слухи о себе. Приводим отрывок из этого письма: «Дорогой Серго, как могли Вы на минуту допустить мысль о том, что я когда-либо, где-либо или кому-либо, в том числе и

Н.Лакоба мог говорить столь нелепые, фантастические и даже контрреволюционные вещи вроде: «Серго в 24 году в Грузии перестрелял бы всех грузин, если бы не я» или «всякие разговоры о вмешательстве в Закавказские и грузинские дела» или что-то о «присоединении Борчалинского района не то к Грузии, не то к Армении» и т.д. [219, с.197].

Документ №117, т.е. письмо Берия Орджоникидзе от 11 марта 1933 г. также посвящено бакинским событиям: выполнению плана по нефти, укреплению Бакинской партийной организации, обеспечению весенней кампании, тяжёлому положению с хлебом [219, сс.225,226]. Письмо Багирова Сталину от 9 января 1941 г. посвящено жилищной проблеме в Баку [219, сс.440-441].

В письме Л.М.Кагановича И.В.Сталину от 27 сентября 1937 г. (документ №220) упоминается выступление Каминского на пленуме ЦК, как Каганович выразился, «со своей клеветой». Здесь имелось в виду выступление наркома здравоохранения Г.Н.Каминского на пленуме ЦК в июне 1937 года, в котором Каминский обвинил секретаря Закрайкома Берия в сотрудничестве с мусаватистской разведкой (Каминский работал в Закавказье и с тех времён был знаком с Берия). Судя по всему, разоблачения Каминского не понравились Сталину. На этом же пленуме Каминский был исключён из ЦК и партии, а затем арестован [219, сс.376,377].

Справедливо говорится в одном московском издании «Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939 гг. Документы и материалы. В 4-х т.», изданном в 2000 году, что ««вредители», «враги народа» второй половины 30-х годов в массе своей определялись сверху. Это те, кто должен был принять на себя вину и понести ответственность за провалы политики сталинского волюнтаризма» [218, с.10].

В РФ издаются книги о репрессированных учителях. Например, в книге «Жертвы политических репрессий в Алтайском крае» приводятся сведения: с 1933 по 1939 годы в

г.Барнауле было репрессировано 55 учителей, 39 из них – расстреляно [240].

Юинг Е.Томас в книге «Учителя эпохи сталинизма» пишет, что в 1937 году по всему Советскому Союзу учителей увольняли на основании непроверенных заявлений и доносов, «без всяких оснований и изучения полученных материалов», а просто за «неспособность обеспечить в школе коммунистическое воспитание» [241].

Книга Ф.Д.Ашнина, В.М.Алпатова, Д.М.Насилова «Репрессированная тюркология» посвящена мрачному периоду истории советской тюркологии. На основе архивных материалов органов безопасности России, Азербайджана, Казахстана и Киргизии впервые вводятся в научный оборот следственные дела 1937-1939 годов. Выясняются точные обстоятельства гибели многих выдающихся деятелей науки и культуры разных народов: А.Н.Самойловича, Е.Д.Поливанова, Б.В.Чобанзаде, Г.С.Губайдуллина, Х.С.Ходжаева, Ахмеда Джавада, Микаила Мушфика, Гусейна Джавида, А.Байтурсунова, М.Жумабаева, К.Тыныстанова и др. Рассматривается общественно-политическая ситуация в стране в 1920-1930 годы, сначала способствовавшая активной деятельности этих людей, но затем приведшая к их гибели [124].

Авторы пишут, что о страшных репрессиях 30-х годов написано много, но эта тема, к сожалению, неисчерпаема. Им хотелось показать, какие потери понесла тогда тюркология (изучение тюркских языков, культур, истории), а также сами культуры тюркских народов, входивших в СССР. Авторы рассмотрели 18 следственных дел из бакинских архивов, например, в Центральном Архиве МНБ Азербайджана. В Баку работали не только азербайджанские учёные. Баку в 1920-1930 годы был центром культурной жизни всех тюркских народов, в нём жили и работали видные представители интеллигенции Татарстана, Узбекистана, тюркоязычного

Крыма, Турции и др. И почти все они в 1937 году погибли [124, сс.50,51].

При написании монографии наше внимание привлекли очерки «Дело Рухуллы Ахундова» [124, сс.51-75], «Дело профессора Чобан-заде» [124, сс.75-86], «Гибель профессора Губайдуллина» [124, сс.86-94], «Халид-Саид Ходжаев» [124, сс.94-106], «Бакинские языковеды. Абдулла Таги-заде» [124, сс.106-109], «Ахмед Джавад» [124, сс.131-137], «Гусейн Джавид» [124, сс.141-150], «Бросила графин в тов.Анкишевича» [124, сс.163-167], «Секреты бакинской электрички» [124, сс.168-175]. В делах упоминаются и другие репрессированные писатели: Султан Меджид Муртаза-Али оглы Ганизаде (1866-1937), Сеид Гусейн, Курбан Му-саев, Зиннет Закиров, председатель СП в 1936-1937 гг. А.Шамилов, Гаджибаба Назарли [124, с.158]. Очень интересен и трогателен рассказ о судьбе сестры Микаила Мушфика Баладжи ханым Кадыр гызы Исмаиловой-Шукюрли, которая работала учительницей в бакинской средней школе.

Что касается порядков в азербайджанских ЧК и ГПУ при Багирове, то авторы упомянули показания свидетеля А.М.Тагиева, надзирателя Внутренней тюрьмы ЧК-ГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ Азербайджана с 1921 года по день допроса (по делу Багирова), 17 мая 1954 года. Он рассказал: подследственных «всегда били», «били арестованных все начальники и следователи, которые вызывали арестованных на допросы», при Багирове и Берии «воды в камерах было так много, что арестованные должны были там плавать», а один утонул; в 1921-1922 гг. Тагиев «лично сам привязывал камни к арестованным, которых увозили в море», что, впрочем, пришлось запретить, когда в Баку начались массовые отравления рыбой» [124, с.61].

А как расстреливали в Баку при Сумбатове, надзиратель Тагиев дал следующие показания: «Перед тем как арестованных вывозили на расстрел, их очень часто избивали. В таких случаях арестованных избивали в специальных по-

мещениях, где они ожидали, пока их повезут на расстрел». По свидетельству Тагиева, в этих зверствах участвовали Сумбатов и его заместитель Герасимов. Надзиратель отметил: «С какой целью избивали арестованных, приговорённых к расстрелу, я не знаю. Избиение перед казнью уже нельзя было объяснить никакой «целесообразностью», это садизм в чистом виде!» [124, с.84].

Учёный-языковед Гулам Багиров в заявлении о реабилитации в 1956 году рассказал, как у него были получены признания: Каравелиев ставил его дважды на 3 дня; когда «я валялся на полу после стойки ... Каравелиев, также другие из разных кабинетов приходили ко мне, ударяли меня по бокам, по ногам и по зубам, обзывая меня самыми похабными и скверными словами».

Авторы книги констатируют, что во время следствия по делу М.Д.Багирова в числе прочих свидетелей был допрошен 14 мая 1954 г. П.В.Хентов, много лет, работавший в НКВД Азербайджана. Он рассказал о Багирове следующее: «В случае, если арестованные меняли свои показания или вовсе отказывались от показаний, ссылаясь на то, что их били, Багиров говорил: «Значит мало били»» [124, с.160].

Авторы считают, что гибель Чобан-заде, Губайдуллина и ряда других тюркских интеллигентов именно в 1937 году не была случайной. Пока господствовала политика развития национальных культур и языков, пока наибольшим злом в национальных отношениях считался «великодержавный шовинизм», эти люди считались ценными специалистами, несмотря на их «националистическое» прошлое. В 30-е годы у них была плохая официальная репутация, из сферы общественной жизни их полностью отгеснили в область науки и образования, время от времени их травили и мешали работать. И всё-таки они могли трудиться, а для национально-ориентированных коммунистов (нередко – их учеников) сохраняли авторитет. С середины 30-х годов национально-языковая политика государства становилась всё бо-

лее русификаторской, и ещё в большей степени это стало проявляться с 1937 года. Если положение старой русской интеллигенции тогда в целом улучшилось (хотя и среди неё оказались жертвы репрессий), то от старшего и среднего поколений тюркской интеллигенции, имевших дореволюционное прошлое, мало кто уцелел (меньше пострадала молодёжь, целиком сформировавшаяся в советское время, но и там были существенные потери) [124, с.91].

Авторы пишут, что в начале 1938 года Раев сменил Сумбатова на посту НКВД Азербайджана, в ноябре 1938 года его арестовали в кабинете Багирова. Герасимова расстреляли в 1938 году, Шера отправили в лагерь в 1938 году. Сумбатов умер до суда в тюрьме от рака [124, с.78].

Авторы подчёркивают, что в 1948 году появилась секретная инструкция Л.П.Берии об отправке на вечное поселение в отдалённые районы СССР всех арестованных в 1937 году и последующие годы по политическим делам, у кого к тому времени истёк срок заключения. Женщин вторично не арестовывали, с мужчинами поступали по инструкции [124, с.122].

В книге «Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям» из серии «Документы советской истории» [195] представлены письма, заявления, жалобы, доносы и иные формы обращений граждан к власти в период 1928-1939 гг. В предисловии сборника указывается, что включённые в книгу фрагменты переписки по заявлениям граждан, наиболее характерные ответы и резолюции позволяют проанализировать типичную реакцию власти на «сигналы с мест». Трагедия 1937-1939 гг. породила целый поток жалоб и мольб о помощи, которые часто были последней надеждой погибавших людей. «Изучение большого массива разного рода обращений граждан во властные инстанции показывает, что в советскую эпоху государство и общество при посредстве писем, а также типичных форм властной реак-

ции на них вели диалог, в котором каждая из сторон преследовала свои цели, действуя в соответствии с определёнными негласными правилами поведения. Подобная форма общения и взаимодействия власти и общества абсолютно не характерна для демократических государств, население которых обладает развитым гражданским и правовым сознанием. Иное дело – Россия с её спецификой отношений народа и государства. Не следует забывать, что в России традиция апеллирования к верховной власти напрямую, без посредников опирается на челобитенную и петиционную культуру, имеющую длительную историю и глубокие корни», – говорится в книге [195, сс.5,6].

Власти поощряли подачу жалоб даже со стороны заключённых. Наряду с личными обращениями к вождям, можно было писать в различные партийно-государственные инстанции, в газеты, «знатным людям» – писателям, общественным деятелям и др. Численность жалоб в период террора 1937-1938 гг. сильно выросла. Так, если в Прокуратуру СССР в январе 1937 года поступило 13 тыс. жалоб, в феврале – 16 тыс., то в январе 1938 г. – 25 тыс., а за 20 дней февраля – около 40 тыс. Проведённая в 1939 году на волне кампании «восстановления социалистической законности» проверка союзной Прокуратуры органами Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) выявила 160 тыс. заявлений, оставленных без рассмотрения и упакованных в тюки, а кроме того – 81,5 тыс. нерассмотренных жалоб, переправленных в Прокуратуру только из ЦК ВКП(б) и Комиссии партийного контроля [195, сс.6,7].

На страницах 8-9 материал касается Азербайджана. В мае 1937 года В.М.Молотов поручил прокурору СССР А.Я.Вышинскому обратить внимание на Азербайджан, откуда сыплются жалобы. В июле 1937 года Вышинский доложил Молотову, что проверка показала, что одной из причин большого количества жалоб в Азербайджане является «безобразное положение с рассмотрением жалоб в Азербай-

джанской прокуратуре, что, несомненно, дискредитировало местную прокуратуру в глазах населения, и потому оно обращалось в Москву, зная по практике, что Москва быстро реагирует на жалобы, давая поручения азербайджанским органам». Как видно, азербайджанские люди искали правду в Москве и не доверяли бакинским чиновникам. Вышинский также докладывал об обнаружении в Баку большой сети подпольной адвокатуры, работавшей под видом кабинетов (около 15 штук) по переписке на машинке различных бумаг. Эти подпольные адвокаты (бывшие судебные адвокаты, изгнанные из органов юстиции, бывшие полицейские и т.д.) составляли заявления и жалобы и направляли их в Москву. Двое из них были преданы суду за мошенничество [195, сс.8,9].

В апреле 1938 года Молотов послал руководству Азербайджана запрос: «Мне уже не раз приходилось говорить тов. Багирову о потоке жалоб из Азербайджана в Совнарком Союза. Посылаю Вам соответствующую справку и содержание жалоб за вторую половину 1937 года (их число – 1477) и за первые три месяца 1938 года (их число – 699). Тут есть что-то неладное и есть существенные недостатки в работе соворганов Азербайджана, дающие поводы к разным жалобам. Прошу Вас разобраться в этом вопросе и сообщить о Вашем мнении и принимаемых в связи с этим мерах». М.Д.Багиров и Т.Кулиев в ответном письме, пообещав исправиться, не преминули добавить: «Кроме неудовлетворительной работы наркоматов и других организаций, дающих повод к разным жалобам, антисоветские и враждебные элементы, используя это положение, сознательно организуют направление жалоб в Москву» [195, сс.8,9]. Таким образом, ответ был очень характерным для руководителей республики. Жалобщики оказались виноватыми и сами подвергались повышенному риску репрессии.

Особое значение для современных историков имеет серия книг, посвящённых процессу политической реабилита-

ции в СССР и Российской Федерации. В I и II томах опубликован основной корпус реабилитационных актов, принятых после смерти Сталина до XX съезда КПСС, а затем в период с весны 1956 года до начала 80-х годов. В III том включены документы следующего периода реабилитации, продолжавшегося с середины 80-х годов до 1991 года, связанного с курсом нового руководства страны на перестройку [205, 206, 204].

Третий том сборника документов, подготовленный Комиссией при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий и Международным Фондом «Демократия», завершает историю реабилитации репрессированных по политическим мотивам народов и граждан Советского Союза, осуществлявшейся в период существования СССР [204]. В этом томе отмечается, что под политическими репрессиями подразумеваются применяемые властью различные меры принуждения, лишение или ограничение прав граждан по политическим, социальным, национальным, религиозным, классовым и иным признакам. Круг лиц, подлежащих реабилитации: осуждённые судебными и внесудебными органами, направленные в административном порядке в ссылку, высылку, на спецпоселение, помещённые в психиатрические учреждения на принудительное лечение в связи с возбуждением уголовных дел. Реабилитация распространяется на весь советский период истории [204, с.8].

Составители сборников коснулись начала политических репрессий. После убийства С.М.Кирова и прошедшего в декабре 1934 года судебного процесса по делу т.н. «ленинградского центра» при личном участии И.В.Сталина 18 января 1935 г. было подготовлено и разослано на места Закрытое письмо ЦК ВКП(б) «Уроки событий, связанных с злодейским убийством тов.Кирова». Руководствуясь этим письмом Сталина, органы НКВД осуществили политическую дискредитацию и физическое уничтожение лиц, при-

мыкавших в прошлом к антисталинской оппозиции, а затем развернули массовые репрессии против руководящих кадров и ни в чём не повинных советских граждан [204, с.483].

Книга Р.Н.Иванова «Именем Союза Советских ... Жизнь и гибель комбрига Нахичеванского» [152] посвящена шестому генералу знаменитой азербайджанской династии Ханов Нахчыванских, талантливому военачальнику, комбригу и комдиву Джамшиду Джафаровичу Нахчыванскому, который прошёл Первую Мировую войну, две революции, стал офицером, кавалером ряда боевых орденов и Георгиевского оружия, командиром кавалерийского полка армии первой Азербайджанской Республики. После советизации Азербайджана он руководил в течение девяти лет первой национальной Азербайджанской Дивизией. Комдив Нахчыванский находился на высоких военных и государственных должностях, а последние пять лет своей жизни посвятил подготовке командиров для РККА, в числе которых были будущие Маршалы СССР Гречко, Конев, Еременко, Панфилов и многие другие.

По клеветническому ложному обвинению Дж.Дж.Нахчыванского арестовывали трижды в 1920, 1931 и 1938 годах. Его дважды приговаривали к расстрелу. Его расстреляли в августе 1938 года. Он погребён в братской могиле на подмосковном объекте «Коммунарка – Лоза» вместе с Бухариным Рыковым, Караевым, Буниатзаде, Левандовским и др. Посмертно был реабилитирован в 1956 году. Его имя увековечено: Военное Училище и улица в Баку носят имя Дж.Дж.Нахчыванского, а на малой родине Нахчыване функционирует Мемориальный музей [152, с.4].

Ценным вкладом в современную историографию является публикация монографий серии «История сталинизма» издательством «Российская политическая энциклопедия»

(РОССПЭН) и Фондом «Президентский центр Б.Н.Ельцина».*

Авторы этих книг исследуют эпоху сталинизма в СССР, размышляют о том, как мечта российских большевиков о «новом человеке» выродилась в массовый кровавый террор, почему потерпела провал попытка Сталина построить монолитное государство, которое господствовало бы над бессловесным и покорным обществом, разбираются в трагичной истории использования принудительного труда в ГУЛАГе в 1930-1950-х гг., исследуют деятельность и обстоятельства личной жизни главы НКВД Н.И.Ежова, который проводил самые кровавые директивы Сталина, прослежи-

* Баберовский Й. Красный террор. История сталинизма. 2007, 278 с.; Блюм А., Меспуле М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. 2008, 328 с.; ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. 2008, 320 с.; Петров Н., Янсен М. «Сталинский питомец» – Николай Ежов. 2008, 447 с.; Дундович Е., Гори Ф. Итальянцы в сталинских лагерях. 2009, 189 с.; Лёве Х.-Д. Сталин. 2009, 351 с.; Нахапетов Б. Очерки истории санитарной службы ГУЛАГА. 2009, 191 с.; Сталин и немцы. Новые исследования. 2009, 367 с.; Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовая операция на основе приказа №00447. 2009, 927 с.; Баберовский Й. Враг есть везде. Сталинизм на Кавказе. 2010, 855 с.; Верт Н. Террор и беспорядок. Сталинизм как система. 2010, 447 с.; Хаустов В., Самуэльсон Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. 2010, 432 с.; Хлевнюк О. Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. 2010, 479 с.; Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934-1941. 2011, 231 с.; Кодин Е. Репрессированная Российская провинция. Смоленщина. 1917-1953 гг. 2011, 270 с.; Мартин Т. Империя «Положительной деятельности». 2011, 855 с.; Нерар Ф.-К. Пять процентов правды. Разоблачение и доносительство в сталинском СССР. 1928-1941. 2011, 398 с.; Шлёгел К. Террор и мечта. Москва 1937 г. 2011, 742 с.; Штудер Б., Унфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. 2011, 247 с.; Хлевнюк О., Горлицкий Й. Холодный мир: Сталин и завершение сталинской диктатуры. 2011, 231 с.; Эгге О. Загадка Кирова: Убийство, развязавшее сталинский террор. 2011, 287 с.; Кропачев С., Кринко Е. Потери населения СССР в 1937-1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. 2012, 350 с.

вают судьбы расстрелянных, отправленных в лагеря, сосланных итальянцев, живших в СССР, как политэмигрантов (коммунисты, социалисты, антифашисты), так и простых людей, предлагают собственную интерпретацию биографии Сталина, дают сведения, причём в деталях, об организации оказания медицинской помощи заключённым, сотрудникам охраны и членам их семей, а также освещают проблемы обеспеченности медицинскими кадрами на разных этапах существования ГУЛАГа, рассказывают о трагедии немецких коммунистов-эмигрантов в СССР, раскрывают самую массовую операцию 1937-1938 гг. – «кулацкую», сигналом к проведению которой послужил приказ НКВД №00447, пишут о судьбах тысяч людей – бывших «кулаков», белых офицеров и царских чиновников, меньшевиков, эсеров и анархистов, заключённых тюрем и лагерей, уголовников, членов религиозных общин, участников локальных восстаний, а также самих карателей, прослеживают историю «культурной революции» в Азербайджане, которая превратилась в кровавый террор, унесший сотни тысяч жизней, изучают практику государственного насилия в СССР (массовые депортации, введение системы принудительного труда), а также социальные явления (бандитизм), уделяют внимание роли Сталина в руководстве органами НКВД в период подготовки и проведения массовых репрессий, роли Сталина в формировании системы, получившей его имя, а также механизмам принятия и реализации решений, противодействию сталинской «революции сверху» в партии и обществе, исследуют отклики простых людей на события 1934-1941 гг. в СССР по документам НКВД, материалам съездов, письмам и другим источникам, показывают, что, даже находясь под прессом официальной пропаганды и страхом репрессий, люди продолжали критиковать Сталина и советскую власть, писали жалобы в различные инстанции на принятые политические решения, освещают показательные судебные процессы в 1937-1938 гг. и репрессии

по национальному признаку в различных регионах страны, раскрывают сталинскую национальную политику, проводившуюся в СССР в 1923-1939 гг., предпринимают попытку понять, какое место в сталинском обществе занимал феномен доносов и разоблачений (и добровольных, и по принуждению), какова роль родственных отношений в подобных делах и были ли такие поступки корыстными, рассматривают 1937 год под всеми ракурсами – от сталинского террора до гигантского размаха индустриализации, от нищеты повседневной жизни до танцевальных праздников и парадов, изучают период «позднего сталинизма», в частности такие события, как опала Маленкова и Молотова, «ленинградское дело», чистки в МГБ, «мингрельское дело» и реорганизация высшей власти накануне смерти Сталина, рассматривают подоплёку убийства С.М.Кирова, мотивы убийцы и возможную роль НКВД в организации преступления, анализируют весь спектр слухов и домыслов, мифов и легенд, связанных с этим убийством, анализируют демографические потери, понесённые советским обществом вследствие политических репрессий и этнических депортаций и др.

Одной из ценных монографий этой серии является книга Б.Штудера и Б.Уинфрида «Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. (История сталинизма)», изданная в 2011 году. Как видно из истории репрессий, коммунистическая элита была безжалостна даже к «своим», то есть членам партии, которых обвиняла в различных грехах и прикрепляла к ним враждебные ярлыки и клички, якобы, характеризующие их деятельность. В результате партия избавлялась от «негодных» коммунистов. Именно этой теме посвящён труд немецких учёных.

Как указывается в этом издании, в компартии периодически проводились проверки и чистки по всей стране: в 1921, 1929, 1933 и 1935/1936 гг. В 1921 году партия избави-

лась от четвёртой части новых членов, устремившихся в неё после захвата власти большевиками. Чистка 1929 года была направлена против политической оппозиции – партия очищалась от «правых уклонистов», «классово враждебных и чуждых». Однако пассивность, пьянство, буржуазное происхождение, недисциплинированность оказывались более частыми причинами исключения, нежели активная политическая оппозиция. Эта чистка добилась скромного результата. 11% коммунистов всей страны были исключены из партии, но 22% из них после апелляции снова были в неё приняты. Чистка 1933 года была направлена против «двурушников», нарушителей «железной дисциплины» государства и партии, «политически неграмотных», тех, кто не «работал над собой», «классово чуждых», «морально выродившихся», «карьеристов и бюрократов», прокравшихся в партию. Они составили 18% членов и кандидатов в члены партии. Чистка 1933 года продолжалась до конца 1935 года. До её окончания, предполагавшегося в ноябре 1933 года, «вычищена» была только треть членов партии. В 1935 году была проведена кампания по проверке партбилетов с целью разоблачить «чуждые элементы» и «врагов народа» и выявить «морально разложившихся»; в результате – 9,1% проверенных членов партии по стране были исключены, а 8,7% из них арестованы. За проверкой в 1935 году последовала кампания по обмену партийных документов в 1936 году. В целом, с июля 1935 года было исключено около 17,7% членов партии, значительную часть которых составляли, по словам председателя Комиссии партийного контроля Н.Ежова, худшие враги, шпионы, белые, мошенники и воры. Правда, часть их была арестована, но можно ли исходить из того, что те, кто были лишь исключены, а не арестованы, откажутся теперь от своей подрывной контрреволюционной деятельности? Этот риторический вопрос Ежова задал вполне определённый тон для последующего поворота к большому

террору [234, сс.74-79]. Чистки в партии механически перешли во все сферы деятельности.

Кадры оказались вовлечёнными в водоворот большого террора, жертвой которого оказалась значительная часть рядовых и руководящих кадров. В чём разница между чистками и репрессиями? Исследователи Б.Штудер и Б.Унфрид пишут: «Чистки до 1936 года имели целью социальное дисциплинирование, направленное преимущественно против пассивности и «политической безграмотности». Решающее различие между чистками и террором 1936-1938 гг. заключается в том, что логика последнего оставалась скрытой от потенциальных жертв ... Во время чисток ещё имели силу определённые правила, владение которыми часто гарантировало выживание. Террор же наносил удары вслепую и без видимой логики. Никто не мог уберечься от ареста» [234, сс.80,81,83].

Верно говорится в одном московском издании РОС-СПЭН «Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина», что «в современном мире две вещи ассоциируются со зловещей империей: национальные репрессии и насильственная ассимиляция. Сталинские репрессии, направленные на народы Советского Союза, фактически коснулись лишь небольшого процента нерусских, но, тем не менее, продемонстрировали всем нерусским имидж имперского поведения» [140, с.24]. Со вторым положением можно поспорить, так как среди нерусских народов от репрессий пострадало огромное количество людей, которые составляли элиту и самую достойную часть общества. И этот факт нанёс огромный ущерб генофонду нерусских народов.

К самым сенсационным мемуарам сталинской эпохи относятся воспоминания Петра Фролова, впервые через много десятилетий нарушившего «обет молчания» [226]. Его книга «Исповедь палача с Лубянки. Эмиссар Берии с особыми полномочиями» содержит откровения очевидца и

участника казней конца тридцатых годов, исполнителя смертных приговоров. Эти мемуары являются уникальной возможностью заглянуть в расстрельные подвалы НКВД, откровенной исповедью палача, у которого своя правда и своё объяснение репрессий в годы правления Сталина. Автор ставит перед собой вопросы и пытается ответить на них, что называется, со «своей колокольни». Были ли приговоренные к «высшей мере социальной защиты» невинными жертвами «кровавой гэбни» или настоящими врагами народа, получившими по заслугам? Каковы подлинные, а не вымышленные антисталинистами масштабы репрессий? Что такое «Бериевская оттепель» и как ему удалось в кратчайшие сроки реформировать органы государственной безопасности, очистив их от выкормышей «кровавого карлика» Ежова, садистов, предателей и коррупционеров? Сколько на самом деле было расстреляно в Прибалтике и Западной Украине после их присоединения к СССР – сотни тысяч, как утверждают «правозащитники», или несколько сотен человек, как свидетельствует автор этой книги?

По просьбе родственников автора мемуаров его фамилия и имя вымышленные. Дочь сказала: «Я не хочу, чтобы меня и моих детей называли дочерью и внуками палача с Лубянки!» А дело было в том, что в 1938-1941 годах автор мемуаров принимал непосредственное участие в расстрелах тех, кто был приговорен судебными органами к высшей мере наказания. Во время войны он служил в центральном аппарате военной контрразведки. Автор считал, что большинство репрессированных при Сталине были подлинными «врагами народа» и понесли заслуженное наказание за свои деяния [226, сс.4,5]. Автор мемуаров предпринял попытки доказать, что большинство репрессированных в 1937 году были не невинными жертвами сталинского режима, а людьми, совершившими те или иные конкретные преступления, например, расхищали госимущество в особо крупных размерах [226, сс.6,7].

Необходимо отметить статус Петра Фролова – это изложено в мемуарах. Лейтенант-пограничник Пётр Фролов служил на заставе около озера Хасан на Дальнем Востоке. В июне 1938 года он стал свидетелем бегства начальника УНКВД по Дальневосточному краю Генриха Люшкова за границу. Автора мемуаров арестовали по обвинению в пособничестве перебежчику и под конвоем отправили в Москву. Несколько месяцев он находился в одиночной камере на Лубянке и ждал, что его расстреляют. Однако на Лубянке произошла смена власти, и это событие спасло его от смерти. Назначенный в конце августа 1938 года зам. наркома внутренних дел Лаврентий Берия в течение нескольких месяцев «оттеснил» от рычагов управления наркоматом своего непосредственного начальника Николая Ежова и начал «чистку» от его людей. Ведь новому наркому нужны «свои» кадры, которым можно доверять [226, с.9].

Как раз именно таким человеком стал П.Фролов. Берия приказал, чтобы Фролова освободили из заключения. Фролова назначили сотрудником спецгруппы – «команда» сотрудников НКВД СССР, которая приводила в исполнение смертные приговоры – расстреливала приговоренных к высшей мере наказания. Одновременно Фролову изменили биографию: из лейтенанта погранвойск он превратился в младшего офицера Красной Армии, который в пехотной части служил на Дальнем Востоке, а потом был переведён в НКВД. Первое задание наркома – следить за руководителем спецгруппы, комендантом НКВД СССР Василием Блохиным, войти к нему в доверие и докладывать. Фролов «прекрасно» справлялся с заданиями [226, с.10]. В 1939-1941 годах Фролов – личный эмиссар наркома Лаврентия Берии, который разъезжал по стране и выступал в роли посредника между подразделениями трёх наркоматов – внутренних дел, госбезопасности и обороны (речь идёт о 3-м Управлении – военной контрразведке) [226, с.7]. Основной задачей его пе-

ред войной было присматривать за происходившим на местах и обо всём увиденном докладывать Берии [226, с.8].

Автор мемуаров пишет, что пришёл к выводу: «Блохин и Берия не были фанатичными приверженцами генеральной линии партии. Скорее они были жесткими прагматиками, которые считали, что ради победы можно не только использовать любые средства, но и при необходимости менять их на другие» [226, с.59].

Автором полностью воспроизведен текст двух важных документов, которые показывают, как он считает, истинную роль Берии в репрессиях 1937 года. Первый из документов – «Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия» (17 ноября 1938 г.) [226, сс.66-75]. Второй – «Приказ НКВД №00762 о порядке осуществления Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 17 ноября 1938 года» [226, сс.75-83]. В них вскрывались серьезные недостатки и извращения в работе органов НКВД и прокуратуры и указывались пути, как указывалось в постановлениях, подъема работы советской разведки и коренного улучшения организации дальнейшей борьбы в деле окончательного разгрома всех врагов народа, за очистку Родины от шпионско-диверсионной агентуры иностранных разведок, обеспечив тем самым дальнейшие успехи социалистического строительства. Автор свидетельствует, что был одним из тех, кого Берия выбрал для выполнения миссии – проверки соблюдения норм соцзаконности [226, с.84].

Берия, дав ему поручение, сказал: «Меня интересуют только все случаи нарушения закона при расстрелах. Даже случаи избиений приговорённых и мародёрств» [226, с.86].

Автор указывает, что размах нарушений норм соцзаконности и падения дисциплины среди комендантов и палачей был огромным. При проверке по заданию Берии процедуры организации расстрелов в провинции автор обнаружил проблемы: 1) хронический алкоголизм большинства палачей, последствием чего были нарушения правил обращения

с оружием (несколько «стрелков» были ранены или погибли), были также из-за пьяных палачей несколько случаев побегов приговорённых к расстрелу; 2) мародёрство; 3) проблемы с психикой палачей и комендантов, когда многие были патологическими садистами (один из палачей убивал с помощью верёвки, «экономя» патроны, другой – polem, третий изнасиловал нескольких приговорённых к смерти женщин и т.д.). Об этих случаях Фролов доложил Берии. Эти люди были расстреляны [226, сс.87-90].

Большое место в мемуарах (Глава 4. Дела Дальневосточные) отведено маршалу Василию Блюхеру, его, якобы, вредительской работе на Дальнем Востоке, разложению по его вине армии, репрессии, убийству во время допроса от телесных повреждений, когда у легендарного маршала даже вытек глаз. Блюхер был посмертно реабилитирован [226, сс.138-171].

Следует выделить и рассказать о предельно откровенных мемуарах Александра Леонидовича Мясникова «Я лечил Сталина: из секретных архивов СССР» [185]. В предисловии, автором которого является академик Е.И.Чазов, говорится: «В ваших руках мемуары корифея советской, да и мировой медицины, учитывая, что Александр Леонидович Мясников, академик Академии медицинских наук Советского Союза, профессор, врач, один из немногих медиков мира был удостоен высшей награды Международного общества кардиологов – «Золотой стетоскоп»» [185, с.3]. Чазов указывает, что А.Л.Мясников был врачом, который боролся в последние годы жизни И.Сталина за её сохранение и лучше и откровеннее всех изложил истину его смерти, вокруг которой столько домыслов историков и политиков.

В годы войны Мясников служил главным терапевтом Военно-морского флота и не скрыл жестокую правду о блокаде Ленинграда. Его характер и прямые высказывания добились ему зависть и устойчивое неприятие властей предрешающих в СССР.

Разве могли партийно-советским чиновникам понравиться многие высказывания Мясникова? Вот, например, «сущность состоит в том, что ценность учёного у нас всё ещё часто определяется личными связями, симпатиями себе подобных или властью имущих; к тому же выдвигаются люди менее достойные в пику более достойным (дабы последние не слишком кичились своим научным значением, подумай!). Важно установить общее поравнение, нивелировку коллектива, а не выпячивать персональные заслуги отдельных лиц. Как в трамвае – не высывайся!» [185, с.255].

Его не тронули, но на юбилей известного академика и учёного с мировым именем не пришёл никто из руководства Минздрава. Рукопись была запрещена к печати и 45 лет хранилась в секретных архивах ЦК КПСС [185, с.2].

Мемуары состоят из десяти глав. Для нас представляет особый интерес девятая глава под названием: «Общественные события. Смерть Сталина» на страницах 264-306.

Мясников касается темы репрессий в тридцатые годы: «В ту пору (имеется в виду конец 40-х -А.Н.) с учёными обращались бесцеремонно. Часть учёных уже перебивалась в тюрьмах и ссылках (например, бактериологи, которых систематически зажимали в 1933-1936 годы, предъявляя им фантастические обвинения; как-то один из наших блестящих бактериологов, Л.А.Зильбер, сидевший три раза по обвинениям, по которым его надо было каждый раз расстреливать, рассказывал мне, что он спасся только решительными грубыми ответами, которые он давал следовательно: «Ведь ты чушь, подписать которую вы мне даёте, потом откроют – лошади, и те будут ржать от смеха и презрения по вашему адресу») [185, с.265].

Автор мемуаров Мясников в начале 50-х годов прибыл в Баку лечить М.Дж.Багирова, которого в книге охарактеризовал как «местного султана, то есть секретаря ЦК Азербайджана, направо и налево расправлявшегося с неугодными

ми, гноившего в тюрьмах местную интеллигенцию именем Сталина, как его друг, соратник и наместник» [185, с.286].

Автор подробно рассказывает в этой главе о «деле врачей», т.е. новом витке репрессий, когда арестованных «убийц в белых халатах», конечно, ждала смертная казнь. В 1953 году арестованные по «делу врачей» медики были обвинены в том, что они являлись «агентами международной сионистской организации «Джойнт» [185, с.288]. На страницах 292-306 мемуарист подробно пишет о попытках со 2 марта группы медицинских светил профессоров вылечить Сталина, который находился в состоянии сопора. Вечером 5 марта в 9 часов 50 минут наступила смерть Сталина. Автор пишет: «Совершилось, несомненно, великое историческое событие. Ушёл из жизни вождь, перед которым трепетала вся страна, а в сущности, в той или иной степени, – и весь мир. Великий диктатор, ещё недавно всесильный и недосягаемый, превратился в жалкий, бедный труп, который завтра же будут кромсать на куски патологоанатомы, а в дальнейшем он будет лежать в виде мумии в мавзолее (впрочем, как оказалось потом, недолго; затем он превратится в прах, как и трупы всех прочих обыкновенных людей). Стоя в молчании, мы думали, вероятно, каждый своё, но общим было ощущение перемен, которые должны, которые не могут не произойти в жизни нашего государства, нашего народа» [185, с.300, 301]. «Но что-то должно обязательно произойти в нашей жизни, притом к лучшему. Неужели не придёт, наконец, в нашу жизнь дух свободы и нормальной безопасности?» – спрашивал себя и надеялся на лучшее мемуарист [185, с.302].

Мемуары сильны и интересны тем, что автор – светило медицинской науки – описывает характер Сталина с медицинской точки зрения, увязав поступки и характер с его болезнью. Автор пишет: «Сильный склероз мозговых артерий, который мы видели на вскрытии И.В.Сталина, может возбудить вопрос, насколько это заболевание, – несомненно, раз-

вившееся на протяжении ряда последних лет, – сказывалось на состоянии Сталина, на его характере, на его поступках. Ведь хорошо известно, что атеросклероз мозговых сосудов, приводящий к нарушению питания нервных клеток, сопровождается рядом нарушений функций нервной системы. Прежде всего, со стороны высшей нервной деятельности отмечается ослабление процессов торможения, в том числе так называемого дифференцировочного, – легко себе представить, что в поведении Сталина это проявлялось потерей ориентации в том, что хорошо, что дурно, что полезно, а что вредно, что допустимо, что недопустимо, кто друг, а кто враг. Параллельно происходит обострение черт личности: сердитый человек становится злым, несколько подозрительный становится подозрительным болезненно, начинает испытывать идеи преследования – это полностью соответствует поведению Сталина в последние годы жизни. Мне кажется, при оценке известных исторических личностей необходимо не только чисто литературное или психологическое их описание, но анализ с медицинской точки зрения; ведь все они так или иначе болеют, по крайней мере, под конец их жизни, и именно с болезнью может в какой-то степени быть связано их поведение. Полагаю, что жестокость и подозрительность Сталина, боязнь врагов, утрата адекватности в оценке людей и событий, крайнее упрямство – всё это создал в известной степени атеросклероз мозговых артерий (вернее, эти черты атеросклероз утрировал). Управлял государством, в сущности, больной человек. Он таил свою болезнь, избегал медицины, боялся её разоблачений. Склероз сосудов мозга развивался медленно, на протяжении многих лет. У Сталина были найдены очаги размягчения мозга очень давнего происхождения. Как известно, при этом заболевании умственное восприятие может совершенно не страдать или страдать мало. Поэтому такие старики могут сохранять многие проявления умственной деятельности на должной высоте – другие же стороны психической

сферы (особенно эмоциональные реакции) могут сильно меняться» [185, сс.304,305].

Автор также показал ужасный штрих: «Прошла жизнь, в связи со смертью диктатора и нескольких десятков (или сотен) москвичей: в первый же день после смерти громадные толпы народа двинулись к центру Москвы, к Дому союзов. На Трубной и Неглинной произошла страшная давка, колонны людей столкнулись между собой. Люди падали, их топтали ногами, как в своё время было на Ходынке.

Символична сама параллель. Эта трагическая история была характерным венцом покойнику» [185, с.306].

Автор С.А.Цыркун в своей книге «Секретная предыстория 1937 года. Сталин против «красных олигархов»» обещает осветить самые зловещие и запретные тайны СССР. Он предлагает вниманию читателей узнать всё о предыстории большого террора, подлинных причинах сталинских репрессий и секретных корнях 1937 года. Автор исследует тему: Сталин против заговорщиков из ОПТУ, создававших в стране параллельную систему власти. Это – расследование сверхсекретной деятельности чекистской верхушки [231]. Эта книга заглядывает за парадный фасад сталинской эпохи, проливая свет на самые тёмные тупики и расстрельные подвалы советской истории [231, с.4].

Нас, современных исследователей темы репрессий, в этой книге заинтересовал тот образ чекиста, который создал автор исследования. Поэтому мы приводим слова автора почти без изменений, так как считаем, что сказать лучше, чем он, не представляется возможным.

Автор пишет, что в период революции нашлись достаточно желающих нагреть руки на революционном движении для удовлетворения собственных властных амбиций. Не слишком обременённые дореволюционными заслугами, после революции они примкнули к победившей партии и поспешили воспользоваться плодами чужих дел в личных целях. Цыркун приводит слова другого учёного, доктора

философских наук Ю.Линника, который в работе «Чекизм: генезис и эволюция» назвал это явление чекизмом, дав ему следующую характеристику: «активное неприятие свободы; стремление изолировать страну от внешнего мира – и вместе с тем эскалация заразы за её пределы; мифогенез, направленный на создание мнимых врагов внутри и вне государства – без них чекизм не может; враждебное отношение к духовной культуре; глубинный имморализм; склонность к предательству; жестокость» [231, сс.23,24].

Цыркун констатирует, что в ВЧК царила острейшая нехватка кадров. Трудная, очень нервная и опасная работа, почти не оставлявшая времени хотя бы выспаться, в сочетании с низкой зарплатой не слишком привлекала избалованных повышенными продрпайками и прочими льготами большевистских чиновников. В итоге приходилось принимать на службу в ВЧК кого попало. Среди них попадались авантюристы, взяточники, садисты. Для противодействия разложению ВЧК во главе этого органа поставили высококультурного и в то же время морально твёрдого человека с внешностью Дон Кихота – Феликса Дзержинского. Приходилось ввиду дефицита кадров принимать на службу и опытных чиновников царской полиции [231, сс.33,35].

Следует отметить, что, действительно, в российской ЧК попадались нечистоплотные люди. Иногда им удавалось просочиться на окраины, в том числе Азербайджан. В этой связи большой интерес представляет следующий архивный документ: Протокол №15 Политического и Организационного Бюро ЦК АКП 8 января 1921 г. Председатель Каминский, секретарь Роден. Здесь обсуждался по счёту 11-й вопрос: О Ревтрибунале. О председателе Ревтрибунала т.Хаджилиасе. Было заслушано сообщение т.Кавтарадзе о полученной им из Царицинской Губчека, членом коллегии которой состоял Хаджилиас, телеграмме, в которой указывалось, что за симуляцию нападения на него противных партий он был приговорён к расстрелу, затем освобождён

по разгрузке тюрьмы, вторично был осуждён за хранение бланков с печатями Чрезвычайной Комиссии, освобождён по амнистии. В телеграмме указывалось также, что фамилия Хаджилиас была присвоена, а его настоящая фамилия – Левак. Кроме того, т.Кавтарадзе сказал, что Хаджилиас – садист и замешан во многих мелких грязных делах. Он предложил Хаджилиаса немедленно сместить, временно арестовать, произвести обыск, назначить комиссию по пересмотру дел со смертными приговорами.

Бюро вынесло постановление: а) отозвать т.Хаджилиаса из Ревтрибунала; б) дело передать на рассмотрение контрольной комиссии совместно с Чрезвычайной Комиссией, в секретном порядке, в помещении ЧК; в) произвести секретную ревизию Ревтрибунала, для чего выделить комиссию в составе т.Белоусова, Гандюрина, Теймура Алиева и Дима под председательством Т.Алиева. Был назначен срок ревизии – 3 дня [114, л.1-4].

Большой интерес для уяснения полной картины проводимых репрессий представляют научно-популярные издания. К ним относится одна из книг Александра Широкограда «ГУЛАГ. Государство в государстве», изданная в 2021 году [233]. В главе I, которая называется «Кое-что о терминологии», поясняется, что такое ГУЛАГ: «ГУЛАГ – Главное управление лагерей. Оно было создано 1 октября 1930 г., а упразднено в соответствии с приказом МВД СССР №020 от 25 января 1960 г. Подчеркиваю – именно управление, то есть контора, а не сеть лагерей!». Автор пишет, что «однако Солженицын и другие обличители Сталина представляют нам ГУЛАГ как созданную Сталиным системой принудительно-трудовых лагерей, то есть ГУЛАГ сделан символом принудительного труда». А.Широкоград не соглашается с такой постановкой вопроса, утверждая, что принудительный труд существовал ещё при Иване Грозном и при святом Николае. Все русские крепости, каналы, большие железные дороги, гидроэлектростанции, космодромы и т.д. созданы

системой принудительного труда крепостных, заключённых, солдат и пленных. Кроме того, автор утверждает, что Солженицын перенёс значение слова «шарашка» с обычного «предприятия почтовый ящик номер» (п/я) на секретное предприятие, где трудились заключённые. Слова «ГУЛАГ» и «шарашки» в солженицынской трактовке стали, якобы, удобными метками для историков [233, сс.3,4].

Автор задаёт вопрос, сколько людей находилось в системе лагерей, тюрем и колоний ОГПУ, НКВД и МВД? Автор пишет, что в 1937 году сидел 820.881 человек, из них 104.826 человек (то есть 12,8%) по политическим статьям. Максимальное же число заключённых ГУЛАГа было в 1953 году – 1.727.970 человек, из них 465.256 (то есть 26,9%) по политическим статьям [233, с.42]. Автор и здесь выдаёт параллели: в 1937 году и через 70 лет, в 2007 году в лагерях сидело примерно одинаковое число людей – 820 и 886 тысяч человек [233, с.42]. Ещё один вопрос ставит в книге автор: Кем были настоящие политзаключённые? Ответ: «Это были десятки тысяч белых офицеров и казаков, продолжавших в 1920-1930-х гг. бандитскую и террористическую деятельность. То же можно сказать о сотнях тысяч членов бандформирований – Махно, Маруси, Ангела и разных там Грицианов Таврических, которые предпочитали заниматься прежним промыслом, нежели трудиться на полях и заводах. Это и десятки тысяч басмачей, у которых руки были по локоть в крови» [233, с.45].

Автор сетует о том, что демократическая пресса рассказывает ужасы о Соловецком лагере особого назначения (СЛОИ). Он утверждает, что тюрьму в монастыре открыли не большевики. Она существовала с 1718 года и закрылась только в 1903 году [233, с.47].

13 октября 1923 г. выходит Постановление СНК СССР об организации Соловецкого лагеря принудительных работ. В лагере предполагалось разместить 8000 человек. На 1 октября 1924 г. численность политических заключённых в ла-

гере составляла 429 человек. 10 июня 1925 г. принимается Постановление СНК СССР «О прекращении содержания в СЛОН политзаключённых». Летом 1925 года политические заключённые были вывезены на материк. Таким образом, в СЛОНе остались только уголовники, включая членов бандформирований [233, с.48]. Автор рассказывает о других концлагерях, например Севастопольском концентрационном лагере для «контрреволюционных элементов», созданном 1 января 1921 г. в Херсонесском мужском монастыре [233, сс.50-52].

Автор подробно рассказывает о строительстве железных дорог и автодорог-шоссе, каналов, ГЭС и водохранилищ, о добыче угля, золота, серебра, олова и урана с привлечением принудительной рабочей силы.

Автор в какой-то степени оправдывает доносительство. Приводя в пример Павлика Морозова и его мать Татьяну, которые в 1931 году донесли на председателя сельсовета села Герасимовка, ветерана Гражданской войны Трофима Сергеевича Морозова (отца Павлика и бывшего мужа Татьяны), который-де даёт «липовые справки спецпереселенцам, чтобы те имели возможность уехать домой», автор заключает, что «сотни тысяч ныне забытых людей были оклеветаны ревнивыми женами, соседями по жилью, коллегами по работе и т.п. Все они сейчас чохом занесены в жертвы «кровавого палача» Сталина, который-де лично составлял списки арестованных». Автор рассуждает следующим образом: «донос Татьяны привёл к гибели и отправке в лагеря более десяти жителей Герасимовки. Риторический вопрос: а при чём тут Сталин? А что, сейчас у нас мало доносчиков? Ну, прибили бы в 2019 г. доносчика правнука Павлика Морозова, так наши СМИ подняли бы собачий вой – «Убили ребенка!», и пострадали не десяток человек, а чуть ли не вся деревня» [233, сс.130,131]. Автор, кстати, с гордостью пишет о судьбе отца Павлика – Трофима Морозова, который в 1931 году был осуждён к 10 годам лагерей, ударно трудился

на строительстве Беломор-Балтийского канала и через 3 года был досрочно освобождён, причём награждён орденом [233, с.130].

В главе I Раздела VI «Солженицынские «шарашки» (на стр.304-316), автор обвиняет Солженицына в стукачестве, когда он работал в лаборатории №8 в Марфине [233, с.313]. При этом автор приводит признания самого Солженицына в том, что был осведомителем под кличкой Ветров, но ни одного доноса не написал. Хотя бывшие лагерники и офицеры госбезопасности в один голос опровергают возможность подобной ситуации. Биограф Солженицына Т.Ржезач пишет, что вся «лагерная карьера» недвусмысленно свидетельствует о том, что он был тайным информатором. При этом виртуозным! Основным объектом Солженицына были украинские националисты [233, с.314]. Врач экибастузского лагеря Николай Зубов называет Солженицына «очень активным стукачом» и приводит доказательства [233, с.315].

Автор коснулся темы ареста незаслуженно забытого конструктора Дмитрия Людвиговича Томашевича. В 1926 году он окончил Киевский политехнический институт, а с 1934 года работал в КБ Н.Н.Поликарпова. Через два года Томашевич стал его заместителем, а ещё через два года последовал арест по надуманному обвинению. В ЦКБ-29 Томашевич создал проект одноместного истребителя «110» с мотором ВК-107П мощностью 1400 л.с. Он отличался исключительной технологичностью. Самолёт «110» прошёл испытание, но так и остался в опытном экземпляре. Д.Л.Томашевич был освобождён в июле 1941 года и отправлен в эвакуацию в Сибирь, где в 1943 году был построен опытный образец истребителя «110» [233, сс.339, 340]. А 21 октября 1937 г. арестовали А.Н.Туполева, обвинив его в принадлежности к «русской фашистской партии», во вредительстве при подготовке рекордных полётов Громова, внедрении порочной американской технологии, в шпионаже в пользу Франции и ещё многом другом. Но реально Туполе-

ва и его помощника Некрасова можно обвинить, по мнению автора, в создании малобоеспособных торпедных катеров [233, с.340].

1 июля 1940 г. ГКО потребовал построить 3 экземпляра самолёта «103»: первый с моторами АМ-37, два последующих – с моторами М-120 ТК-2. Несмотря на трудности, машина с двумя двигателями АМ-37 была построена в январе 1941 года [233, с.347]. В конце июля 1941 года Туполев вместе с ЦКБ-29 отправился в эвакуацию в Омск. Там создавался авиационный завод, где руководителем КБ был А.Н.Туполев. Главной задачей ставилось освоение серийного выпуска бомбардировщика ТУ-2. Последних узников ЦКБ-29 освободили в октябре 1943 года. Однако среди них не было С.П.Королева, которого перевели в Казань в КБ НКВД, занимавшийся авиационными двигателями. КБ руководил В.П.Глушко, тоже арестованный [233, с.350]. Результатом секретного обращения Л.П.Берии к Сталину (16 июля 1944 г.) стало решение Президиума Верховного Совета СССР от 27 июля 1944 г. о досрочном освобождении 35 заключённых специалистов со снятием с них судимости [233, с.352]. Вскоре начался новый этап в жизни бывших эков – будущих создателей межконтинентальных баллистических ракет и космических кораблей [233, с.354].

«Шараги», т.е. особые конструкторские бюро ОГПУ (НКВД) стали создаваться согласно циркуляру от 15 мая 1930 г., подписанному председателем ВСНХ В.В.Куйбышевым и заместителем председателя ОГПУ Г.Ягодой. В циркуляре говорилось, что «за последние 2-3 года органами ОГПУ были раскрыты контрреволюционные вредительские организации в ряде отраслей нашего хозяйства», в связи с этим предлагалось «использовать вредителей ... таким образом, чтобы работа их проходила главным образом в помещении органов ОГПУ. Для этого отбирать заслуживающих доверие специалистов. Оказывать им содействие в деле постановки опытных работ ...».

А.Широкоград в очередной раз задаёт вопрос и рассуждает следующим образом: «Получается вроде парадокс – «органы» сажали, чем дезорганизовывали работу военных КБ, а потом создавали свои КБ, чтобы продолжить те же направления исследований. А вот тут давайте оговоримся – «органы» действительно сажали, но делали это не по своей инициативе, а по приказаниям свыше от партийного руководства, по своим служебным правилам, циркулярам и т.д.». Автор продолжает настаивать на своей точке зрения: «Убрать или оставить такие видные фигуры, как Бухарин и Тухачевский, решал лично Сталин, а не нарком Ежов, и тем более не рядовые сотрудники его наркомата. А вот руководить арестами десятков или даже сотен тысяч простых людей Сталин физически не мог» [233, с.371].

Совершенно противоположное мнение А.Широкоград имеет по отношению к Тухачевскому: «Другим фактором, побудившим НКВД взяться за проектирование артиллерийских систем, был полнейший бардак в нашей артиллерии. Неумолимый Тухачевский давал волю своим фантазиям и довёл нашу артиллерию буквально до ручки». Приказом Л.Берии 20 апреля 1938 г. в Ленинграде было организовано Особое артиллерийское конструкторское бюро в целях использования заключённых специалистов для выполнения специальных конструкторских работ оборонного значения [233, с.372]. К концу 1939 года здесь работало 136 специалистов-зэков [233, с.375]. В ОТБ была организована ресторанная система питания, заключённые специалисты получали зарплату 50-240 рублей в месяц, им выдавались бесплатно костюмы, рубашки, галстуки, т.к. они часто ездили в командировки на заводы, в основном на «Большевик» [233, с.375].

В 1938-1953 гг. в ОТБ (ОКБ-172) было спроектировано несколько десятков артиллерийских систем [233, с.377]. В апреле 1953 года после смерти Сталина советское прави-

тельство принимает решение о расформировании ОКБ-172 [233, с.381].

В Заключении книги автор отвечает на вопрос – зачем была написана эта книга: чтобы доказать, что в России все большие сооружения с 1700 по 1990 г. были созданы подневольным каторжным трудом [233, с.391].

Автор в итоге с упорством настаивает: «Тема виновности людей, сидевших в сталинских лагерях, как уже говорилось, особая. Но в любом случае виноватых с точки зрения большинства россиян было не менее 90%» [233, с.392].

Особый интерес в книге А.Широкограда представляют данные Приложения I «Статистика ГУЛАГа», собранные в несколько таблиц. Здесь можно ознакомиться с численностью заключённых ГУЛАГа (по состоянию на 1 января с 1934 по 1953 гг.), со справкой о смертности заключённых в системе ГУЛАГа за период 1930-1956 гг., с национальным составом заключённых на 1 января периода 1939-1947 гг. [233, сс.393-395].

Автор А.В.Сульдин в книге «1937. Большой террор. Хроника одного года» утверждает, что «по самым осторожным оценкам, уже в январе 1937 года в тюрьмах и лагерях находилось 5 миллионов жертв, расстреляно около 1 миллиона, умерло в заключении около 2 миллионов человек».

Касаясь репрессий маршалов и военнослужащих, Сульдин приводит цитату из дневниковой записи генерала Франца Гальдера, относящейся к 1940 году: «Русский офицерский корпус исключительно плох (производит жалкое впечатление), гораздо хуже, чем в 1933 году». Автор книги утверждает, что неизвестно, как бы воевали в 1941 году Гухачевский, Уборевич, Путна, Блюхер, Белов, Дыбенко, но, не будь 1937 года не было бы и лета 1941 года [222, с.317].

В книге Сульдина день за днём прослеживается работа механизма террора, жертвами которого вскоре станут и сами обвинители. Много интересного можно прочитать в этой книге Сульдина. Вот один эпизод, который приводим до-

словно: «Когда в камеру к бывшему наркому Генриху Ягоде послали Абрама Слуцкого, одного из немногих его бывших сотрудников, которые ещё не были арестованы, Ягода сказал: «Можешь написать в своём докладе Ежову, что я говорю: «Наверное, всё-таки Бог существует!» «Что такое? – перепросил Слуцкий, несколько растерявшись от пронизательности Ягоды. «Очень просто, – пояснил Ягода. – От Сталина я не заслужил ничего, кроме благодарности за верную службу; от Бога я должен был заслужить самое суровое наказание за то, что тысячу раз нарушал его заповеди. Теперь погляди, где я нахожусь, и суди сам: есть ли Бог или нет ...» [222, с.317].

На многие вопросы, касающиеся эпохи большого террора, отвечает книга В.Галина «Союз Сталина. Политэкономия истории» [138].

В анонсе книги утверждается, что автор исследует исторические процессы не как набор фактов, а как результат действия объективных сил и законов, двигающих развитием человеческого общества.

Автор приводит очень печальную статистику: «всего за 2 года (1937-1938 гг.) было арестовано 3,1 млн. чел., из которых 1,6 млн. за уголовные и 1,3 млн. за политические и контрреволюционные преступления. Из общего количества арестованных 630 тыс. было заключено в лагеря и колонии, 1800 тыс. – отправлено в ссылку и высылку, приговорено к высшей мере – 682 тыс. человек (что составило 74% общего количества смертных приговоров за 25 лет – с 1928 по 1953 гг.)» [138, с.359].

Таким образом, в современный период в Российской Федерации были опубликованы очень интересные книги о периоде сталинских репрессий. В данной главе выборочно рассматриваются некоторые страницы из этих публикаций, даны обширные выдержки и цитаты из них, вниманию читателей предоставлены даже строки из писем. Автор преднамеренно близка к тексту указанных изданий. Во-первых,

лучше автора издания всё равно не скажешь, во-вторых, близость к тексту предохранит от неправильного понимания и осознания написанного, в-третьих, это может вызвать интерес у читателя, который впоследствии обратится к названным авторам и их книгам. Обзор изданий не может быть полным, так как книг, безусловно, огромное количество. Но даже осуществлённый в рамках одной главы небольшой обзор, по-видимому, может быть уместен и имеет право на существование.

3. АЗЕРБАЙДЖАНСКО-СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ. ПЕРЕСТРОЕЧНЫЙ ПЕРИОД (ДО ДЕКАБРЯ 1991 г.)

В Азербайджанской ССР историками не обсуждалась и не освещалась проблема сталинских репрессий. Эта тема была закрытой.

Как справедливо указывает один исследователь, «знание о большевистском коммунизме как о преступной системе существовало с 1917 года. Но из-за мощности излучения, испускаемого самой идеей, из-за мастерства органов коммунистического движения в дезинформации и лжи, это знание не было «удостоверено». Толпы порядочных людей искренне отвергали его» [125, с.10].

В основе этих знаний лежат исторические знания. Но в советский период история фальсифицировалась, так как события замалчивались или искажались, чтобы предстать в выгодном для советской власти свете. Многие имена вычёркивались из истории или упоминались либо в негативном, либо в позитивном плане в зависимости от их взаимоотношений с советской действительностью. Реальные исторические события трактовались советскими историками тенденциозно и схематично. Сверху из ЦК партии насаждалась система запретов и догм. Особенно запретной с 1970-х годов была тема сталинских репрессий, которые имели место с двадцатых до пятидесятых годов XX века. В опубликованных биографиях выдающихся революционеров, например, в книге «Активные борцы за Советскую власть в Азербайджане», изданной в 1957 году [108], не указывалась истинная причина смерти, т.е. репрессия тридцатых годов XX в. Под портретами многих видных деятелей Компартии, Советского государства, представителей интеллигенции, Советской Армии и т.д. в годы застоя не указывалась дата смерти, а точнее 1937-1938 годы, так как именно в эти годы кровавые репрессии приняли особо массовый характер, и

многие известные люди стали жертвами «массового террора».

В 1968 году в историческом труде «Компартия Азербайджана и решения съездов, конференций и пленумов ЦК» [166] была затронута проблема политических репрессий в Советском Союзе. В этом издании указывалось, что в Азербайджанской ССР в 1937 году жертвами репрессий стали 22 народных комиссара, 49 секретарей райкомов, 29 председателей исполкомов, 57 директоров заводов и фабрик, 95 инженеров, 110 военнослужащих, 207 советских и профсоюзных работников, 8 профессоров.

Сборник документов «Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (в четырёх томах)», подготовленный Филиалом Института Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС – Институтом истории партии при ЦК КП Азербайджана, изданный во второй половине 1980-х годов, не предоставляет нам соответствующих документов. В этом сборнике по 1937 году есть только сведения о XIII съезде АКП(б), который проходил с 3 по 9 июня 1937 года, а также резолюция съезда по отчёту Центрального Комитета, в которой указывается: «Завершив в основном построение социалистического общества, СССР идёт под руководством ЦК ВКП(б) к новым победам коммунизма, выкорчевывая и уничтожая всех врагов партии и народа...» [164, с.658].

Конечно, в 1970-1980-х годах о некоторых репрессированных деятелях культуры тоже писали книги, статьи. Но о факте репрессии замалчивали, потому что тема являлась табу.

Так, например, в 1987 году вышла книга о Гаджибабе Назарли [27]. Её с большой теплотой написал кандидат филологических наук Мамедбагир Хаятзаде. Он посвятил своё исследование жизни и деятельности одного из основателей азербайджанской советской реалистической литературы, писателя и драматурга, переводчика Г.Назарли, который

ещё в 1915 году в г.Гейчай основал драматический кружок и даже в 1916 году с благословения А.Ахвердова поставил пьесу “Vəxtsiz cavan” [27, сс.65-66].

Автор, исследуя творчество Назарли на основе общественно-политических и культурных событий 1920-1930-ых годов, осветил, прежде всего, идеологическую сущность и особенности рассказов и пьес писателя.

В монографии также освещена многогранная научно-педагогическая, журналистская, военная и общественная деятельность Г.Назарли.

Книга состоит из трёх частей. Первая часть «Жизнь и деятельность» (сс.5-14), вторая – «Рассказы» (сс.15-65), третья «Драматургия» (сс.65-125).

Автор ценит Г.Назарли и как литературного критика. Он приводит статьи Г.Назарли об А.Ахвердове, М.С.Ордубади, А.Назми, М.Мушфиге, А.Музнибе, А.М.Шарифзаде, Н.В.Гоголе, М.Горьком, Д.Фурманове, В.Шекспире, В.Гете, Дж.Байроне, В.Гюго, Г.Флобере и др. [27, с.13].

Автор пишет, что Г.Назарли был хорошим переводчиком и перевёл на азербайджанский язык «Макбет» В.Шекспира и пьесу «Егор Булычев и другие» М.Горького.

Г.Назарли в 1933-1934 гг. был редактором журналов “Hücum”, “Ədəbiyyat səbhəsi”, “İnqilab və mədəniyyət” и газеты “Ədəbiyyat qəzeti”.

В 1930-1933 годах он учился в Москве в Институте Красной профессуры на факультете мировой литературы [27, с.13].

Долгие годы он заведовал кафедрой всеобщей мировой литературы в Азербайджанском Педагогическом Институте им.В.И.Ленина и читал интересные лекции по курсу западноевропейской литературы. Был директором Азербайджанского Государственного Драматического Театра и прилагал все свои силы для подготовки молодых кадров артистов и для обогащения репертуара [27, сс.13-14].

Автор особо отмечает, что произведения Г.Назарли благодаря передовым взглядам и пропаганде благородных человеческих качеств в 1928-1936 годах изучались в учебных заведениях и входили в учебные планы и учебники, как лучшие и первые образцы советской литературы [27, сс.14, 120].

Особо тепло автор пишет о том, что 19 марта 1931 г. состоялась премьера спектакля “Yanğın” (в соавторстве с С.Рустамом) в Краснознаменном Тюркском (Азербайджанском) Рабочем Театре. Режиссёром спектакля был Рза Драблы, а музыку написал Асаф Зейналлы [27, сс.87-88]. Этот спектакль ставили на сцене многих городов Азербайджана.

Тюркский театр гастролировал в Ташкент, Самарканд, Бухару, Ашхабад, Джарджо, Мерв и другие города Средней (Центральной) Азии, а также Ереван и Тбилиси [27, с.88].

В пьесе раскрывалась актуальная в первые десятилетия советской власти тема борьбы трудящихся за новую, светлую жизнь в Советском Азербайджане. По этой причине пьеса с радостью была встречена публикой и стала очень популярной в тридцатых годах [27, с.89].

Автор отметил, что Г.Назарли учился в школе “Ümmid”, которую открыл М.А.Сабир в 1908 году в Шамахе [27, с.5]. Писать стихи Гаджибаба научился у своего великого учителя. Он стал любимым учеником Сабира [27, с.6]. Гаджибаба всегда помнил о своём учителе-поэте новаторе Сабире. К 25-й годовщине смерти поэта – гордости азербайджанской литературы М.А.Сабира – Гаджибаба Назарли написал пьесу «Сабир». В пьесе были реалистично показаны противоречия в азербайджанском обществе, существующие в начале XX века. Пьеса впервые была опубликована в журнале «Революция и культура» в 1936 году. Она шла на сценах дворцов культуры и народных театров. А в 1962 году в связи со 100-летним юбилеем великого поэта пьеса была транслирована по республиканскому телевидению. В 1980-х годах эта пьеса была поставлена коллекти-

вом Сумгаитского Государственного Театра им. Гусейна Араблинского. Она шла на сцене Республиканского Дома Актёров им.Аббаса Мирзы Шарифзаде. До сегодняшнего дня пьеса привлекает внимание исследователей творчества М.А.Сабира [27, с.103].

Автор Хаятзаде пишет, что Гаджибаба Назарли среди своих современников был известен, как поэт, писатель, драматург, журналист, критик, переводчик, военный деятель, педагог [27, с.118]. Автор приводит конкретные факты по каждой сфере деятельности Г.Назарли. В научный оборот привлечены материалы периодической печати, процитированы высказывания других выдающихся государственных деятелей и представителей науки и культуры об этом человеке и его творчестве.

Однако своё повествование автор Хаятзаде доводит до 1937 года и при всём желании и сочувствии не может написать год и причину смерти Г.Назарли.

В первой части представленной нами монографии мы рассказали о статьях, которые издавались на страницах периодической печати России.

Не отставала от центральной периодики и азербайджанская печать. В нашей республике на страницах газет и журналов тоже публиковались интересные, порой даже сенсационные материалы. История репрессий стала одной из самых популярных тем – читатели узнавали новые подробности о людях, переживших эту трагедию. В основном писали о видных государственных и партийных деятелях, любимых народом поэтах, артистах, ставших жертвами сталинских репрессий.

В республиканских органах печати печатались материалы о репрессии и репрессированных. Например, в газете «Молодёжь Азербайджана» – статья Н.Магеррамова «Выступил против Сталина» [176], статья «Нам все былые недомолвки домолвить ныне долг велит» [190], в газете «Elm» – статья Наили Ахундовой «Семьдесят лет спустя»

[123], статья З.М.Буниятова «Следственное дело №12493» [131], статья Аскера Кулиева «Abdulla Şərifov» [55], в газете «Kommunist» – статья Меджида Катибли «30-cu illərin faciəsi» [37], в газете «Бакинский рабочий» – статья «Пройдя все испытания (Из дневников А.Шахбазова)» [202].

Эти статьи печатались в рубриках «Белые пятна нашей истории», «Yaddaş», «Жизнь Замечательных Людей», «Страницы истории», «Tariximizin yaddaşında», «Забвению не подлежит», «Ərsin qara taxtı, nəslin qara baxtı», «Repressiya qurbanları». Названия рубрик говорят о том, что цель публикаций была в возвращении забытых и прекрасных имён репрессированных, оставивших след в истории нашего народа. Эти рубрики мотивировали людей не забывать кровавую трагедию тридцатых и не допустить её повторения.

С января 1988 года в Азербайджанской ССР выходил общественно-политический литературно-художественный иллюстрированный ежемесячный журнал (орган ЦК ЛКСМ Азербайджана) на двух языках «G.M.Gənclik. Молодость». В рубрике «Жертвы репрессий 30-х годов» выходили статьи о Гусейне Джавиде, Салмане Мумтазе, Вели Хулуфлу, Айне Султановой, Идрисе Гасанове и др. [31, с.6-13; 130, сс.36-40; 122, сс.18-22; 223, сс.30-32].

Хотелось бы процитировать статью академика Зии Буниятова «Заклѳчѳнный №2043 – Салман Мумтаз, Заклѳчѳнный №703 – Вели Хулуфлу»: «Начавшиеся в конце 20-х годов и достигшие зенита после убийства С.М.Кирова в декабре 1934 года массовые репрессии эпохи культа личности Сталина привели к истреблению сотен тысяч ни в чѳм неповинных людей самых различных слоѳв советского общества. Сначала эти массовые расстрелы, начавшиеся в конце 1929 года, коснулись огромных масс крестьян страны, но затем перст судьбы передвинулся с крестьянства на творческую и техническую интеллигенцию, учѳных, военных, ра-

ботников просвещения, советских и партийных работников...

Акции по ликвидации возможных противников лиц, узурпировавших власть в Советском государстве, были долговременными и тщательно продуманными. Акции эти были:

1. Многоступенчатыми – когда с помощью одной группы репрессированных уничтожалась другая группа, затем через третью группу ликвидировалась вторая, через четвёртую – третья и т.д.;
2. Целенаправленными – когда ликвидировались те, кто стоял у колыбели нашей партии (соратники В.И.Ленина, революции, те, кто сражался за её идеалы в гражданскую войну);
3. Цепными – когда следствие выбивало у одной группы «врагов народа», например, учёных, фамилии людей из другой группы, например, писателей, учителей, работников печати и т.д.;
4. Переносимыми на другие регионы страны – когда подследственных, например, в Азербайджане, выколачивались имена людей, живущих и работающих в других республиках и областях (в данном случае через Азербайджан выходили на Крым, Башкирию, Татария, Среднюю Азию);
5. Устрашающими для самих следственно-карательных функционеров – когда ликвидировались «засидевшиеся» следователи и дознаватели, ибо получаемая ими информация заставляла их размышлять о происходящем беззаконии, или они уже знали слишком многое, а это было опасно для тех, кто направлял и возглавлял карательные операции» [130, с.37].

Зия Буниятов в этой статье подробно описывает варианты допросов: «Существовало несколько вариантов допроса «врагов народа».

Первый вариант. Арестованного ошарашивали и оглушали сразу же предъявлением таких чудовищных обвинений. Это была психическая, психологическая атака и напор следователя, подавление воли арестованного, пока тот, так сказать, не очухался, не огляделся, не собрался с нравственными силами. Допросы следователя тех времён начинали в ночь ареста. Допросы эти были многочасовые, со всевозможными угрозами.

Вариант второй. Сажая арестованного в тюремную камеру, следователь, конечно, прекрасно понимал, что камера измучит, ослабит волю арестованного к сопротивлению. Чем дольше пробудет в следственной камере арестованный до встречи со свидетелем, тем это выгоднее следователю. Арестованный готовится к допросу, первому в его жизни допросу, напрягаясь изо всех сил. А допроса нет. Проходит неделя, а там и месяц, два месяца. Таким образом, всю работу по подавлению психики арестованного за следователя делает тюремная камера.

И вариант номер три, т.е. пытки, официально стали применяться со второй половины 1937 года» [130, с.39].

В статье Зии Буниятова говорится, что Аскеров Салман Мумтаз, 1883 года рождения, уроженец города Шеки, научный сотрудник I разряда сектора литературы Института языка и литературы АзФАН знал арабский, персидский, турецкий и русский языки. Был сотрудником журналов “Molla Nəsrəddin”, “Zambur”, “Hacı Leylək”, “Tuti”, “Şeypur”, “Füqara fiyuzati”, “Qurtuluş”, “Qardaş köməyi”, “Maarif və mədəniyyət” и газет “Səda”, “Günəş”, “İngilab”, “Açıq söz”, “Kommunist”. Был автором 15 книг по истории азербайджанской литературы, 2 – по народной литературе, в том числе: три тома сочинений Физули, сборник “250 поэтов”, “Divan Xətai”, “Seyid Əhməd Nətif”, “Əli Baku”, “Şəki savları” и др. После 1920 года был организатором и председателем комиссии по восстановлению азербайджанской словесности.

Салману Мумтазу была инкриминирована работа над изданием «азербайджанского националистического дастана «Когоğlu», через который он, якобы, призывал народ к борьбе за национальную независимость и отделению от СССР. То же инкриминировалось Салману Мумтазу, участвовавшему в подготовке издания «Дивана» Махмуда Кашгари.

9 января 1938 г. Военная коллегия вынесла Аскерову Салману Мумтазу приговор: 10 лет тюремного заключения с поражением в политических правах на 5 лет и с конфискацией всего имущества. 24 февраля 1938 г. Салман Мумтаз был отправлен для отбытия срока наказания в Соль-Илецкую тюрьму, где и умер 21 декабря 1941 г. На квартире во время обыска и конфискации имущества у него было изъято 238 средневековых рукописей на восточных языках по различным областям наук.

Приговор по делу Салмана Мумтаза был отменён Верховным судом СССР 17 ноября 1956 г., и он был посмертно реабилитирован. Сообщение о его смерти родные получили 4 марта 1957 г. [130, сс.37,38].

Зия Буниятов даёт подробные сведения и о другом учёном – Хулуфлу Вели Мамед Союн оглу, 1894 года рождения, уроженце махалли Хулуф, села Тарс Далляр, Шамхорского района. В 1918 году он работал народным учителем. В 1919 году примкнул к большевикам и был принят в члены РСДРП. В 1920 году принимал активное участие в советизации Гянджинской губернии. В 1921-1922 гг. был секретарём уездного комитета партии. Во время чистки был исключён из партии, но восстановлен в 1927 году.

В 1928 году В.Хулуфлу закончил восточный факультет АГУ, в 1929-1931 гг. был доцентом, с 1931 года – профессор (специализировался по истории тюркских народов). В 1922-1926 гг. работал в Комитете нового тюркского алфавита. До 1929 года работал в Азернешре, в 1929-1932 гг. был учёным секретарём Аз.Гос.НИИ. К моменту ареста Хулуфлу рабо-

тал заместителем директора Института истории, археологии и этнографии и одновременно был членом президиума и членом учёного совета АзФАН.

Он принимал активное участие в подготовке и работе Первого Всесоюзного Тюркологического съезда. Был награждён Почётной грамотой и золотыми часами к 10-летию ЗСФСР и Почётной грамотой к 10-й годовщине нового алфавита и газеты “Yeni yol”. Вели Хулуфлу был одним из ведущих научных работников Академии наук. Из многих его трудов Зия Буниятов отметил следующие: 1923 г. – «Правописание»; 1927 г. – «Народные певцы», «Кёроглы»; 1929 г. – «Пословицы», «Орфографический словарь»; 1930 г. – «Внутренний строй Сельджукского государства», «Панисламизм, империализм и духовенство», «Происхождение и классовая сущность ислама», «Религия и женщина»; 1931 г. – «Войны Джара» (перевод с арабского), «Словарь живых говоров Азербайджана» (3 тома); 1932 г. – «Мухаррем» и др.

12 октября 1937 г. закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного суда СССР вынесло на основании статей 73, 64, 69 и 70 УК Азербайджанской ССР Вели Мамеду Союн оглы Хулуфлу смертный приговор («Приговор окончательный и обжалованию не подлежит!»). 13 октября 1937 г. Вели Хулуфлу был расстрелян. 17 ноября 1956 г. Военная коллегия Верховного суда СССР в связи с отсутствием состава преступления отменила приговор по делу №12493/80 и Вели Мамед Союн оглы Хулуфлу был реабилитирован.

Зия Буниятов пишет: «Мне ясно одно, ликвидировав местную азербайджанскую интеллигенцию – людей науки, искусства, литературы и т.д., М.Д.Багиров и его приспешники поставили азербайджанский народ лицом к лицу с дефицитом квалифицированных национальных кадров» [130, сс.38, 39,40].

Другой автор Мамед Исмаил в статье, посвящённой Гусейну Джавиду, пишет, что 17 мая 1937 г. на страницах газет «Коммунист» и «Бакинский рабочий» были напечатаны материалы о неудачах Союза писателей. Было отмечено, что благодаря гнилому либерализму руководства СП, его Президиума в лице Назарли, Алекберли, Шамилова, С.Вургуна в ряды организации просочились «враги народа», ярые мусаватисты, пантюркисты, националисты всех мастей: Али Назим, Ахмед Джавад, Гусейн Джавид, Санылы, Юсиф Везир, Сеид Гусейн, Мусаханлы, Мушфиг, Салман Мумтаз, Кантемир, Султан Меджид Ганизаде, Талыблы, Курбан Мусаев, Таги Шахбази, Микаил Рафили, Али Рази, Зинят Закиров [31, с.9]. Мамед Исмаил освещает протоколы допроса выдающегося азербайджанского писателя Г.Джавида. Его ответы на вопросы следователя проливают свет на биографию и мировоззрение писателя.

Репрессиям партийных деятелей посвящены две статьи двух выдающихся советологов Азербайджана Э.Исмайлова и Дж.Гасанлы: «Fəryad: qanlı 1937-ci il hadisələri haqqında» [33] и «Kölgə. Arxivlər açılır: 30-cu illərin cəza tədbirləri haqqında bəzi qeydlər» [34]. Авторы показали, что только по сфабрикованному делу Рухуллы Ахундова и Гамида Султанова были репрессированы 1700 человек, в том числе 20 народных комиссаров и их заместители, 34 председателя районного исполкома, 52 райкома, 8 профессоров и др.

В Азербайджанской ССР стали издаваться мемуары пострадавших от репрессий. Особенно интересны мемуары Муртуза Садыгова «Gördüklərim, çəkdiklərim ...», опубликованные в 1989 году под рубрикой «Ağır illərin yaddaşı» в журнале «Azərbaycan» [89].

Мемуары написаны в жанре художественной публицистики. Будучи восьмилетним ребёнком, Муртуз Садыгов был сослан вместе со всей своей большой семьёй в Семиречье, где прожил 17 лет. Здесь семья похоронила двух братьев и деда автора. Автор описывает весь 39-дневный изнури-

тельный путь до места ссылки, который они проехали вместе с четырьмя другими семьями в товарном вагоне для скота. Детские воспоминания автора о жизни в вагоне полны эмоций и ярких красок. Читая мемуары и вникая в подробности, у читателя появляется ощущение, что он смотрит документальный фильм. Незабываемы сюжеты о смерти и похоронах одной маленькой девочки, которая тоже отправилась с семьёй в ссылку. Также очень трогательны воспоминания о появлении новой жизни в вагоне, когда в неописуемых и невообразимых условиях родился мальчик Эльдар, который впоследствии стал полковником авиации и служил в Узбекистане.

Мемуарист рассказал о комендантах лагеря, среди которых особой жестокостью отличился комендант, имя которого автор не назвал по этическим соображениям, не желая доставлять неудобства его потомкам. Ссылные работали в совхозе. Из-за действий жестокого коменданта были расстреляны несколько лагерных узников-азербайджанцев. Автор также описал, как ухудшилось отношение руководства лагеря к узникам с началом войны. Снова благодаря доносам этого коменданта группа наших земляков распрощалась с жизнью. Кроме этого, интересны эпизоды о детской жизни, школе и учителях.

Автор пишет о взаимоотношениях азербайджанцев и 54-х балкарских семей, которые являются примером человечности, доброты и уважения: азербайджанцы спасли их от голодной смерти, оказав безвозмездную помощь пшеницей [89, с.112].

Также в этих мемуарах описаны разные людские типы: уголовники, которые отнимали последний кусок хлеба, и люди, которые помогали страждущим, несмотря на то, что сами испытывали горе и лишения.

Один из интересных эпизодов посвящён постановке в клубе спектакля Узеира Гаджибекова «Аршин мал алан» в 1944 году. Много добрых слов сказано о художнике-

портретисте Азере Мамедовиче – сыне М.Э.Расулзаде, который преподавал в школе черчение автору этих мемуаров. Спектакль превратился в незабываемый и единственный за 17 лет праздник – впервые молодёжь увидела спектакль на родном языке, впервые услышала родную музыку [89, сс.116-117].

Репрессиям посвящены также статьи Н.Барского «Хəzərdə ölüm adası» [9], Г.Илкина «Məsum 37-ci ilin acı xatirələrindən» [30], З.Пуфатоглу «Represiya edilmiş gerb» [82], М.Катибли «30-cu illərin faciəsi» [37]. Ш.А.Гейшекин «Represiyalara məruz qalmış hüquqşünas-ların həyatından» [23].

В книге О.Мирзоева «Ağ ləkələr silinir», изданной в 1991 году, собраны 25 статей учёных-историков и писателей о массовых репрессиях тридцатых, которые ранее были напечатаны в периодических изданиях. Важно отметить, что в этом сборнике можно найти статьи М.Катибли «30-cu illərin faciəsi», А.Асадова «Proses», Н.Ягублу «Otən illərin ağrısı», Р.Гашымова «Səndürülmüş çıraqlar», М.Садыхлы «Mən özüm şəhidəm», А.Шамилова «Torpaq Komissarının taleyi», Р.Гусейнова «Ayrılıqdan bir az əvvəl» и др. [77]. В этих статьях вина за репрессии перекладывается не на изъяны политического режима, а на отдельные личности.

Джамиль Гасанов (Гасанлы) в книге «Ağ ləkələrin qara kölgəsi», изданной в 1991 году [24], осветил историю репрессий в ряде вузов Азербайджанской ССР. Кроме того, автор показал репрессии в ряде районов Азербайджана, например, Шамахе, Исмаиллы, Али-Байрамлы, Гонагкенде, Астарханбазаре. Автор отметил, что в Исмаиллинском районе репрессиям подверглись 300 человек, 63 человека были казнены. Дж.Гасанов утверждает, что в 1937-1940 годах ежегодно было арестовано в среднем по 12 тысяч человек, в 1937-1938 годах в Азербайджане было привлечено 40 тысяч человек. В общем, в 1930-1950 годах 70 тысяч человек было репрессировано, из которых 29 тысяч были представителя-

ми интеллигенции. Причем эти цифры не охватывают тех, кто был сослан в Сибирь и Среднюю Азию.

Одним из первых изданий, посвящённых годам бесправия, бесчинств и произвола, стала книга «Правда и только правда», которая вышла в свет в 1991 году [201]. Этот сборник очерков – о тех сынах Азербайджана, с чьим именем связаны борьба за советскую власть и победу социализма в республике, но которые стали в тридцатые годы жертвами репрессий и сталинского культа. Читатели познакомились с ранее неизвестными страницами жизни выдающихся революционеров, партийных и государственных деятелей Азербайджана, а также мастеров культуры. Например, Чингизу Ильдрому посвящён очерк Л.Полонского «Последние дни Ильдрыма», заместителю наркома земледелия Мамеду Наибову – очерк А.Наибова «Метастазы страха», наркому финансов Али Мамедову – очерк Р.Мамедова «Хочу, чтобы он вернулся», Эюбу Ханбудагову – очерк Л.Полонского «Инакомыслие», Юсифу Касимову – очерк Л.Полонского «Возвращение», первому секретарю Касум-Исмаиловского райкома партии Мусе Шихиеву – очерк Л.Полонского «Живи и помни», А.Г.Караеву – очерк П.Джангирова «Правда о «Деле А.Г.Караева», актёру Аббасу Мирзе Шарифзаде – очерк Э.Алиевой и А.Шарифова «Трагедия великого трагика».

Очень интересен очерк «Пройдя все испытания (Из дневников А.Шахбазова)», так как это фактически исторические мемуары ответственного работника, пострадавшего от репрессий. Мемуары Алескера Шахбазова освещают механизмы проведённых репрессий, то, каким образом вырывались показания на допросах, пытки, условия жизни, тяжёлый каторжный труд в исправительно-трудовых лагерях за колючей проволокой и другие очень важные аспекты. Такие мемуары являются очень ценным источником знаний для нынешнего поколения людей, потому что долгие десятилетия власти пытались скрыть подлинную историю советского бесправия. Мемуары такого плана помогут будущим по-

колениям в постижении исторической правды о том советском периоде, когда параллельно со светлым созиданием и достижениями существовало разрушение личности, карьеры, семьи, менталитета народа, и террор достиг невероятных масштабов и неопишуемого уродства.

В книгу включены также очерки о тех сталинских сатрапах, которые, используя круговую поруку, на ответственных постах вершили судьбами азербайджанской элиты и организовывали кровавые бойни. Например, можно отметить очерк Л.Полонского о Багирове «Наместник вождя», очерк Л.Полонского о Сумбатове Топуридзе «Карьера палача». Составители сборника справедливо отмечают, что «короткой и крайне неустойчивой была «оттепель» шестидесятих годов, уступив место длительным «заморозкам» застойного периода. И, отмечая очередные даты, у нас перестали указывать обстоятельства смерти тех видных деятелей Коммунистической партии и Советского государства, которые являлись жертвами сталинского произвола, сталинских расправ. Замалчивались события, фальсифицировалась история». Завершались рассказы о реабилитированных деятелях партии и государства на мажорной ноте ...

«Хранить вечно» – такой гриф был обязателен на делах «врагов народа». Сталин и его приспешники надеялись, что новые поколения, наивные потомки примут листки допросов, фальсифицированные, выбитые пытками и издевательствами показания за чистую монету и оценят «классовую целесообразность» произведённых акций. Поэтому составители считают, что не должно быть «белых пятен» в истории, народ должен знать правду о пройденном пути в полном объёме, без умалчиваний и оговорок. Следует отметить, что эти очерки ранее печатались на страницах газеты «Бакинский рабочий» под рубрикой «Белые пятна нашей истории» и вызвали большой интерес и горячий отклик у читателей [201, сс.3,4,57].

В книге лауреата премии Золотое перо, журналиста, кандидата исторических наук Сабира Гянджали-Мамедова “İşıqlı ömürlər, kövrək talelər” [22] собраны документальные рассказы и историко-публицистические очерки, посвящённые азербайджанским женщинам-просветительницам и революционерам. Книга была издана в Баку в 1991 году и оказалась востребованной в обществе по той причине, что её персонажи прошли очень тернистый жизненный путь, полностью посвятив его развитию просвещения и культуры родного азербайджанского народа. Однако, несмотря на благородные цели и огромные заслуги этих женщин перед обществом и государством, многие из них подверглись незаконным преследованиям и репрессиям тридцатых годов XX века.

В книге были использованы архивные документы, факты, публикации периодической печати, воспоминания и интервью, писать и говорить о содержании которых ранее было запрещено. Книга была написана и опубликована в период гласности. В неё были включены редкие исторические фотографии. И, несмотря на то, что книга Сабира Гянджали носит публицистический характер, она представляет большой интерес для тех, кто интересуется историей репрессий тридцатых годов XX века.

Особый интерес представляет очерк об Айне Султановой и её близких родственниках “Böyük bir nəslin faciəsi” (стр.20-46), о Медине Киясбейли “Hətta kişilər sarsıldı, amma ...” (стр.80-95), об Аделе Шахтахтинской “Şaxtaxtinskilər ocağının nuru” (стр.95-106), о первой художнице Азербайджана Гейсар Кашиевой-Сеидбейли “Belə bir ailə vardı” (стр.137-151), о Марьям Байрамалибековой “Ülvi arzular, acı tale” (стр.151-182), о Санубар Эюбовой “Naqsızlıq ərşə də qalxsa ...” (стр.251-261).

Таким образом, первые исследования по истории большого террора появились в перестроечную эпоху. На страницах периодических изданий стали появляться статьи о

репрессированных личностях, имена которых давно были знакомы читателям. Однако читатели, хотя и знали, что эти личности погибли в 1937-1938 годах, но никогда доселе не читали об этом. Известно, что в ранее опубликованных биографиях государственных и партийных деятелей Азербайджанской ССР, да и всего СССР, факты освещались до 1937-1938 годов, но не указывалось, что человек пал жертвой сталинских репрессий. В учебниках по истории в советское время только вскользь упоминалось о «культе личности Сталина».

И только в перестроечную эпоху появилась возможность называть вещи своими именами. Советский народ узнал правду о кровавых событиях 30-х годов XX века.

В 1991 году, т.е. в последний год существования СССР, в ещё Советском Азербайджане были изданы несколько книг, осветивших трагедию тридцатых годов XX века. Впереди был процесс создания независимого Азербайджана после коллапса СССР и ещё большего возрастания интереса народа к истории. Проблема сталинской репрессии ожидала своего разрешения, в связи с чем её историография приобрела новые задачи и перспективы. Исследователей ждала большая работа.

4. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ИЗДАНИЯ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ (ДЕКАБРЬ 1991-1999 гг.)

В условиях создания государственной независимости Азербайджана необычайно возрос интерес народа к истории СССР в целом и, в особенности к тем её страницам, которые длительное время тщательно замалчивались. Одна из этих страниц – массовые репрессии 30-х – начала 50-х годов.

С приобретением независимости исторические архивы открыли доступ для исследователей. Историкам стали известны многие рассекреченные фонды. Появились издания, в которых читателям открывалась правда. Историки втянулись в дело ликвидации «белых пятен» в истории.

Проблема репрессий в достаточной мере стала изучаться после приобретения Азербайджаном независимости. В азербайджанской исторической литературе стало уделяться большое внимание освещению сложного и противоречивого периода тридцатых годов, когда в Советском Союзе во многих регионах, в том числе в Азербайджанской ССР, поднимались антисоветские восстания, а в ответ усиливались репрессии против инакомыслящих, действительных и ложно обвинённых, оклеветанных.

После восстановления государственной независимости Азербайджана в республике стали издаваться статьи, книги о репрессиях – самой страшной странице советской истории. Зачастую авторами этих изданий были сотрудники Министерства государственной безопасности. Их книги основаны на материалах архива Министерства Национальной Безопасности (в прошлом сначала Народного Комиссариата Внутренних Дел, а затем Комитета Государственной Безопасности). Это явление вселяет уверенность в том, что наша независимость крепка и вечна, а прошлое больше не вернётся назад.

После распада СССР и приобретения независимости в Азербайджане стали издавать труды деятелей Азербайджанской Республики (1918-1920). Например, книгу эмигрировавшего Мирзы Балы Мамедзаде, историка по образованию, «Milli Azərbaucan hərəkatı» в Баку издали в 1992 году. Автор писал о том, что после оккупации Азербайджана в апреле 1920 года начались репрессии против мусаватистов, а в 1937 году против них началась новая волна репрессий. Мусаватисты были обвинены в связях с троцкистами. «Выяснилось», что, оказывается, все высшие и средние учебные заведения, наркомпрос, творческие союзы, издательское управление, Азербайджанское отделение АН СССР, уездные отделы народного образования всецело были в руках мусаватистов и продавшихся им «национальных уклонистов». Поэтому карательные органы советской власти начали чистку в этих учреждениях. Султан Меджид Эфендизаде, Рухулла Ахундов, Таги Шахбази, Али Назим, Али Керим, Беюкага Талыблы, Зейналлы, проф. Гасанбеков, проф. Вели Хулуфлу, проф. Чобанзаде, проф. Демирчизаде и др. стояли, якобы, во главе движения «национальных уклонистов». Они хотели, якобы, оторвать Азербайджанскую ССР от СССР. Выдвигали лозунг «национальная культура и по содержанию, и по форме». Кроме того, они решили, якобы, проводить линию тюркизма в области национальной культуры, а также освободить Азербайджан от власти русского пролетариата. Без сомнения, они получали, якобы, директивы от Мусавата [66, s.169]. Таким образом, историк-эмигрант М.Б.Мамедзаде перечислил «грехи» азербайджанских интеллигентов.

Некоторые жертвы репрессий успели изложить свои печальные воспоминания на бумаге, которые представляют огромный интерес у современного читателя. Можно сказать, что мемуары, связанные с репрессиями тридцатых, превратились в достоверный исторический источник, из которого можно почерпнуть много полезных знаний о том

времени. К таким мемуарам относится книга Эюба Багирова «Kolımada aşı günlərim (Siyasi məhbusun xatirələri)», изданная в 1992 году через 20 лет после его смерти [8]. В тридцатых годах Эюб Багиров занимал должность начальника финансового отдела Бакинского Совета, был избран в члены Президиума Бакинского Совета и в Совет при Народном Комиссариате Финансов СССР. В декабре 1937 года органами НКВД он был обвинён в «участии в правой антисоветской организации», приговорен к 8-ми годам тюремных лагерей. Отбывал наказание в Колыме. В Азербайджан смог вернуться лишь в 1956 году после реабилитации, работал заместителем заведующего финансовым отделом Бакинского Совета. Умер в 1973 году. Книга охватывает 1939-1953 годы [8, с.3]. Автор в своих мемуарах рассказал, как Мир Джафар Багиров осенью 1937 года дал ему поручение проверить финансовую деятельность Арнольда Петровича Олина, председателя Бакинского Совета. К тому времени из состава Президиума Баксовета (11 человек) только два человека ещё не были арестованы, а 9 человек уже были репрессированы. После отчёта Багирову о проверке, которая не обнаружила серьёзных недостатков, сам Эюб Багиров по указанию Мир Джафара Багирова превратился во «врага народа» [8, с.7]. Что же касается А.П.Олина, то он был членом большевистской партии с 1918 года, работал постоянным представителем Закавказья в Совнарком, а с 1936 года работал председателем Баксовета. Олин был приговорён к расстрелу. Он был ложно обвинён в антисоветской деятельности, подрыве социалистической экономики и хозяйства [8, с.8]. Таким образом, в некоторых мемуарах можно найти не только сведения о репрессии авторов, но также о других репрессированных людях.

В книге Н.Магеррамова «Getsin gəlməsin» [57], изданной в 1992 году, описаны события в Азербайджане в период репрессий, оппозиционная позиция секретаря ЦК АКП(б) Эюба Ханбудагова к происходившему и его борьба против

ошибочной политики Сталина, судьба М.Дж.Багирова и его команды и другие важные факты. В своём исследовании Магеррамов Н. на фактах и документах показывает, что М.Дж.Багиров оперативно выполнял указания Москвы и даже перевыполнял спущенные Центром планы. В 1937 году в одном из отчётов в Москву указывалось, что в Азербайджане арестованы 32 секретаря райкома, 28 председателей райисполкома, 18 народных комиссаров и их заместителей, 66 инженеров, 8 профессоров, 88 военнослужащих. Автор Н.Магеррамов обвиняет в репрессиях Сталина и созданный им режим.

Следует отметить, что характерной чертой истории Азербайджана советского периода является то, что политические репрессии здесь начались сразу после оккупации Азербайджанской Республики со стороны РСФСР. После советской оккупации Азербайджана в 1920 году борьба против тоталитарного режима, однопартийной системы и политики русификации не останавливалась ни на минуту. Действующая в 1927-1929 годах организация молодых мусаватистов-учителей «Gənc Azər» проводила линию несогласия с существующим строем, воспитания молодёжи в духе антисоветизма и национализма, и, отрыва их от коммунистического влияния.

Об этом рассказывает небольшая по объёму брошюра “Gənc Azər” (İstintaq materialları üzrə) [21]. Эта книга основана на выявленных в фондах Архива общественно-политических документов Управления Делами при Президенте Азербайджанской Республики документах, которые к печати подготовил Бахтияр Рафиев, и фактически является сборником документов. Предисловие на страницах 3-6 тоже принадлежит его перу. В этом предисловии, которое представляет определённый интерес, автор указывает, что долгие годы вопросы о том, каково было положение в первое время после советизации Азербайджана, каково было отношение населения республики, и особенно интеллигенции, к

приходу XI Армии и установлению новых порядков, оставались без ответа. В советский период многие архивные документы запрещалось издавать, а начавшиеся с девяностых годов XX века демократические процессы внесли важные в это дело коррективы. Теперь секретные архивные документы стали доступны широким массам, перед которыми открылся новый мир – мир борьбы за азербайджанскую демократию. В одном приведённом в этом сборнике документе Аз. ГПУ говорилось о том, что деятельность нелегальной партии Мусават начинается со дня советизации Азербайджана, последствием чего явились восстания в Гяндже, Гарабахе и других местах. Только в 1928 году в Азербайджане произошли 16 рабочих стачек. Основная причина их – высокие цены на предметы первой необходимости. Рабочие справедливо возмущались: это что за рабочее правительство, если рабочие находятся в таком плачевном положении? Интеллигенцию, в отличие от рабочих и крестьян, больше интересовали не экономические требования, а политические вопросы. Главный удар интеллигенция направляла в сторону русификации. В изданных в книге документах Аз. ГПУ даже констатировалось, что объективно усилению тюркского национализма способствуют шовинистические устремления определённой части нетюркских интеллигентов (сопротивление тюркизации высших учебных заведений, безразличное отношение к тюркской культуре и т.д.). Большая часть учителей, являвшихся передовым отрядом интеллигенции, сознавала это и видела в воспитании у молодого поколения национального сознания и чувства патриотизма главную задачу для достижения истинной независимости. Б.Рафиев, опираясь на выявленные в архиве документы, пишет, что с этой целью они, выходя за пределы учебной программы, рассказывали на уроках о храбрости тюркских племён и их победоносных походах, о том, что природные богатства Азербайджана вывозятся за его пределы, читали стихи «контрреволюционных» поэтов Ахмеда

Джавада, Ильдрыма Алмасзаде и др. В результате такой «антисоветской» деятельности учителей в городах и сёлах Азербайджана во второй половине двадцатых годов начались создаваться маленькие тайные группы, объединяющие молодёжь. Несмотря на преследования, количество борцов, выступавших против советского строя, постепенно увеличивалось. По свидетельству архивных документов, в 1929 году карательными органами были арестованы 1142 сторонника Мусавата и 474 сторонника Иттихада. Одна часть их была сослана на Север, другая часть погибла. Борцы оставили потомкам вечную и светлую память! [21, сс.3-6].

В этом сборнике документов впервые изданы материалы по следственным делам, которые долгие десятилетия хранились под грифом «совершенно секретно». Это, например, подписанная председателем Аз.ГПУ Н.Ризаевым особая информация по делу организации молодых мусаватистов «Гәнс Азәр»: о работе «Мусавата» среди школьников, о создании организации «Гәнс Азәр», его целях и задачах, создании связей с Мусаватом, деятельность «Гәнс Азәр» в сфере агитации и связей с мусаватистами. В сборнике также изданы: письмо начальника секретного отдела АКП(б) Глебова председателю Азерб. ГПУ Н.Ризаеву от 28 мая 1929 г., в котором указываются директивы секретаря ЦК Мирзояна по очищению школ от «вражеских элементов», т.е. от тюркских учителей, связанных с Мусаватом, Информация председателя Аз.ГПУ Н.Ризаева Секретариату АКП(б) от 15 мая 1929 г., подписанная первым помощником председателя Аз.ГПУ Багировым и и.о.председателя Аз.ГПУ Агрбой, Сводка Аз.ГПУ о политическом положении Азербайджана (по сведениям с 1 января до 1 сентября 1929 г.).

В этих документах перечисляются имена учителей – националистов, которые прививали детям антисоветские идеи и пытались оторвать учащихся из-под влияния коммунистической партии. Это – преподаватель литературы Бакинского педагогического техникума Мамедзаки Дурсунза-

де, преподаватель литературы Атабаба Мусаханлы, преподаватель Бакинского педагогического техникума Нурмамед Шахсуваров, преподаватель Бакинского педагогического техникума Амин Амид, Насир Мамедов, библиотекарь Ма-медали Ализаде.

Следует отметить, что одним из первых азербайджанских историков, допущенных к работе с документами в архивах органов госбезопасности, был академик Зия Буниятов. С конца 1980-х годов он стал освещать в прессе материалы следствия по инкриминированным обвинениям многих деятелей науки и культуры. В 1993 году вышла его книга «Qırmızı terror», в которой были собраны все его статьи о репрессированных. Она стала очень популярной в республике.

Академик Зия Буниятов в книге «Qırmızı terror», опираясь на материалы архива МНБ (НКВД-КГБ), подробно рассказал о следственных делах и судебных процессах над военными, учёными, партийных и советскими работниками, деятелями искусства и др. Он указал, что за два с половиной года были расстреляны свыше 80 тысяч человек [10]. Академик Зия Буниятов считал, что цель чёрных сил, возглавлявших Советский Союз в 30-х годах XX века, была такова: уничтожить национальные кадры интеллигенции, в первую очередь известных ученых, мыслителей. Им нужно было уничтожить генофонд азербайджанского народа [10, s.88].

Из книги академика Зии Буниятова читатели узнали, что судебные заседания и чтение приговора в 1937-1938 гг. занимали всего-навсего 15 минут. Все приговоренные ложно обвинялись в подготовке антисоветского мятежа, контрреволюционной деятельности, попытке отторжения Азербайджанской ССР от СССР и превращения её в независимое государство, подготовке покушений на Берия, Багирова и других партийных и государственных деятелей [10, s.4,325].

Зия Буниятов подробно рассказал о многих жертвах кровавого террора. В период дефицита местных кадров в

тридцатых годах репрессии унесли жизни самых выдающихся деятелей науки, культуры, просвещения: директора и учителя Бакинского женского педагогического техникума (1920-1926 гг.) и преподавателя Азербайджанского Государственного Медицинского Института Медины ханум Гиясбейли [10, s.60,61], главного редактора журнала «Şərq qadını» Гюляры ханум Кадирбековой [10, s.67], видной пианистки и одной из организаторов Бакинской восточной консерватории Хадиджи ханум Гаировой [10, s.73], корифеев азербайджанской сцены Аббаса Мирзы Шарифзаде [10, s.216] и Улви Раджаба [10, s.228].

Кроме того, З.Бунятов подробно осветил факты о репрессированных азербайджанских учёных в количестве 23 человека: Ханафи Зейналлы, Бекир Чобанзаде, Бююкага Талыблы, Мамед Джуварлинский, Таги Шахбази, Юсиф Везир Чеменземинли и др. Также З.Бунятов рассказал о духовном лидере Кази Мир Мухаммедкерим Аге, главном механике Гянджинского прядильного комбината Ф.Сулейманове и 33 азербайджанских офицерах во главе с капитаном К.Саниевым.

Как известно, клеветнические обвинения были предъявлены и к Наркомпросу. В период массовых репрессий 1937-1939 годов, по сведениям академика З.Бунятова, были репрессированы 4 наркома просвещения и 2 заместителя [10, с.161].

По обнаруженным нами архивным данным, репрессии подверглись девять наркомов просвещения и семь заместителей наркомов, работавших на этом посту с 1920 по 1936 годы [120, л.111]. Наркомы и заместители наркомов: Дадаш Буниатзаде, Мустафа Кулиев, Максуд Мамедов, Гасан Рахманов, Махмуд Агаев, Мамед Джуварлинский, Мусеиб Шахбазов, Рухулла Ахундов, Панах Касимов, Айна Султанова, Таги Шахбази, Багадур Велибеков, Ибрагим Эминбейли. Все они внесли вклад в становление и развитие культурно-просветительной работы.

Зия Буниятов призывает не забывать, что кровавые репрессии против нашего народа продолжались и в сороковые – пятидесятые годы XX века [10, с.5].

В 1993 году была опубликована книга «Mir Cəfər Bağırovun məhkəməsi» [76]. Она посвящена судебному процессу над М.Дж.Багировым. Следует отметить, что в Азербайджане сохранились только два тома документов из многочисленных стенограммных судебных материалов, которые хранятся в архиве Министерства Национальной Безопасности Азербайджанской Республики. На основе этих двух томов и было подготовлено данное издание. В книге указывается, что Багиров лично приказывал своим подручным сфальсифицировать судебные дела в отношении невинных людей. Поэтому им приходилось искать ложные доказательства вины честных людей. Например, в целях обвинения колхозников в контрреволюционной деятельности, преступные сподручники Багирова тайно подбрасывали в их дворы и дома оружие, доказывая, таким образом, их участие в повстанческих организациях. Затем в домах этих колхозников производился обыск и «выявлялось» оружие, что давало основание для их ареста. Арестованных били, пытали и от них добивались ложных признаний в участии в контрреволюционных организациях. Такими преступными методами в Шамахе, Али Байрамлы, Исмаиллы, Сальяне и других районах Азербайджана были сфальсифицированы следственные дела в отношении сотен людей, большая часть которых была расстреляна. В книге также указывается, что в период Багирова были репрессированы ценные кадры нефтяной промышленности, Каспийского пароходства, сельских районов Азербайджана [76, сс.13,14].

В книге рассказывается о преступном прошлом М.Дж.Багирова, о его криминальных связях с Л.Берия, приводятся выступления свидетелей по делу Багирова, характеризующие диктатора, а также период проводимых репрессий.

Особенно в этой связи интересна та часть книги, которая освещает показания свидетелей на суде над Багировым, вошедшим не только в анналы истории, но и в память людей, живших в тот период. Многие люди, среди которых были и фанаты Багирова, и его ненавистники, на протяжении многих десятилетий пересказывали потомкам цитаты из речи обвиняемого Багирова. Однако следует отметить, что из рассказанного ими не всё относится к исторической правде. Анализируя показания свидетелей, можно прийти к выводу, что основная часть репрессированных людей стала жертвой по личным мотивам. Это те, кто когда-то в предшествующий период критиковал Багирова, и Багиров это не забыл. Другая часть стала жертвой по той причине, что владела информацией об отнюдь не “большевистском прошлом” Берии и Багирова. Уничтожив этих людей физически, Багиров смывал следы прошлого и в то же время удовлетворял чувство мести, которое у него “зашкаливало”. Среди репрессированных были также женщины, которые не ответили на ухаживания “власть предержащих”, в результате чего их дальнейшая жизнь была превращена в ад: они лишились любимого мужа, общения с детьми, имущества, свободы. Эти факты относятся не только к тридцатым годам, но и послевоенному периоду правления Багирова, который до разоблачения Берии оставался полновластным “хозяином” республики.

Кроме того, анализируя показания жертв и свидетелей, которые работали при Багирове в карательных органах, приходишь к выводу, что работа следователей состояла лишь в совершении пыток, истязаний и выбивании у обвиняемых заведомо ложных показаний на самого себя и целый список неугодных людей, составленный руководством республики и НКВД, а также фальсификации следственных дел и использовании полученных показаний для дальнейшей травли и уничтожения десятков тысяч других невинных людей из указанного списка.

В книге указано, что энкэвэдэшник Г.И.Падаров на суде свидетельствовал, что указания следователям о применении физических пыток исходили от самого Багирова [76, с.51]. Свидетель – энкэвэдэшник Чурашов В.И. свидетельствовал, что аресты тридцатых годов осуществлялись и основывались не на проверенных материалах, а, напротив, на непроверенных показаниях арестантов [76, с.59].

К арестованным применялись нещадные пытки и методы, запрещённые Законом: «метод стойки», когда в течение трёх дней допрашивали и не разрешали садиться, и в результате у допрашиваемого нарушалось кровообращение, ноги опухали, он терял сознание и падал [76, с.59]. Если во время допроса следователь не мог выбить ложные показания на невинных людей, которые ещё находились на свободе, в частности в том, что они являлись членами контрреволюционной, антисоветской организации, то этого следователя зачисляли в список «плохих» работников. Сумбатов собирал своих работников, критиковал таких следователей и требовал незаконным путём выбивать ложные свидетельства на как можно больше людей, бывших ещё на свободе, заведомо зачисляя их в списки «врагов народа». Пытки проводились по ночам, и арестантов, таким образом, лишали сна. При Сумбатове, Раеве и Маркаряне это было обычным явлением [76, сс.60-61].

Энкэвэдэшник П.В.Хентов дал свидетельские показания о том, что избивание арестованных входило в систему работы органов НКВД. Били арестованных начальник следственного отдела Раев, следователь Гвоздев, обладавший большой физической силой, особенной жестокостью отличались Борисов-Павлов, Цинман, Хорен Григорян и др. Арестованного Олега Павлова били так, что с боков и бёдер отваливались куски мышц [76, с.64]. Организатором этих преступных методов следствия был М.Дж.Багиров, который часто сам допрашивал арестованных. Если арестованные

меняли показания или отказывались их давать, Багиров говорил: «Значит, Вас мало били» [76, с.65].

Бывший председатель одного колхоза в Али-Байрамлинском районе А.М.Сафаров показал на суде, что его били до потери сознания, и в бессознательном состоянии следователи заставили его подписать протоколы дознания [76, с.70]. Ханларов, Гаврилов и Герасимов конвейерным методом заставили Сафарова держать «стойку» на пальцах ног с поднятыми руками в течение 8 дней. Это закончилось опуханием ног, и от страшных болей арестант упал на пол. Тут же они стали бить ногами арестанта, у которого впоследствии в течение двух недель не прекращалось внутреннее кровотечение. По словам арестанта, его лишили сна, сигарет, воды, он не мог двигаться, превратившись в живой труп. Его допрашивали в майке, Ханларов тушил сигарету на спине и шее узника. Ханларов присвоил золотые часы Сафарова, сказав: «часы тебе не пригодятся, тебя всё равно расстреляют» [76, с.70]. Гаврилов наганом ударил его по рту, выбив сразу 3 зуба, а дулом нагана разорвал верхнюю губу. Из-за травмы верхней челюсти скоро стали выпадать и другие зубы. В стенах карательного органа арестованный не мог доказать, что его пытали. Ему нагло объявили, что он сам упал с лестницы и сломал зубы [76, с.71].

В этой книге приводятся свидетельские показания и других сотрудников НКВД. Например, энкэвэдэшник Ф.Я.Горяев показал на суде над Багировым, что во время следствия избияния арестантов носили массовый характер. Каждый арестант, не считающий себя виновным, упорно настаивающий на том, что не является членом какой-либо контрреволюционной организации, подвергался избияниям. Говорит ли арестант правду или нет, не принималось во внимание. В результате жесточайшего обращения с арестантами многие из них, не выдержав пыток, подписывали протоколы, составленные следователями, и “признавались” в членстве в контрреволюционной организации. После

“признания” вины они указывали ещё на 40-50 человек, якобы, также состоявших в контрреволюционной организации [76, с.101]. Имена этих «участников» контрреволюционных организаций в протоколы следствия вносились самостоятельно следователями или следователи заставляли арестантов произносить их [76, с.102].

Сотрудница НКВД Е.А.Желтенкова свидетельствовала на суде над Багировым, что все следователи XI отдела, начальником которого был Х.Григорян, били арестантов по ночам, из всех кабинетов доносились рыдания и крики [76, с.102]. Она рассказала, как в 1938 году начальник 2-го отдела Кудин вызвал её в свой кабинет, где уже находились сотрудник Крюченков и арестантка, бывший работник Бакинского комитета партии Миркадырова. Кудин приказал Миркадыровой лечь на диван, а Желтенковой дал знак, чтобы она подняла платье Миркадыровой. Кудин стал наносить арестантке резиновой дубинкой удары по плечам, спине, бёдрам. От ударов у арестантки появились кровоподтёки и раны, она кричала и плакала, но Кудин не останавливался. Через 15 минут непрерывного избиения Миркадырова потеряла сознание. Но её привели в чувство, намочив лицо водой, и снова Кудин начал её бить. Во время избиения Желтенкова держала руки арестантки и сувала ей в рот тряпку [76, с.103].

На вопрос: «Какими средствами пыток пользовались, чтобы заставить арестантов дать клеветнические показания на себя и других?», Ф.Я.Горяев ответил так: «Для этого в отделах существовали специальные орудия. Например, у начальника отдела Григоряна был толстый ремень со специальной рукояткой. Длина ремня была 50-60 см, толщина – в два пальца. Использовали также линейки, тонкую трость, даже тросс для самолёта». Горяев рассказал о применении с согласия Григоряна метода «стойки» в целях получения от арестантов клеветнических показаний. Крюченков заставлял арестантов во время «стойки» ещё и делать приседания.

После 30-40 приседаний арестанты без сил падали на пол. Крюченков ругал их матерными словами и снова применял «стойку».

Горяев рассказал об одном моменте: в декабре 1937 года Григорян дал преступный приказ, по которому каждый следователь должен так составить дело, чтобы Сумбатов, а затем Раев причислили арестованного к «Первой категории», и Военная коллегия Верховного Совета или Военный трибунал приговорили арестанта к высшей мере наказания – расстрелу [76, с.104].

Виновность или невиновность арестанта не имели никакого практического значения. Главное было – признание самого арестанта на заседании суда в членстве в антисоветской организации, а для этого по указанию Григоряна следователи коварно убеждали арестанта в том, чтобы он в суде признался, и тогда ему будет гарантировано сохранение жизни. Если же откажется от своих показаний, то его расстреляют как «врага народа».

Военная коллегия ежедневно рассматривала дела 60-70 человек. Заседания проходили формально в условиях грубых преступных нарушений Закона [76, с.105]. Горяев показал также, что следователи ценились не по деловым качествам, политической и практической подготовке, способностью работать с агентурой, а по умению получать ложные показания от арестанта. Чем больше имён членов контрреволюционной организации называл арестант, тем больше хвалили следователя. Служебная характеристика следователя определялась количеством арестантов, приговорённых к расстрелу в период его работы. Чем больше выносилось смертных приговоров, тем более ценным кадром считался следователь [76, с.106].

Профессор Муртуз Садыхов (Садыхлы) выразил своё отношение к книге “Miq Səfər Vağırovun məhkəməsi” в статье «Процесс Багирова», которая была опубликована в газете «Литературный Азербайджан» в 1994 году. Он считал,

что в эту книгу включена очень небольшая часть материалов этого судебного процесса, которая не даёт полного представления о массовом терроре над невинными людьми Азербайджана, и это вина Министерства Национальной Безопасности Азербайджана, до сих пор не востребовавшего обратно в республику материалы, имеющие непосредственное отношение к истории нашего народа. М.Садыхов пишет, что весь материал «Дела №0043» тщательным образом в своё время был «подчищен», – ведь большевики умели скрывать следы своих злодеяний, они всегда готовы всяческие «изгибы» и «перегибы» свалить на отдельных людей, оправдав, таким образом, своих вождей и, шире, – систему, режим. Автор напомнил, что обвинён был в неоднократном применении пыток и расстрелян в 1938 году нарком внутренних дел в 1934-1936 годах Г.Г.Ягода. За те же «грехи» в 1940 году был расстрелян его преемник Н.И.Ежов, и то же самое позже повторили с В.С.Абакумовым – министром государственной безопасности СССР в 1946-1951 годах. Он был расстрелян в 1954 году. Словом, убирали «мавров», сделавших своё дело» [214, с.144].

Автор М.Садыхов подчёркивает, что в книге приводятся показания 12 чекистов-следователей, которые сообщили о фактах издевательств над арестованными, до каких не додумались ни фашисты, ни святая инквизиция, вообще не известные ранее в истории человечества. Автор сетует, что не прозвучали голоса свыше 300000 жертв репрессий, а в указанной книге приводятся свидетельские показания лишь 5-6 из них. Сами сотрудники ЦК КП Азербайджана говорили о 51, а несколько позже – о 72 тысячах репрессированных. Автор статьи говорит, что не мешало бы спросить у Багирова, где он был, когда в 1937 году его любимчик Маркарян составлял карту, на которой были обозначены все районы Азербайджана с указанием, сколько человек из каждого района следует арестовать, сколько – выслать. Всё шло по плану, а у нас перевыполняли план [214, с.145].

Автор статьи М.Садыхов делает обобщающий вывод, что «процесс 1956 года» и не ставил перед собой цели выявить подробности «красного террора» в Азербайджане, наказать палачей азербайджанского народа, ибо это просто было немислимо в тех условиях – ведь всё, что делалось по этой части, санкционировалось партией, Президиумом ЦК КПСС, «верными последователями Ленина, Сталина» Хрущёвым, Микояном, Маленковым, Молотовым, Кагановичем и другими палачами [214, с.146].

Муртуз Садыхлы осветил тяжёлую судьбу матери, жены, детей и внуков М.Э.Расулзаде в документальной повести «Трагедия семьи Расулзаде», опубликованной в журнале «Литературный Азербайджан» в рубрике «Страницы прошлого». Внук Мухаммедэмина Расулзаде Раис Азер оглы Расулзаде в феврале 1994 года написал, что о трагической судьбе их семьи написано немало, в т.ч. Муртузом Садыхлы, который хорошо знал эту семью с начала 1940-х годов. Сам Муртуз Садыхлы был жертвой репрессий 1937 года, жил в одном спецпоселении с отцом Раиса Азером в Кировском районе Талды-Курганской области Казахской ССР, он был учеником Азера в 1945-1946 учебном году. Раис Расулзаде считает, что автор М.Садыхлы хорошо знает обстановку, царившую в сталинских спецпоселениях, порядки, созданные там чекистами, и всё это нашло своё правдивое отражение в повести. Раис пишет: «М.Садыхлы впервые рассказал о нашей семье в 1989 году в своих воспоминаниях, опубликованных в журналах «Азербайджан» и «Литературный Азербайджан». Эти воспоминания позже вошли в его книгу «Ган яддашы» – «Память крови» (издана в 1991 году). Будучи в Баку, отец постоянно чувствовал внимание М.Садыхлы и его брата, полковника С.Садыхова – бывшего ученика моего отца в ссылке, доверял ему, делился с ним своими помыслами, воспоминаниями. Приведённые в повести на этот счёт сведения, факты не должны вызывать сомнения» [213, с.68].

В этой документальной повести рассказывается о том, что 1 ноября 1937 г. 8 человек – членов семьи М.Э.Расулзаде были арестованы. 8 ноября 1937 г. семьи М.Э.Расулзаде и его двоюродного брата М.А.Расулзаде были переправлены в Кировабад и помещены в центральную тюрьму города, т.к. баиловская тюрьма была переполнена. 27 ноября НКВД Азербайджанской ССР вынес решение о направлении этих семей на спецпоселение в Казахскую ССР. 15 января 1938 г. Расула (сын Мухаммедамина Расулзаде) расстреляли [213, сс.70-72]. Автор рассказывает, что пробыв 29 дней в пути, семьи прибыли в казахский аул Чулак Курган. В начале 1941 года оттуда выехали в Талды-Курганскую область, в свекловодческий совхоз, где большинство жителей составляли сосланные ранее их земляки из Нахчывана, Гарабаха, Гянджи – всего около 170 семей [213, сс.75,79]. Садыхлы приводит очень характерный факт: квартира Азер бея в 1937 году после ареста и высылки членов семьи М.Э.Расулзаде была передана армянской семье Аракеловых [213, с.82]. Автор М.Садыхлы подытоживает факты о трагической судьбе семьи М.Э.Расулзаде: 1) Сын Расул, 19 лет, расстрелян в 1938 г. 2) Жена Умбуль Бану, мать Марал ханум, дочь Лятифа, внучка Эвша погибли в ссылке. 3) Дочь Халида, её сын, внучка Сона пропали без вести. 4) Сын Азер бей после 56 лет вернулся на родину в гробу [213, с.84].

Учёный-литературовед, председатель комиссии «Видждан» (совесть) Муртуз Садыхлы в книге «Ответ тебе даст история ...», изданной в 1995 году, повествует о горькой судьбе репрессированных в разные годы и о трагедии азербайджанского народа в XX веке. Он описал геноцид азербайджанцев в цифрах, фактах, документах [211].

В предисловии, автором которого является писатель Анар, подчёркивается, что «нет, очевидно, на свете народа, который бы не страдал в тот или иной период своей истории. Азербайджанские тюрки – народ гордый, не склонный

к постоянным причитаниям о своей горькой доле. Наш народ не воспитывает в новых поколениях свой собственный имидж «многострадального». Он предпочитает переживать свою скорбную судьбу в душе, молча, стиснув зубы. Быть может, ещё и поэтому мир мало знает о продолжавшемся и в XX веке ... уничтожении целых пластов нашего народа». Анар говорит: «Я хотел бы, чтобы каждый, прочитавший эту книгу, понял бы и принял бы нашу боль – как свою» [211, сс.4,6].

Эта книга состоит из многочисленных исторических очерков, написанных доходчивым языком на основе архивных документов, материалов из интервью, цитат из художественных произведений и т.д.

Интересны все очерки. Однако, хотелось бы перечислить названия некоторых: «Коллективизация и террор» (стр.77-78), «Трагедия одного района. Балакен» (речь идёт о Кабахчелском восстании 1930 года) (стр.79-100), «Великий террор. 1937-1938» (стр.100-107), «Ахмед Джавад» (стр.107-108), «Любовь к жизни – М.Мушви́г» (стр.108), «Процесс Багирова» (стр.223-233).

Наше внимание привлёк очерк «Рассказ Валиды ханум» (стр.122-129). Валида ханым была женой расстрелянного 13 октября 1937 г. доцента Азербайджанского педагогического института Кулиева Ашрафа Кули оглы. Это рассказ об ужасах и мытарствах 23-хлетней женщины, оставшейся с двумя малолетними детьми после ареста летом 1937 года 29-летнего мужа. После расстрела мужа её тоже арестовали и отправили в лагерь далеко за пределы республики. Лагеря менялись, оставались тяжёлый рабский труд, разлука с детьми, тоска по Родине. Валида ханум назвала фамилии нескольких жён «врагов народа», которые были осуждены и вместе с ней прошли «лагеря смерти». Она назвала: 1.Баратзаде Лейлу (жена кандидата философских наук Абульфазы Бедалова). 2.Махмудзаде Ксению (жена критика и учёного Али Назима, после лагерей жила в Губе, искала

сына, не нашла, повесилась). З.Назарли Зивар (жена писателя Гаджибабы Назарли).

После встречи с Валидой ханум, автор книги М.Садыхлы встретился с Баратзаде Лейлой, которая подтвердила сказанное Валидой ханум. Она передала Садыхлы М. список жён «врагов народа», прошедших сталинские лагеря. Разумеется, тех, которых помнила. В списке 93 женщины. Под №63 значится Назарли Зивар ханум. Автор отмечает, что это краткий список по Баку, в него не вошли фамилии жён «врагов народа» из районов, а таких было сотни, тысячи [211, сс.124-127].

Профессор Муртуз Садыхлы сетует по поводу того, что «не так легко восстанавливать историческую справедливость, как говорят азербайджанцы, один сумасшедший бросил в колодец камень, тысячи умных не могут его вытащить...» [211, с.140].

Муртуз Садыхлы отметил, что политические репрессии в Азербайджанской ССР с 28 апреля 1920 г. до конца 1930-х годов в основном шли под лозунгом борьбы с мусаватистами и их идеологией [211, с.9]. С первых дней советской оккупации мусаватисты оказались в центре внимания карательных органов. Их расстреливали массами, заключали в лагеря. Первыми «жильцами» Соловецких лагерей в начале 1920-х годов были мусаватисты. Об их борьбе в лагерных условиях имеется немало свидетельств, например, как указывает автор, в повести известного русского писателя О.Волкова «Погружение во тьму» [211, с.39]. Садыхлы М. напоминает, что, по мнению историка Р.Медведева, в тридцатые годы в стране было репрессировано около 40 млн. граждан. В Азербайджане, по мнению проф. М.Садыхлы, – более 300 тысяч. Садыхлы приводит конкретные цифры по городам. Например, в Нухе были расстреляны 1300 человек, а в Загатале и Балакяне – свыше 500 человек [211, с.99].

Автор М.Садыхлы пишет, что к репрессированным на допросах применялись физические пытки, которые можно

сравнить только со средневековыми истязаниями со стороны Инквизиции. Интересен следующий факт, произошедший после разоблачения в стране культа личности Сталина. Историк Малян выступал по телевидению, и его узнал один из бывших «врагов народа», отсидевший срок. На следующий день он явился в прокуратуру и показал свои пальцы без ногтей, которые вырвал Малян, работавший в 1937 году следователем НКВД. Вскоре Малян сбежал с семьёй в Ростов [211, с.212].

Документальная повесть Муртуза Садыхлы «Память крови» была издана в 1995 году [212].

Это книжный вариант, перепечатанный с журнального. Автор говорит: «И когда мы говорим «30-е годы», то не следует понимать это как 10 календарных лет. Нет, «30-е годы» – это форма мышления, до конца не изжитая в отдельных проявлениях и в наши дни. Психологический климат тех лет ещё долго довлел над людьми, давал о себе знать, но теперь уже не в судьбах жертв культу личности, их оставалось к 50-м годам единицы, а в судьбах детей, внуков и даже правнуков. Память первых, судьбы вторых и третьих ещё долго не перестанут волновать тех, кому дорога правда о нашем прошлом, правда, которая нужна нам и сегодня для нравственного оздоровления» [212, с.5].

В главе «Кажется, фортуна улыбается» автор пишет о дальнейшей судьбе коменданта Юдина. «После смерти Сталина он притих, окончательно спился и внезапно скончался. «Лопнул он от водки», – говорили спецпереселенцы. Мальчишки постоянно оскверняли его могилу. Пошли жалобы, вмешалась милиция. Но все было безуспешно. Неуловимые мальчишки повторяли одно и то же. Поставили крест над могилой, но и крест выкинули – пусть, мол, лежит, как последний язычник, грешник, антихрист. Об этом «винтике» бериевского аппарата, человеку жестоком и коварном, до сих пор помнят бывшие спецпереселенцы, его имя иногда мелькает и в публикациях» [212, с.130].

М.Садыхлы повествует о трагедии, которая произошла в его семье. Всю семью превратили в спецпереселенцев. 17 лет семья прожила в Джетису (Семиречье), на границе с Китаем. От имени маленького мальчика, т.е. себя, автор повествует о спецпереселенцах 30-х годов.

Рассказ о жизни спецпереселенцев настолько эмоционален, вместе с тем, настолько искренний, что читатель ощущает себя в другом измерении; как будто ты тоже там, с этими людьми, страдаешь и выживаешь вместе с ними. В повести приводятся немало документальных материалов, извлечённых из архивов, а также дневники и переписка автора. В последней главе «Декорация меняется» автор признаётся, что написал эту книгу давно, но возвращался к ней на протяжении более чем тридцати лет и неоднократно перedelывал написанное [212, с.168].

Автор утверждает, что надо изжить в себе рабскую психологию, чтобы не повторилось увиденное, пережитое ... Речь идёт о трагедии в национальном масштабе [212, с.170].

«Что же, если кому-то нравится ярмо – это его личное дело. Ностальгия по сталинским временам. После того, что мы знаем о казарменном социализме Сталина и жертвах 30-40-х и начала 50-х годов, это уже явление труднообъяснимое, источник следует искать за пределами науки и смысла» [212, с.171].

В издании «Siyasi tarix» указано, что по делу Рухуллы Ахундова и Гамида Султанова к судебному процессу и наказанию были привлечены 1200 человек, в том числе 20 народных комиссаров, 34 председателя районного исполкома, 52 секретаря райкома, 8 профессоров, а по делу Азнефти – 3300 работников Управления Каспийского Пароходства, из которых 200 человек были руководящими работниками, а 19 человек – капитанами судов [91, с. 177; 7, с.385].

Как известно, вторым человеком после Сталина в СССР во времена «кровавого террора» был Лаврентий Берия, с именем которого связан последний этап политических ре-

прессий. Этой личности посвящены монографии, сборники документов, мемуары и др. Например, воспоминания о Л.Берии есть в мемуарах Наги бека Шейхзаманлы, эмигрировавшего государственного деятеля Азербайджанской Республики (1918-1920) [96]. В них он пишет о служебных взаимоотношениях с Берией, о деловых качествах молодого Берии, о характере и дальнейшей карьере этой личности.

Учёный-демограф Шукюров Керим в книге «Türk xalqları XVI-XX yüzilliklərdə: Say dinamikası (çar Rusiyası və Sovetlər İttifaqı üzrə)», изданной в 1997 году, показывает динамику численности азербайджанцев в 1926-1959 годах, основываясь на материалы переписей населения [97].

Автор пишет, что по данным переписи населения 1926 года азербайджанских тюрков числилось 1706,6 тысяч, т.е. уменьшилось на 289 тысяч по сравнению с 1914/1917 гг. Репрессия 1937 года также нанесла тяжёлый удар по азербайджанским тюркам. По некоторым подсчётам, в 1920-1941 годах людские потери в Азербайджанской ССР составляют 700 тыс. человек [97, с.12].

Автор затронул и другие тюркские народы. В 1926 году в СССР было зарегистрировано 160 наций и народностей, в 1939 г. – уже 62. Такое сокращение произошло за счёт тюркских народов. При следующих переписях населения (1959, 1970, 1979 и 1989 гг.) уже насчитали 97-101 наций и народов. По переписи 1989 г. зарегистрировали 26 тюркских народов, и таким образом, в 1926-1989 гг. количество тюркских народов снизилось от 50-ти до 26. Учёный Шукюров К. объясняет, что такое положение связано с политическими причинами, нежели естественно-историческими процессами [97, с.8].

Автор показывает, что азербайджанцев в 1897 г. было 1475,6 тыс., а в 1914-1917 гг. – 1995,6 тыс. [97, с.29].

Динамика численности азербайджанцев [97, с.44].

Количество:

1926 г. – 1706,6

1937 г. – 2134,3
1939 г. – 2275,7
1959 г. – 2939,9

Увеличение, уменьшение (–), в %-тах
1926-1937 гг. – 25,1
1937-1939 гг. – 6,6
1926-1939 гг. – 33,3
1939-1959 гг. – 29,2

В монографии М.Джафарова «Немцы в Азербайджане», которая была издана в 1997 году, впервые на основе конкретно-исторических материалов обнаружены имена, фотографии граждан немецкой национальности, подвергшихся репрессиям в сталинские годы [144, с.29].

Автор пишет, что желание немцев переселиться в Германию расценивалось властями как антисоветская деятельность. В колониях были произведены аресты десятков граждан, которые были высланы в лагеря НКВД [144, с.34]. В 1937-1941 гг. среди немецкого населения были «изъяты» сотни образованных, интеллигентных, грамотных людей [144, с.35]. Репрессиям подвергалось не только гражданское население, но и названия немецких населённых пунктов, улиц, религиозных сооружений, объектов культурно-бытового назначения [144, с.35]. В 1940 году из Еленендорфа число арестованных доходило до 10% немецкого населения [144, с.33]. Массовость арестов была доведена до того, что к 1940 году в колониях сложилась ситуация, когда следователи НКВД не могли допросить в качестве свидетелей лиц, проходивших по делу, ввиду их высылки в лагеря [144, с.37].

С 1938 года, как пишет М.Ш.Джафаров, начинается процесс переселения в Еленендорф и Анненфельд армян. Чем больше арестовывалось немцев, тем больше освобождались дома, в которые вселяли армянские семьи [144, с.30].

Репрессированная часть населения колоний, которая решениями Особых Совецаний были заключены под стражу, сроком от 5 до 10 лет и высланы из Азербайджана, в основном умерли в лагерях НКВД: Астраханлаг, Бадымлилаг, Карлаг, Печерлаг, Севурлаг, Темлаг и др. [144, с.42]. А 20-тысячное население колоний в октябре 1941 года было депортировано в Сибирь, Казахстан и среднеазиатские республики [144, с.43].

В 1998 году вышла ещё одна книга М.Джафарли (Джафаров), посвящённая судьбам азербайджанских немцев в годы террора. Она называется «Политический террор и судьбы азербайджанских немцев» [142].

Как известно, в начале XIX в. из Германии в Азербайджан переселились много немцев, которые создали свои немецкие колонии. В сталинские годы они тоже подверглись репрессиям.

В книге на основе архивных документов освещается проводившаяся советской властью в тридцатые годы XX века кампания физического истребления мирного гражданского населения, принадлежавшего к немецкому этносу. Эта кампания проводилась под лозунгом борьбы с «антисоветскими элементами», «агентами германской разведки».

Автор горько признаётся в том, что «исследование архивных материалов позволило мне не только почувствовать степень позитивного влияния немецких колоний на общественно-политическую и экономическую жизнь Азербайджана, но и осознать весь трагизм народа, ставшего жертвой советской репрессивной машины» [142, с.12].

В книге есть специальный раздел – Приложение, в котором помещены биографические данные о немцах, проживавших в Азербайджане до депортации в 1941 году. Благодаря этим данным, люди сегодня смогут узнать о судьбе своего близкого и родного человека, о котором не было известий несколько десятилетий.

Автор обнаруживает имена и фамилии, а также фотографии граждан немецкой национальности, пострадавших в годы большого террора. В книге дан даже список этих людей.

В книге 3 главы. К нашему исследованию имеют прямое отношение глава II и глава III. Вторая глава называется «Террор и методы его осуществления» (на страницах 67-118). Здесь освещаются репрессии, армянский фактор в карательной политике властей, эмиграционные настроения среди немцев-колонистов, государственный грабёж личного имущества немецких семей, поиски родных, т.к. связь с родными прекращалась в день ареста, а также рассказывается о сотрудниках ГПУ-НКВД.

В начале 30-х годов немцы были против коллективизации, и за это их арестовывали. Так, например, Цоллер Фридрих Давыдович в 1930 году за активное выступление против коллективизации был подвергнут аресту органами ГПУ. Состоял членом колхоза «Совет Штерн» колонии Траубенфельд [142, с.285].

В дальнейшем причины арестов стали расширяться.

Автор, ссылаясь на отчёт НКВД Азербайджанской ССР за 1935 год, пишет, что в 1935 году число репрессированных немцев достигло 381 человек, которые были подразделены на группы: По Газахской, Траубенфельдской резидентурам и 6 ликвидированным фашистским группам – 35 чел., фашистский актив в Баку и колониях (одиночки) – 9 чел., церковники (пасторы) – 2 чел., по «гитлеровской помощи» – 9 чел., изъятие кулачества (с семьями) – 273 чел., по делу «Конкордия» – 49 чел., по агентуре «Гестапо» – 4 чел. [142, с.71].

Автор приводит весь текст письма о засилии армян в Шамхорском районе, которое составили немцы в 1940 году с присущей им точностью и отправили М.Дж.Багирову. Вывод социологического анализа ситуации в районе был следующим: армяне, составлявшие около 10% населения Шамхорского района, занимали 90% руководящих должностей

различных учреждений [142, сс.78-81]. Автор констатирует, что, анализируя причины переселенческих настроений в немецких колониях, получивших массовый характер в 1940 г., органы НКВД среди ряда факторов признавали и агрессивное отношение к ним со стороны армян [142, с.82].

Третья глава называется «Азербайджанцы, имевшие связь с Германией, перед судом НКВД» (на страницах 119-155). Здесь описывается судьба студентов из Азербайджана, которые учились в Германии. Автор, таким образом, проследил связь между «колонией» азербайджанцев, обучавшихся в университетских центрах Германии, и историей немецких колоний в Азербайджане [142, с.7].

Автор приводит высказывания немцев, за которые они расплатились свободой и даже жизнью. Об этих немцах Джафарли даёт информацию. Например, Вухрер Готлоб Готлобович (родился в 1878 году в немецкой колонии Еленендорф) в 1938 году был арестован органами НКВД за то, что «утверждал, что советская власть арестовывает невинных людей, выступал против колхозного строя» и т.д. В уголовном деле хранится документ о сказанном им в своё время, и за что он пострадал. Эти его слова стали пророческими: «Газеты день за днём поднимают всё больше шума о якобы весёлой, радостной, культурной и зажиточной жизни граждан СССР. Однако эта весёлая жизнь заключается в том, что ею пользуется лишь незначительный процент населения, т.е. верхушка. Большинство же ещё хуже, чем в старое время нищенствует. Какая это может быть весёлая жизнь, к примеру у колхозников «Коминтерна», когда они своими доходами еле покрывают потребности в жизни, а на работу выходят босыми и голодными ... Это всё ложь, что якобы за границей, в Германии, например, население нуждается. Я глубоко убеждён в том, что очень скоро мы убедимся, что население Германии живёт гораздо лучше, радостнее». Решением заседания Тройки от 15 марта 1938 г. приговорён к расстрелу с конфискацией имущества. В ночь с 1

на 2 апреля 1938 г. приговор был приведён в исполнение [142, сс.190-191].

Другой представитель этой фамилии Вухрер Отто Иоганнесович, счетовод по профессии, работал в акционерных обществах, впервые был арестован в 1935 году и осуждён к 4 годам лишения свободы. Второй раз был арестован 24 июня 1941 г. Он обвинялся в том, что «разъезжая по немецким колониям Азербайджана распространял контрреволюционные слухи пораженческого характера в отношении СССР». В июне 1941 года заявлял, что «азербайджанское население Грузии, после договора Германии с Турцией надеется на войну Германии с СССР, где азербайджанцы обретут свободу от русской оккупации». За антисоветскую агитацию решением Особого Совещания при НКВД СССР был заключён в ИТХ сроком на 10 лет. Реабилитирован в 1959 году [142, с.192].

Некоторые немцы были арестованы за прослушивание немецкого радио. Голох Рейнгольд Готлобович родился в 1901 году в Еленендорфе. До ареста 13 октября 1941 года работал в колхозе им.Тельмана. За прослушивание радиопередач из Германии в довоенный период решением Особого Совещания НКВД от 14 февраля 1942 г. заключён в ИТЛ сроком на 5 лет. 4 сентября 1942 г. этапирован на ст.Бадымлик Куйбышевской железной дороги в распоряжение начальника Бадымлилага НКВД [142, с.199].

Большой интерес представляет история Меслера Петра Иосифовича. Он родился в 1911 году в Поволжье. Его отец владел крупным хозяйством и ветряной мельницей. В 1929 году его семья была арестована, раскулачена и сослана за пределы Республики Немцев Поволжья. В 1930 году сбежав с мест ссылки, переехал с отцом в Баку и работал товарным оператором нефтеперегонного завода им.Сталина. Во время ареста ему было предъявлено обвинение в том, что во время высылки, в 1930 году, находясь на польской границе, направил оттуда письмо в США своему родственнику. При-

ведём фрагменты из письма: «Может Вы хотите услышать новости о России. Я мог бы многое написать, но писать о многом не разрешено... Коммунисты уничтожали кирху и веру, а я был против этого. Поэтому выпустил листовки под названием «Католический союз». Моё общество было предано, а я как руководитель арестован. В России религия преследуется, печаль и горе. Кирхи отдаются под кинотеатры, священников арестовывают и отсылают в Соловки, на Урал. Всё наше имущество конфисковали. Мы остались без ничего. Я решил жить и умереть за учение божье. Коммунисты спрашивали меня: «Веришь ты в Бога или нет?» Я ответил «Да». Ну, говорят они: «мы тебя пошлём туда, где ты его забудешь». Автор письма был арестован 24 ноября 1937 г. Осуждён решением Тройки НКВД от 2 декабря 1937 г. сроком на 10 лет лишения свободы. В 1938 году был этапирован из Азербайджана в распоряжение Управления Беломорско-Балтийского лагеря НКВД СССР. Реабилитирован в январе 1960 года [142, сс.245,246].

Представители немецкого населения лишались свободы за агитацию переселения в Германию. Например, Фольмер Альберт Альбертович (родился в 1910 году в Еленендорфе) был арестован 27 марта 1941 г., как сторонник переселения азербайджанских немцев в Германию. Приговорён к 10 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1990 году [142, с.263].

Также Фольмер Георг Готлобович (родился в 1912 году в Еленендорфе, до ареста работал водителем в Райфинотделе Ханларского района) был арестован 24 апреля 1941 г., как сторонник переселения азербайджанских немцев в Германию. Приговорён к 8 годам лишения свободы. Реабилитирован в 1990 году [142, с.264].

Счетовод в Азсовхозтресте Фрик Вальтер Густавович в апреле 1941 г. как сторонник переселения азербайджанских немцев в Германию был арестован. Приговорен к 8 годам лишения свободы [142, с.274].

М.Джафарлы в своей работе приводит материалы допросов. Например, рабочий склада Азсовхозтреста в Баку, немец по происхождению (род. в 1899 году в Гяндже) Фреер Вальтер Эрнстович, арестованный в июне 1941 года, после почти ежедневных допросов признаёт себя виновным, что его антисоветские высказывания выражались в следующем: «Мною было сказано, что я с семьёй живу очень плохо и чуть не голодаем и если бы не семья, то я давно выехал бы в Германию. Мой брат и отец, высланные из СССР в Германию, находятся в лучших условиях, чем я в СССР». 3 октября 1941 г. Особое Совецание при НКВД СССР постановляет: «Фреера Вальтера Эрнстовича за антисоветскую агитацию и как социально-опасный элемент заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет». 31 декабря 1941 г. Фреер В.Э. был этапирован на ст.Тавда железной дороги им Кагановича в распоряжение Севурлага НКВД СССР [142, с.273]. Таким образом, из этих материалов читатели узнают, почему немцы были недовольны своей жизнью и хотели переселиться на свою историческую родину – Германию.

М.Джафарлы в этой книге приводит тексты писем от немцев, живущих в разных городах и странах. В одном из писем из Узбекистана респондента Филиппова Павла Петровича говорится: «Моими любимыми учителями в Еленендорфе были Тиц Гельмут и Якоб Гуммель. Последний был директором школы, страстный археолог, им написаны много научных трудов, организатор музея о немцах в Азербайджане. Я был его помощником. Умер в 1942 году на холодной русской печи от голода и холода в Кулунде (Казахстан)» [142, с.296].

Хотелось бы подробнее рассказать об учителе-немце Целинском Эрихе Юльевиче. Он родился и до Первой мировой войны проживал в Эстонии, где занимался педагогической деятельностью. Окончил богословский факультет в Германии. Переехал по приглашению пастора фон Энгель-

гарт в Еленендорф. Входил в состав Национального Комитета в Еленендорфе. С 1919 года работал директором школы в Еленендорфе. После установления советской власти в Азербайджане принимал активное участие в огорожении школы от советской идеологии, снабжении немецких школ учебниками из Германии, добивается разрешения Министерства просвещения Германии на приём в германские вузы немецких колонистов из Азербайджана без вступительных экзаменов. В конце 1924 года ушёл с должности директора Еленендорфской школы и продолжал работать учителем немецкого языка. Одновременно заведует Еленендорфской библиотекой, пополняя её книгами немецких классиков, а также о родном языке, истории Германии. Эти книги он получал из Германии. В 1927 году по просьбе немецкого историка Георга Лейбранта, направил ему в Германию материалы об истории немецких колоний Азербайджана.

Являлся непримиримым идейным противником советской власти. И не скрывал свои взгляды даже во время допросов в органах ГПУ в 1927 и 1931 годах. М.Джафарли в своей книге «Политический террор и судьбы азербайджанских немцев» приводит выдержки из его показаний в стенах ГПУ: «Я считаю, что при советской власти демократия не существует, а свобода ограничена. Считаю также, что советское правительство допустило ошибку, запретив существование в СССР других политических партий, кроме компартии», «Дело народного образования поставлено также неправильно, т.к. в высшие учебные заведения поступают неспособные дети, а способным туда доступа нет», «Классовое разделение и борьбу с кулацким буржуазным классом считаю ошибочной, т.к. это мероприятие парализует хозяйственную жизнь страны. Я считаю, что мирное сотрудничество классов возможно». Целинский был арестован органами ГПУ в 1931 году [142, сс.281,282].

Мамед Джафаров (Джафарлы) в статье «Возвращение на Родину» пишет об истории отправки студентов-

азербайджанцев в зарубежные вузы (10 человек в Турцию, 20-Италию, 20-Францию и 50-Германию) [143]. Как указывает автор, это стало трагической вехой в судьбе многих азербайджанцев, учившихся в вузах Германии, которых отправляла на учёбу Азербайджанская Республика (1918-1920). Окончив обучение, многие выходцы из Азербайджана принимают решение вернуться на Родину. Специалисты возвращаются в совершенно другую страну. Страну, где нет элементарных устоев демократии, где каждый год проходят процессы по разоблачению «врагов народа», где крестьян насильно загоняют в колхозы, горожан «кормят» коммунистическими лозунгами. В таких условиях начинается трудовая деятельность этих специалистов. Автор указывает, что на родине они продолжают встречаться, обмениваться своими радостями и неудачами. Со временем происходит процесс, когда люди, выехавшие из независимого Азербайджана и прожившие 5-10 лет в Германии, сравнивая капиталистические способы хозяйствования с советскими, приходят к мысли о необходимости пассивной или активной борьбы с существующим строем. Автор статьи подчёркивает, что благодаря своей работе и знаниям они достигают больших успехов на трудовом поприще: становятся директорами заводов, руководителями нефтяных промыслов, руководящими работниками. Среди них были и удостоенные правительственных наград, вплоть до ордена Ленина. Многие из них, пишет автор статьи, в 30-х годах были арестованы органами ГПУ-НКВД как германские «шпионы» и сторонники восстановления политической независимости Азербайджана. Автор даёт сведения о Юсуфе Агасибейли, Ашрафе Алиеве, Теймуре Асланове, Самандаре Ахундове, Бахраме Гусейнзаде, Асильдаре Муганлы, Махише Сафарове, Али Рзе Атаеве, Искендербеке Султанове.

Автор указывает, что даже маленькая и незначительная, казалось бы, деталь в биографии или общении могла служить поводом для ареста и обвинения в шпионаже. Он при-

водит характерный факт. На квартире Асильдара Муганлы была проведена вечеринка выпускников германских вузов. Наряду с азербайджанскими песнями, они распевали и немецкие, вспоминая свои студенческие годы. Их пение было расценено как преступное деяние. Во время допроса на заявление следователя НКВД, что органам известно о том, что на квартире Муганлы распевались песни на немецком языке, Сафаров Махиш отвечал: «Да, иногда мы пели немецкие песни, но они были не политического содержания».

Вызывает интерес заключение, к которому приходит автор статьи М.Джафаров. Он пишет об обвинительном деле председателя Госплана Азербайджанской ССР Аскере Мамед оглы Фараджаде, о деятельности Азербайджанской Национальной партии, Азербайджанского Национального Центра, о Повстанческом движении. При этом автор ставит много вопросов перед германскими архивами с целью выявить, действительно ли это было в реальности или нет? Автор приходит к итогу. Да, в Азербайджане в этот период сложилась ситуация, когда руководство СССР и их пособники на местах истребляли нашу нацию. Людей обвиняли в разных грехах, шпионаже, вредительстве, антиколхозной агитации, антисоветизации (тех, кто выступал за свободный образ жизни). Но, наряду с этим, необходимо констатировать, что были сотни людей, которые в действительности выступали за свободу и независимость Азербайджана. Среди них были выпускники вузов Германии [143].

Профессор Джалал Гасымов – один из самых видных исследователей темы репрессий 1937 года.

В книге Джалала Абил оглу Гасымова «Əsrin qiyamət çağı», изданной в 1997 году, повествуется о трагической судьбе трёх великих личностей и членов их семей: Гусейна Джавида, Ахмеда Джавада и Микаила Мушфига. Они оставили глубокий след в истории культуры, в литературе и по-

эзии Азербайджана. Эти любимые народом поэты стали жертвой массового террора [44].

В том же 1997 году была издана книга Дж.Гасымова «Yaddaşın repressiyası» о Салмане Мумтазе, выдающемся учёном и неустанном коллекционере образцов духовной культуры (рукописи, редкие книги и т.д.) азербайджанского народа для передачи их будущим поколениям. Автор освещает не только факты из жизни учёного, причины его преследования и репрессии, но также на основе собранных материалов из различных архивов исследует судьбу бесценной коллекции [50].

В 1998 году увидела свет очередная книга Дж.Гасымова «Repressiyadan deportasiyaya dođru» [46]. Автор пишет, что уже 29 апреля 1920 г. была создана Азербайджанская Чрезвычайная Комиссия. Основной задачей чекистов было: «интересоваться лицами, которые занимались деятельностью в различных политических партиях и организациях в период Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.), определить их отношение к большевикам и советизации и создать в стране стабильность». А это завершалось расстрелом должностных лиц и членов их семей [46, сс.155-156]. Большевики пытались «похоронить» независимую Азербайджанскую Республику и стереть с памяти азербайджанского народа этот период истории. Этот процесс претворялся в жизнь различными путями, одним из которых было уничтожение патриотически настроенной национальной интеллигенции Азербайджана, самых выдающихся деятелей просвещения и культуры [46, с.197].

В этой книге Дж.Гасымов указывает, что творческую интеллигенцию в 1920-е годы после советской оккупации Азербайджана арестовывали, проводили с ними «разъяснительную работу», «перевоспитывали» и выпускали на волю. Например, А.Джавад арестовывался 2 раза, Дж.Джаббарлы – 1 раз, Г.Санлылы – 4 раза, О.Ф.Неманзаде – 2 раза, А.Р.Шамчизаде – 1 раз, С.Гусейн – 1 раз и т.д. [46, с.86]. В

1930-х годах также происходили повторные аресты, например в 1933 году был снова арестован О.Ф.Неманзаде [46, сс.151-152].

Автор в этой книге указывает, что с 1 января 1934 г. до 1 января 1939 года со стороны НКВД Азербайджанской ССР было расстреляно 27.458 человек [46, с.157].

Автор утверждает, что в 1930 годы всё, что было с «тюркским ароматом» подвергалось остракизму. Цель у большевиков была очевидной: заставить забыть понятие «тюркизм» и всё, что связано с тюркским [46, с.176]. Большевики и армяне искажали идею «тюркизма» и создавали образ врага в лице Турции. В Советском Союзе шла агитация против Турции, в сознании тюркских народов пытались выработать ничем не обоснованную ненависть к Турции. В частности, идеологи пытались заставить азербайджанцев забыть о своих тюркских корнях [46, с.254].

В этой книге Дж.Гасымов рассказал также о деятеле просвещения Музнибе – Алиаббасе Муталиб оглы Ахмедове, который был репрессирован в годы массового террора. 19 мая 1937 г. на следствии Музниб заявил, что в Советском Союзе нет свободы слова и печати, настоящая свобода слова и печати были в период Мусавата. Таким образом, якобы, Музниб клеветал на коммунистическую партию, советское правительство и сталинскую конституцию [46, сс.163-164]. Музниб, якобы, вел антибольшевистскую работу, в своих произведениях порочил 26 бакинских комиссаров и особенно Шаумяна, приветствовал приход турецких войск в Баку и называл их спасителями азербайджанского народа [46, с.169]. После советизации он оставался на пантюркистских и панисламистских позициях, за что был сослан в Сибирь. Погиб в 1938 году в спецлагере во Владивостоке [46, с.171].

В 1999 году вышла книга Дж.Гасымова «Yaddaşın bərpası». Автор осветил многие проблемы: о терроре, «тройках», культе личности Сталина, рассказал о подручных Сталина – Ежове, Емельянове, Берии и Багирове. Автор

также подробно исследовал моральное и практическое сопротивление этому режиму, которые проявлялись в жизни, искусстве и литературе. Основываясь на фактические документы, исследователь анализировал существующую в течение 70-ти лет «управляемую сверху историю» и дал научную оценку биографии руководителя всей этой истории – «человека в сапогах и с ружьём в руках» [49].

Исследование Фарруха Рустамова «Azərbaycanda pedaqoji elm: təşəkkülü, inkişafı və problemləri (1920-1991-ci illər)», изданное в Баку в 1998 году, посвящено развитию педагогической науки, её проблемам в Азербайджане в советские годы [85]. Достоинством работы, по нашему мнению, является то, что в ней впервые анализировано большинство трудов подвергшихся репрессиям авторов. Особенно пристальное внимание Ф.Рустамова было уделено педагогическим исследованиям и заслугам в развитии азербайджанской педагогики Б.Комаровского, Халила Фикрета, Абдуллабека Эфендизаде, Салеха Халилова, Микаила Рагимли и др. Это расценивается не только как признак уважения автора к наследию забытых учёных-педагогов, но и как желание создать целостную историю педагогики, восполнить пробелы, образованные в науке ввиду трагических событий тридцатых годов. Страницы 32-52 указанного исследования посвящены деформации методологических принципов в 1930-1956 годах и развитию педагогики в последующие годы. Автор указал на то, что на разоблачительных собраниях и митингах учителя, приглашённые в Азербайджан из Турции, – Халил Фикрет, Ахмед Джевдет, М.Хикмет, М.Тофиг, И.Хикмет, Мухиддин, Н.Исмет, Х.Махбуба были обвинены в пантюркизме, панисламизме и пропаганде камализма. Некоторые азербайджанские педагоги, например М.Рагимли, М.Кулиев в годы репрессии были физически уничтожены. В результате деформации методологических принципов в педагогике был ликвидирован ряд

нормативных актов Наркомпроса, способствовавших демократизации педагогического творчества [85, с.36].

Автор говорит о том, что в тридцатые годы были забыты социологические, педагогические, психологические исследования, проведённые в 1920-х годах. Деформации подверглись такие качества воспитания, как демократичность, гуманизм, народность, а руководящая роль политики стала определять основные направления практической деятельности. Образ Сталина, его жизнь, автобиография стали считаться главным средством воспитания подрастающего поколения [85, сс.38,39]. В тридцатые годы стали хвалить сомнительный и неприемлемый с точки зрения морали поступок Павлика Морозова, который предательски донёс на своего родного отца. В пример ставились за политическую бдительность те школьники, которые на своих дедушек и бабушек, совершавших религиозные обряды, доносили в пионерскую и комсомольскую организации. На школьной жизни негативно отражались проходившие по всей стране суды над врагами народа, в учебных заведениях распространялась взаимная подозрительность и жестокость. Доносы друг на друга не только стали считаться нормальным положением, но даже приравнивались к верности компартии и патриотизму [85, с.40].

Автор Ф.Рустамов утверждает, что в 1930-1950-е годы произошли искривления и деформации методологических принципов педагогики. Несмотря на то, что в двадцатых – начале тридцатых в учебных заведениях использовались успехи педологии и результаты исследований в этой области, но во второй половине 1930-х годов постановлением ЦК ВКП(б) от 4 июня 1936 г. педология была объявлена «буржуазной наукой», ликвидирована и, точнее, репрессирована. В этом постановлении было показано, что теория и практика педологии основаны на псевдонауке и антимарксизме. Главное положение педологии о зависимости судьбы детей от биологических и общественных факторов, расовой

принадлежности и среды было объявлено реакционным. Это положение, якобы, полностью противоречило марксизму и практике социалистического строительства, благодаря которым люди успешно перевоспитывались в духе социализма, а в сознании людей уничтожались остатки капитализма. В постановлении было выдвинуто требование организовать критику и изъять изданную педологическую литературу и учебники, например, учебник А.О.Маковельского «Педология» (1930), учебник «Педология» в двух частях (1935), учебник Г.А.Фортуновой и М.В.Соколова «Педология» (1936). Так, критике подверглись и полезные для школы положения репрессированной педологической науки. Было запрещено использование фундаментальных научных исследований А.О.Маковельского и Б.Б.Комаровского, которые составляли теоретическую научную базу. В тридцатые годы был положен конец изучению многих научных тем и фундаментальных проблем, например, личность и среда, развитие ребёнка, школа и общество. Критиковался тестовый метод. Из педагогических исследований удалялись социологические анализы и статистические методы. В практической работе разрешалось только проведение педагогического эксперимента. Наука о воспитании стала ограничиваться рамками школьной педагогики. Проблемы социальной педагогики, философия воспитания отошли на задний план, а в скором времени вообще были забыты. Автор этой книги утверждает, что в результате деформации принципа научности педагогическая наука, также как и общественные науки, в тридцатых годах была подчинена политике и идеологии [85, сс.42,43].

Одним из самых плодотворно работающих исследователей темы сталинских репрессий является писатель-журналист Эльшад Годжа оглы Исаев. Из-под его пера вышло несколько научно-публицистических книг о репрессиях тридцатых годов XX века. Так, например, в 1999 году была издана книга «Сəllad etirafı» (Признание палача) [14]. Эта

книга написана на основе следственных материалов. Автор создал портреты-очерки о сфабрикованных «следственных делах» на выдающиеся личности Азербайджана, известные фамилии и роды, которые оказались жертвами большого террора. Факты, изложенные в этой книге, доказывают, что цель новой власти состояла в уничтожении национального сознания и национальной памяти [14, с.7]. Коммунистическая верхушка страны понимала, что пока носители этого сознания и памяти живут среди народа, уничтожить национальное сознание и память будет невозможно. Невозможно будет остановить пыл у желающих бороться за независимость Азербайджана. Поэтому следовало уничтожить тех, кто помнил независимую национальную государственность. Народ должен был, как считали большевики, забыть своё недавнее прошлое, для этого следовало претворять в жизнь страшные и систематические карательные мероприятия и не допускать инакомыслия.

Со второй половины двадцатых годов география и социально-классовая сфера репрессий расширяется – теперь они охватывают все прослойки общества. Автор рассказал о члене Парламента Азербайджанской Республики (1918-1920) Ризе Карашарлы, просветителе и учёном Гамид беке Шахтахтинском, женщине-интеллигенте Медине ханым Гиясбейли, одной из первых женщин-профессоров Аделе ханым Шахтахтинской, враче Фируз беке Ордубадском, артисте Ульви Раджабе, религиозном деятеле и корректоре в Азернешре Бахлуле Эфенди Бехджате и др. Описана горькая судьба не только военных и интеллигенции, но также членов семей Мехмандаровых, Шихлинских, Шахтахтинских и Киясбековых. Следует отметить, что материал об этих светлых личностях и их трагедии подан читателю простым, лаконичным языком и в интересной живой манере.

Интересны статьи В.Гардашлы «Xalq düşməni» [39], М.Гулузаде «20-30-cu illərdə Azərbaycanın din xadimlərinə və müqəddəs yerlərə qarşı aparılan represiyalar» [56], С.Велиева

«20-30-cu illərin represiyaları və onları şərtləndirən amillər» [103], Н.Алиевой «Пожранное дитя революции» [110].

Таким образом, после распада Советского Союза в независимом Азербайджане появились труды, посвящённые истории сталинских репрессий. Наряду со статьями появились книги и монографии, повествующие о кровавых событиях в СССР в тридцатых годах XX века. Их невозможно читать без слёз и содрагания. Прочитав эти книги, современный читатель понимает, что людей могли расстрелять даже не за совершенные поступки, а просто за «крамольные» мысли (идея отторжения от СССР, неверие в построение социализма и т.д.). «Крамольными» они оставались вплоть до конца 1980-х годов. Сегодня в Азербайджане никто не сомневается в правильности идей, за которые расплачивались жизнью в тридцатых.

5. АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ИЗДАНИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ (2000-2023 гг.)

В период с 2000 по 2023 годы азербайджанская историография обогатилась новыми монографиями и книгами о сталинских репрессиях 30-х годов XX века. Некоторые авторы обратили своё внимание на изучение личности политических лидеров исследуемого периода.

Правы авторы коллективного труда «История Азербайджана» в 7-ми томах, указывающие, что в Азербайджане эта ситуация имела национальный колорит, связанный с тем, что выдающиеся азербайджанцы стали мишенью для лиц армянской национальности, которые, злоупотребляя своим служебным положением, уничтожали цвет азербайджанской нации. Достаточно отметить, что в 31 из 51 района Азербайджанской ССР НКВД возглавляли армяне [7, сс.385-386]. В VI томе этого издания освещаются тотальные нападки на религию, которые особенно усилились с 1929 года. В этом томе указывается, что в 1934-1938 годах в Азербайджане было репрессировано 27.458 человек, среди которых были и духовные деятели. Например, один из первых переводчиков Корана на азербайджанский язык, 83-летний Бакинский казий Мир Мухаммед Керимага был расстрелян на о.Наргин [7, с.329]. Институт истории партии был обезглавлен. После ареста и расстрела историков были конфискованы их рукописи в объёме 40 тысяч листов [7, с.383]. Авторы тома справедливо указали, что во всех советских коллективах в период репрессий царствовала ужасная эпидемия: подхалимство, доносительство, недоверие, страх, подозрительность, клевета, и всё это оправдывалось «классовой бдительностью». Только в Баилово-Биби-Эйбатском районе Баку насчитывалось до 600 клеветнических заявлений от трудящихся, которые стали эффективным средством для гонений на честных и порядочных людей [7, с.384].

В статье Э.Исмайлова «Terror kulminasiyası» утверждается, что только в 1937 году в Азербайджане было арестовано 9804 человека. В 1938 году «тройки» вынесли приговоры по обвинению 5061 человека по политическим преступлениям, из них 1108 человек были приговорены к расстрелу за антисоветскую пропаганду. А в 1937 году «тройки» осудили и вынесли приговоры 2846 человеку, из них 2215 были расстреляны [35].

В книге Эльшада Годжи “Sibir dərsi”, изданной в 2000 году [15], рассказывается о горькой судьбе азербайджанских граждан в 1920-1950 годах. Характерно то, что в книге описана участь солдат и офицеров Турецкой Армии. Это: Мустафа Неджет, Гудрат бей, Джамиль бей, Юсуф Джамал, Иззет бей, Али Осман, Ахмед Сабри, Мустафа Халилоглу, Эюб Сами и др. Они были арестованы Особым отделом XI Красной Армии. Все очерки базируются на следственных делах, хранящихся в архиве Министерства Национальной Безопасности. Кроме того, в книге есть много ценной информации о членах партий «Дифаи» и «Иттихад». Очень интересен очерк “Mərgüm və Cavad dastanı” (с.45-70). В этом очерке рассказывается о любви, семье и трагедии одной из первых азербайджанских просветительниц Марьям ханым Байрамалибековой и её муже, члене Парламента Азербайджанской Республики (1918-1920), генерал-губернаторе Лянкярана Джавад беке Меликеганове.

Книга Эльшада Годжи «Tariximiz, taleyimiz», изданная в 2001 году [16], охватывает события, происходившие в период Азербайджанской Республики (1918-1920) и Азербайджанской ССР (1920-1940). В ней освещаются история азербайджанской разведки, деятельность первых разведчиков, судьба людей, работавших в органах спецслужб, военное сотрудничество Азербайджана и Грузии, репрессии знаменитых представителей интеллигенции и военных, а также армянские бесчинства [16].

Эльшад Годжа пишет о штабс-ротмистре (корнете) Афрасиабе Агаларове, полковнике Мамед беке Алиеве, полковнике Ирза беке Мехти бек оглы Гаджибейлинском, Мамедбагир беке Шейхзаманлы, Наги беке Шейхзаманлы, Махмуд беке Сафикюрдском, Мамедтаги Теймур оглы Дадашеве, подполковнике Наги беке Алиеве, Алекперхане Шахсуварове. Все они были настоящими патриотами, занимали высокие должности в 1918-1920 годах. В советский период многие были репрессированы и казнены или Особым отделом XI Красной Армии, или в тридцатые годы. Некоторым удалось эмигрировать [16, сс.44-54].

Автор рассказывает о трагической судьбе подполковника, первого военного атташе, первого разведчика Мамед бека Гусейн бек оглы Алиева, который был арестован 20 августа 1937 года. Он родился в Гяндже в 1882 году. Окончил школу военной топографии в Санкт-Петербурге. Был профессором Азербайджанского Краснознаменного Индустриального Института, являлся автором нескольких книг по геодезии.

До этого работал преподавателем и директором землеустроительного техникума им.С.Агамали-оглы. Его обвинили в контрреволюционной деятельности среди студенчества и педагогов, а также принадлежности к партии «Иттихад». Однако, 11 мая 1939 г. его освободили из-под ареста [16, сс.26-31, 46-48].

Эльшад Годжа написал о судьбе рода Ашурбековых, некоторые представители которого тоже были репрессированы [16, сс.105-138].

Основные положения книги Эльшада Годжи «Tariximiz, taleyimiz» повторяются в изданной в Баку в 2018 году на трёх языках (азербайджанском, английском и русском) книге «Azərbaycan kəşfiyyatı və əks-kəşfiyyatı» [13], которая носит информационный характер об организации, деятельности органов разведки и контрразведки Азербайджанской Республики (1918-1920) и о судьбе служивших в них само-

отверженных людей. Многие сотрудники спецслужб были репрессированы советским режимом в 1920-1930-ые годы. Тема раскрыта на основе архивных материалов.

В 2000 году вышла книга Адалата Таирзаде «İsgəndər Rzazadə – Azərbaycanın ilk energetiki» [99]. Книга посвящена жизни и деятельности первого азербайджанского энергетика Искендера Мирзы Джаббархан оглы Рзазаде (1897-1937), который был осуждён в троцкизме и троцкистской работе. И.Рзазаде работал преподавателем, затем доцентом и заведующим кафедрой в Азербайджанском Политехническом Институте с 8 сентября 1925 г. вплоть до ареста 11 июля 1937 г. С 1926 года он работал также учителем и деканом факультета электротехники в Промышленном Техникуме им.Н.Нариманова. В 1930 году ему присудили звание доцента. С именем Искендера Рзазаде связаны организация первых лекций по ряду предметов и создание терминов по энергетике на азербайджанском языке. В 1935 году он стал заведующим кафедрой. Суд над учителем состоялся 31 декабря. Начавшись в 22⁰⁰ вечера, он продолжался 20 минут и вынес И.Рзазаде смертный приговор. Приговор был приведён в исполнение в ночь с 31 декабря 1937 г. на 1 января 1938 г., т.е. в новогоднюю ночь [99, сс.13,27,35].

Книга Адалата Таирзаде «Сəfər Kazimov – Sovet uranını taparlardan biri» [98], вышедшая в 2001 году, посвящена жизни и деятельности одного из первых азербайджанских геологов с высшим образованием, заместителя председателя Президиума Азербайджанского Филиала Академии Наук СССР, который был репрессирован и отправлен в Сибирь, где открыл советский уран. Автор отметил, что, к сожалению, имя этого учёного – Джафара Кербелай Алескер оглы Казимова (04.01.1897 – 14.08.1968) вычеркнуто из истории науки.

Автор подробно рассказал о том, как в 1996 году встретился с семьей Дж.Казимова – его 94-летней вдовой Марией Николаевной и единственной 60-летней дочерью Лейлой

ханым, которые сначала отнеслись к исследователю с большой опаской и осторожностью. Мария Николаевна подумала, что пришедший к ним исследователь на самом деле является «переобувшимся энкэвэдэшником» и хочет «сделать им зло». Она неустанно повторяла: «Товарищ, у меня нет никого, кроме дочери. Умоляю Вас, не трогайте её, не делайте нам плохое». После разъяснений она немного успокоилась, но попросила, чтобы исследователь прочёл ей черновик перед публикацией материала, в котором не должно быть ничего лишнего. Этот ужасающий факт свидетельствует о том, что призрак НКВД до сих пор не оставил жену учёного – она снова проживает страшные тридцатые годы, которые нанесли ей моральный и психологический урон. А.Таирзаде привёл ещё один характерный пример, когда в 1986 году он опубликовал в газете «Элм» статью об учёном Салмане Мумтазе, и дочь этого репрессированного учёного Шахла ханым заботливо спросила автора, не пострадал ли он из-за статьи об её отце? Автор признался, что жёны и дети репрессированных часто сначала находились в состоянии страха, но после общения с ним почти забывали о пережитом горе и старались поучаствовать в научной реабилитации мужа и отца. Например, Мария Николаевна после публикации поблагодарила автора, сказав, что «теперь я могу спокойно уйти в мир иной» [98, сс.3,4,27].

Автор А.Таирзаде рассуждает о причинах кровавых сталинских репрессий. Он объясняет эти причины тем, что стремление Сталина создать диктаторский режим совпало с его желанием руководить самой богатой и сильной страной мира, а реализовать сказанное можно было только при условии наличия полной золотом казны и современной армии, оснащённой страшнейшим оружием. Однако и золото, и составная часть грозного оружия – радиоактивное сырьё – находились в вечной мерзлоте Севера, где не было никаких дорог, средств связи и других условий для человеческой

жизни. Естественно, не было речи о вербовке добровольцев для работы. Даже если бы были добровольцы, платить им зарплату государству было нечем по причине гражданской войны, коллективизации, которые привели к упадку экономики. О заграничных инвестициях тоже не могло быть речи. Оставался только один путь: насильно погнать людей на Север и заставить их безвозмездно добывать золото и радиактивные материалы. Автор указывает, что вскоре в СССР был разработан план организации очень большой сети исправительно-трудовых лагерей. В 1937 году опубликовали список этих лагерей, которые являлись составной частью больших островов архипелага ГУЛАГ. Здесь в каждом из 200 лагерей указаны 35 групп (всего 7 тысяч лагерей). В 1935-1937 годах общее число осуждённых (мужчин и женщин) в этой сети составляло 5-6 миллионов человек. Большинство их погибло вследствие нечеловеческого обращения с ними и невыносимых природных условий [98, сс.25,26].

Книга Адалата Таирзаде и Огузтогрула Таирли «Azərbaycan Cumhuriyyəti tələbələr (tarixi arayış, bələqələr, yaşamlar)» [100] посвящена важному вопросу – отправке молодёжи за рубеж для получения высшего образования в период Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.). Она основана на документальных материалах архивов многих городов, и большинство из них введены в научный оборот впервые. Особо следует указать на то, что авторы проводили интервью и беседы с участниками событий и информаторами. Это – потомки или близкие родственники студентов зарубежных вузов, чьи биографии освещают авторы. В книге даются сведения об исследуемом историческом периоде, обосновывается предмет исследования, вниманию читателей предлагаются исторические документы, биографии студентов, фотоматериалы и иллюстрации. Научно-исследовательские методы придают книге энциклопедический характер.

Для нас особенно важны были биографии студентов, репрессированных после завершения ими образования и возвращения на Родину в Азербайджан. Авторы отмечают, что из общего числа 89 студентов, обучавшихся в Турции и Западной Европе, только 56 вернулись в Азербайджан, и 41 из них подверглись репрессиям тридцатых годов. Однако, вместе с тем, авторы указывают, что эти цифры условны, так как есть предположение, что в числе 15 студентов тоже есть репрессированные [100, с.193]. На страницах 191-192 авторы дают список репрессированных студентов, состоящий из 41 фамилии. В основном, эти студенты учились в Турции и странах Западной Европы. Но и среди студентов российских вузов оказались 2 человека – Амирджанов Алиярбек и Султанов Бахышбек. Некоторые из этого списка были расстреляны, а остальные – сосланы в Сибирь или Среднюю Азию. Авторы указывают, что чудом выжившие в нечеловеческих условиях в ссылке и вернувшиеся в Азербайджан после отбывания наказания наши высококвалифицированные специалисты, потеряв здоровье, в скором времени ушли из жизни [100, сс.191-192].

Помимо 56 выпускников, ещё 6 человек вернулись на Родину, но ввиду установления антидемократического советского режима вынуждены были её снова покинуть и эмигрировать. Это: Мамедамин Эфендиев, Исрафил Ашрафов, Юсиф Салахлы, Мирисмаил Сеидзаде, Гусейн Шихиев, Мурадбек Темирханов [100, с.193].

Большой интерес представляет газета «Sərhəd» – орган Министерства Государственной Безопасности, изданная в 2001 году [90]. Она содержит статистические материалы, т.е. количество расстрелянных, по годам. В годы массовых репрессий были репрессированы 32 партийных руководителя, 18 народных комиссаров и их заместителей, 88 военных, 200 тысяч человек со своими семьями были сосланы, 6501 человек были расстреляны, в 1937-1940 годах ежегодно было арестовано 12 тысяч человек.

М.Р.Зульфугарлы в монографии «Azərbaycan tarixi. İkinci Respublika dövrünün tarixşünaslığı (1920-1991-ci illər)», изданной в 2001 году, на страницах 111-121 касается проблемы историографии репрессий в годы массового террора. Автор указывает, что в азербайджанской историографии по репрессиям тридцатых годов проявляются два направления. Первое направление – это линия, которая господствовала в историографии после XX съезда ВКП(б), состоявшемся в 1956 году. Авторы объясняли трагедию тридцатых не сущностью коммунистического режима, а нарушением Сталиным ленинских норм. Зульфугарлы считает, что это приводит к объяснению причин трагедий не объективными, а субъективными факторами. А второе направление отображено в историографии, начиная с 1988 года. Указывая на важную роль субъективных факторов, являвшихся причинами репрессий, авторы исторических исследований в то же время основными причинами репрессий считают объективные факторы, рождённые из сущности режима. Азербайджанская историография в основном придерживается второго направления [105, с.112].

Терроризму, его истокам, истории и последствиям посвящена книга двух авторов Сабира Асадова и Исрафила Мамедова «Терроризм: причина и следствие», вышедшая в 2001 году [121]. Тридцатым годам посвящена Глава 3 под названием «Армянские террористы в КГБ Азербайджана» (стр.82-114). Авторы подчеркивают, что на протяжении 45 лет Комитетом Госбезопасности Азербайджанской ССР руководили русские. А первые 30 лет советской власти большинство кадров здесь составляли армяне и русские. Союзные органы госбезопасности стремились заполнить органы госбезопасности Азербайджана за счёт русскоязычных армян, проживавших в РСФСР [121, с.82]. Авторы, ознакомившись с материалами архива Министерства национальной безопасности Азербайджанской Республики, пришли к выводу, что около 30 человек армянской национальности в

1920-1940 гг. работали начальниками отделов и подразделений и следователями КГБ республики [121, с.83]. В 1937-1938 гг. из 51 районного отделения НКВД Азербайджана руководители 38-х были армяне [Асадов, с.87]. Авторы перечислили фамилии, имена и должности работников НКВД армянской национальности. Эти имена они выявили из следственных дел арестованных. Всего 27 фамилий [121, сс.91,92].

Авторы утверждают, что в 1950-х гг. более 50% сотрудников КГБ Азербайджана составляли армяне. Даже в 1954 году после ареста М.Дж.Багирова в разных рангах ещё работали 125 армян. Только с 1956 года их число постепенно начало уменьшаться – судебный процесс над Багировым и расстрелы Маркаряна и Григоряна способствовали этому процессу [121, с.83].

Авторы перечислили фамилии 33 военных азербайджанцев, которые погибли в результате репрессий в 1937 году, в т.ч. военный министр Пашаев Султан Гамид оглы [121, с.105].

Авторы рассказали о репрессии Кадырбековой Гюляры Ибрагим Халил кызы. Но почему-то хотелось бы привести из указанной книги нижеследующую цитату, от которой заныло сердце: «Мы заинтересовались дальнейшей судьбой Гюляры ханум. Случайно встретились с одной женщиной, которая работала в 1936-1937 гг. с Гюляррой ханум Кадырбековой. Это доцент Азербайджанской Государственной Академии физической культуры и спорта, 86-летняя Зейнаб ханум ...

Из рассказа Зейнаб ханум: «Я Гюляру ханум хорошо помню. Она в 1936-1937 годах являлась председателем Спорткомитета. Я тоже там работала заведующей отделом.

Мы задали ей такой вопрос:

– Зейнаб ханум, в чём причина ареста Гюляры ханум? Правда ли, что она являлась членом антисоветской организации?

– Она не была членом ни одной организации, она была очень порядочной и честной женщиной, – сказала и тихо продолжала: – В основном, Гюляра ханум была арестована по указанию М.Дж.Багирова. Она была прекрасной женщиной. Багиров дважды, в определённое время, посылал своего шофера к ней, но оба раза получал отрицательный ответ. После этого сначала по указанию Багирова был арестован и расстрелян её муж, а затем арестована она сама. Следствие было поручено Маркарян» [121, с.108]. Таким образом, в исследуемый период власть имущие диктаторы имели возможность очернить и погубить любую красивую женщину и её семью только из-за её отказа высокопоставленному домогателю.

Авторы отмечают, что в 2000 году в Азербайджанской Республике были раскрыты двери секретных архивов, годами закрытые грифом «совершенно секретно», что способствовало публикации «кровавого списка» жертв репрессии 1937-1940 годов и доведению к сведению всего населения республики через средства массовой информации. Авторы указывают, что в печатном органе МНБ – газете «Сархад» («Граница») (специальный выпуск №1) под заголовком «Восстановление памяти» даны имена 6429 жертв, погибших от рук палачей. Автором этого беспрецедентного «списка смерти» является кандидат филологических наук, сотрудник указанного министерства, автор многочисленных книг, посвящённых репрессиям, Джалал Гасымов. Здесь он показал страшную трагедию азербайджанского народа, выпавшую на его долю, начиная с 1920 года по 1941 год. Есть в книге кровавые указы и приговоры, а также даны страшные сведения о том, что за одну ночь были расстреляны 500 человек [121, сс.113,114].

В книге Садыга Зейнал оглу «Tarixin qan yaddaşı», изданной в 2001 году, освещена история репрессий в Нахчыване и дана ценная информация о репрессированных [104]. Она написана на азербайджанском языке.

Вторая книга Садыга Зейнал оглу Садыгова «Кровавая память истории», документальные воспоминания, очерки и повесть» [210], написанная на русском языке, рассказывает об исторических фактах, связанных с Нахчываном в тридцатые годы XX века. В ней прослеживаются репрессивные операции в 1930-1942 годах. Дело в том, что в мае 1989 года в МВД Азербайджанской ССР была создана комиссия по реабилитации жертв репрессий 1930-1940-х и начала 1950-х годов. Садыг Зейнал оглу в течение 17 лет проживал в Казахстане на правах члена семьи репрессированного, а вернувшись в Азербайджан, получил образование, стал работать в годы «оттепели» в органах внутренних дел, а впоследствии был назначен министром внутренних дел Нахчыванской Автономной Советской Социалистической Республики. По воле судьбы бывшему репрессированному Садыгу Зейнал оглу поручили заняться вопросами реабилитации жертв репрессий. В дальнейшем министр изложил суть расследованных дел в этой книге. Следует также указать, что Садыг Зейнал оглу Садыгов является родным братом профессора Муртуза Зейнал оглу Садыхлы, автора книги «Ответ тебе даст история ...», также посвящённой теме политических репрессий.

Автор Садыг Зейнал оглу описал события, связанные с политикой коллективизации и нежеланием населения Абракунисского (Джюльфинского) района вступать в колхозы. Следователь НКВД Орбелян на основе сфабрикованных обвинений, допросов, бесчеловечных методов осудил азербайджанцев на расстрел, ссылку, не щадя детей, женщин, стариков. Он сострепал «Милахское дело», в результате которого были расстреляны десятки мирных жителей сёл Милах, а также окружающих сёл, затем сфальсифицировал «Кечилинское дело», по которому также были расстреляны десятки жителей сёл Кечили Шахбузского района. Всё население сёл Арафса, Бейахмед, Нагаджир, Милах, Ханага, Казанчи было выслано в Казахстан. В одном только селе

Яйджи – 600 жителей. Жители названных сёл в 1918-1920 годах воевали с головорезами Андраника и не убежали из своих родных сёл, расположенных в горах, мужественно отстаивая право жить на своей земле. В тридцатые годы бывшие армянские бандиты-дашнаки, устроившись на работу в НКВД, совершали геноцид по отношению к азербайджанцам. Орбелян являлся бывшим головорезом в отряде Андраника, переодетым в форму сотрудника НКВД. Орбелян мстил нахчыванским горцам, при этом использовал постановление СНК СССР от 2 февраля 1930 года об организации борьбы с кулачеством и создании колхозов. Он создал сфальсифицированное «повстанческое дело» [210, сс.5,9,32,33,34].

Автор рассказал о своём деде Мешади Рза Мешади Садых оглы, который тоже был осуждён на 10 лет концлагерей, но за примерную работу и поведение был освобождён раньше срока. Однако в 1937 году был вновь репрессирован и 17 мая вместе с семьёй, внуками этапирован в Казахстан на вечное поселение, где умер в 1941 году. Следует отметить, что дед автора, житель сел. Кечили, тоже в прошлом воевал с отрядом Андраника. Мужественные кечилинцы тогда победили захватчиков-бандитов, которых не подпустили к родному селу и уничтожили за «Гылынджгорой». Многие кечилинцы освобождали Зангезур от дашнаков [210, сс.28,37].

Автор рассказал о том, что дашнаки продолжали мстить азербайджанцам в 1937 году. Только за 5 дней, с 5 по 10 августа 1937 года, в Нахчыванской АССР было арестовано 9.957 человек [210, с.22].

В мае 1937 года 600 семей в товарных вагонах под конвоем были отправлены в казахстанские степи на вечное поселение. Автор утверждает, что массовое выселение впервые среди бывших союзных республик началось в Азербайджане [210, с.90].

Садыг Зейнал оглу пишет о том, что по отношению к азербайджанскому народу проводился геноцид, который стал возможным ввиду того, что в руководстве партийной организации находились Левон Мирзоян, Арушанян, Григорян, а в НКВД – Хорен Григорян, Маркарян, Багдасарян, Кукасов, Парсегов, Орбелян. Одни создавали и планировали идею уничтожения, другие оформляли сфабрикованные материалы, чтобы подвести под расстрел азербайджанцев, а такие, как начальник баиловской тюрьмы Пчелян, в 1933 году назначенный начальником всех тюрем Азербайджана, и начальник Нахчыванской тюрьмы Геворков в тридцатые годы руководили расстрелами в своих учреждениях [210, сс.95-96].

Автор констатирует, что тюремными больницами НКВД руководил Хачатуров. Терапевтическим отделением заведовал врач Нерсисян, который ставил только один диагноз – «умер от сердечной недостаточности». Хирургического отделения в тюремных больницах не было, так как хирургическое вмешательство для заключенных заменялось пулей. При медицинской части мест заключения НКВД была организована постоянная врачебно-трудовая комиссия в составе врачей: Мусаэлян, Хразнян, Хачатуров, по заключению которых в местах лишения, якобы, не было инвалидов, и все заключённые были пригодны к труду. Для того, чтобы информация о творимых беззакониях не просочилась за пределы лагеря, А.И.Будагян, которая владела армянским, азербайджанским, русским и татским языками, была назначена цензором отдельного лагерного пункта мест заключения НКВД. В 1930-1940-е годы начальником Архива НКВД работал Г.С.Асланян. В те же годы не отставали от своих единомышленников главврач больницы Бакинской смешанной тюрьмы Мусаэлян А.А., главврач больницы Бакинской следственной тюрьмы Геворков Н.А., главврач больницы Гянджинской смешанной следственной тюрьмы Бабакевхян Г.С. Они оформляли сфабрикованные до-

кументы на арестованных, уже избитых и покалеченных до поступления в больницу, где погибали. Эти врачи принимали непосредственное участие при расстреле осуждённых «тройкой» людей [210, сс.97, 112].

В другой книге того же известного публициста и исследователя, бывшего ответственного работника органов внутренних дел республики Садыха Зейнал оглы Садыгова «Их лишили Родины. Кровавая память истории» [151] собраны очерки о репрессиях интеллигенции и других жителей Азербайджана. Автор указывает, что его книга в форме очерков подготовлена на основании подлинных архивных документов и чудом сохранившихся в архивах уголовных дел на репрессированных. Он констатирует, что только в 1954-1955 годах в МВД Азербайджанской ССР было уничтожено 26 тысяч уголовных дел на репрессированных в 1920-1940 годах.

И в этом исследовании автор подчёркивает армянский фактор в массовых репрессиях азербайджанцев. Он говорит о том, что в НКВД Азербайджанской ССР азербайджанцам мстили и проводили геноцид генералы Маркарян, Григорян и др., а на местах: Астаре – Аракелов, Лерике – Хачатуров, Агджабеди – Саркисов, Зангелане – Заргорян, Маркарян, Казычян, Джебраиле – Аванесов, Джимирдян, Бабаян, Астраханбазаре – Авакян, Багдат Исраилян, Пушкине (Билясувар) – Захарян, Ярдымлы – Севонян, Самухе – Петросян, Масаллы – Аванесян Ашот, Карягине (Физули) – Сасков Шиханян, Вартанов, Казахе – Григорян, Нахчыванской Автономной Республике – Вартанов, Багдасаров, Исраилян, Иоанесян, Эвонян, Агаджанов Вартан, Сейранян, Акопов Вартан, Парсегов – впоследствии партком НКВД Азербайджана [151, сс.3,11].

Автор указывает, что в тридцатых годах было репрессировано более 300 тысяч граждан Азербайджана, из них 29 тысяч интеллигенции, а по некоторым данным, более 75 тысяч были расстреляны [151, с.7].

В этой книге есть материалы о семьях Бадалбейли, Мехти Гусейна, Османа Сарывелли, академика Мирали Кашкая и др. Автор указывает, что репрессии 1949 года против членов семей выдающихся писателей, поэтов, учёных, режиссёров и др. были осуществлены в целях удержания азербайджанской интеллигенции в «ежовых рукавицах».

Книга Адыгезала Мамедова “*Vaş tutmamış çevriliş*” [58] посвящена общественно-политическому положению в Советском Азербайджане в период руководства республикой М.Дж.Багировым. Рассматриваются также проводимая Багировым политика, отношения его со Сталиным и Берия.

В предисловии автор вспоминает слова Муаммера Аль-Газзафи о том, что империя всегда представляет самых достойных сыновей любого народа, находящегося в зависимости от неё, в образе самого большого врага для этого народа. Автор задаётся вопросом, как сложилась бы судьба нашего народа и государства, если бы Азербайджаном руководил не Багиров, а другой политический деятель?

Написать эту книгу, обращаясь к образу М.Дж.Багирова, автора подвигло чувство благодарности к нему за помощь, которую тот оказал его деду и дяде отца [58, сс.2-3].

Для нас интерес представляет последняя, VII часть книги под заголовком «Суд над М.Дж.Багировым». Автор приводит много доводов и доказательств для обоснования тезиса о том, что суд над азербайджанским лидером являлся несправедливостью по отношению к нему.

Эта книга была переиздана в 2010 году под названием «*Mir Səfər Bağırov. Açılmamış səhifələr*» [60].

Предисловие к этому изданию написал писатель-публицист Алиса Ниджат. В нём он утверждает, что до прочтения книги А.Мамедова многого не знал о большом политическом деятеле М.Дж.Багирове. Касаясь репрессий 1937-1938 годов, А.Ниджат соглашается, что в эти годы азербайджанская интеллигенция пережила большие потери. В этом

обычно обвиняют Багирова. У А.Ниджата много вопросов. Однако, спрашивает он, разве можно было избежать этих потерь? Оказывается, именно в эти годы меньше всего потерь испытал Азербайджан. Для каждой республики составлялся свой список жертв. Что мог сделать в таком случае Багиров? Публицист утверждает, что отнюдь не считает Багирова ангелом. Даже сам Багиров признал свои ошибки на суде. Однако он смыл все свои грехи хотя бы тем, что предотвратил массовую ссылку азербайджанского народа в степи Казахстана, как считает автор предисловия. Автор предисловия предложил даже установить памятник Багирову на одной из центральных площадей Баку [60, сс.3-4].

Автор Адыгезал Мамедов в книге “Siyasi liderlərin psixoloji portretləri” [62] описал жизненный путь, психодушевное состояние многих политических лидеров, которые имели влияние на процессы, происходившие в определённые периоды мировой истории. Автор положил основы новой научно-медицинской технологии. Основная цель при создании психологической портретологии – определить способность лидера влиять на политику страны, которую этот политический лидер представляет. Это даёт возможность прогнозировать политические процессы.

Особенно большое прагматическое значение система психологической оценки потенциальных лидеров имеет в период лихолетья, когда на арену общественной и политической жизни неожиданно выходят ранее неизвестные лидеры, удивительным образом могущие стать объектом фанатизма для массы.

Портретолог должен быть не только психологом. Он обязан обладать глубокими медицинскими знаниями, так как, создавая психологические портреты политических лидеров, наряду с личностными особенностями, необходимо определить предел нормы и патологии.

В этой книге страницы 76-90 посвящены Н.Нариманову, его отношениям с М.Дж.Багировым, Г.Орджоникидзе.

Некоторые страницы повествуют об отношениях М.Дж.Багирова с философом Гейдаром Гусейновым, трагично ушедшим из жизни. Особенно интересны страницы 109-139, посвящённые психоанализу личности И.В.Сталина.

В другом исследовании Адыгезала Мамедова [59], кстати, нейропсихологическому анализу также подверглись А.Гитлер, Ю.Андропов, М.Горбачёв, А.Везиров, М.Саакашвили, В.Путин, Д.Трамп, Р.Т.Эрдоган, Н.С.Хрущёв, Л.И.Брежнев, Б.Н.Ельцин, Д.А.Медведев.

В 2021 году вышла очередная книга А.Мамедова “Mig Səfər Bağırov – SİYASİ PORTRET” [61]. В книге есть Предисловие, написанное Алисой Ниджатом, текст от автора, а также даётся биография М.Дж.Багирова. В книге 7 глав, посвящённых следующим темам: 1.первые годы политической деятельности Багирова и Берии; 2.роль Багирова в экономическом развитии Азербайджана; 3.М.Дж.Багиров и Южный Азербайджан; 4.борьба Багирова с армянской литературно-политической элитой; 5.неудавшийся переворот; 6.конец политической власти Багирова и 7.суд над Багировым. Что касается периода репрессий, то автор, основываясь на различные инструкции, постановления, приходит к выводу, что все репрессии управлялись Москвой, и в этот процесс вмешаться местным руководителям не давали возможности. Страшная репрессия 1937 года претворялась в жизнь путём оперативного приказа №0044 НКВД СССР от 30 июля того же года [61, с.97]. На страницах 97-102 приводится текст этого приказа.

Определённый интерес представляет книга Э.Алиева «Azərbaycan SSR-də XX əsrin siyasi repressiya qurbanları», изданная в 2003 году. Внимание читателя особо привлекают статистические данные. Автор показал не только количество репрессированных, но и национальный состав. Исследователь Э.Алиев утверждает, что в течение 1920-1941 гг. 5752 человека были расстреляны. Из них 4842 азербайджанца, 114 армян, 529 русских, евреев и других. В 1920-

1925 г. расстреляны были 527 человек, 1930-1936 гг. – 328, 1937 г. – 1572 г., 1938 г. – 2741, 1939-1940 гг. – 317 человек [19, с.17].

Истории сталинизма в Азербайджане посвящена монография Шалалы Мамедовой «Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане 1920-1930 гг.», опубликованная в 2004 году [178]. В ней изложены теоретические аспекты тоталитаризма. Автор освещает историю сталинизма, выделяя особенности этой политики в Азербайджанской ССР. В этой книге рассматриваются государственные и силовые структуры советского Азербайджана, исследуются вопросы партийной элиты, национальная политика большевиков в двадцатые-тридцатые годы и другие проблемы. Для нас особый интерес представляет глава IX под названием «Массовые репрессии 1920-х – 30-х годов» (с.277-313). Автор подчёркивает, что террор и насилие лежат в основе большевизма. Сталин же проводил в жизнь идеи Ленина [178, с.5].

Автор в своей книге приводит интересные факты. В конце 1938 года Сталин направил письмо на имя Багирова для организации проверки деятельности НКВД республики. Эта проверка продолжалась целый год и была закончена в январе 1939 года. Заключение проверочной комиссии: «на протяжении ряда лет многие из ответственных работников НКВД под видом борьбы с контрреволюцией создавали дутые, фиктивные дела, по которым ряд преданных партии людей долгое время содержались под стражей». Проверка установила особо жёсткое отношение к ираноподданным, которое проводилось «под руководством Раево-Шнейдером, Червенским, Кушманяном и др.». Из 79 арестованных высокопоставленных энкеведешников лишь 13 были азербайджанцами. Поскольку все важные государственные посты занимали не азербайджанцы.

Также было установлено, что имеется «большой компрометирующий материал» по центральному аппарату УГБ

и областного НКВД Азербайджана: из 14 начальников отделов на 13 человек имелись компрометирующие материалы.

В 1939 году аналогичная проверка состоялась в республиканской прокуратуре. 41,7% районных прокуроров потеряли свои посты и лишились свободы. Из органов республиканской прокуратуры были уволены 278 человек. В результате проведённых чисток из партийных рядов было вычищено 2.603.013 партийцев [178, сс.301,302].

Автор ставит следующий вопрос. Сколько человеческих жизней унесли эти репрессии? Демографическая статистика позволяет делать выводы по этому вопросу. В 1920-1930-е годы было проведено всего три всесоюзные переписи населения: в 1926, 1937 и 1939 годах.

В 1926 году в Азербайджане проживало 2.270.060 человек. По забракованной переписи 1937 года, население составляло 2.953.003 человек. Количество неучтённых в 1937 году составляло 375.038 человек. Таким образом, в республике проживало в 1937 году – 3.328.338 человек.

По переписи 1939 года, в Азербайджане проживало 3.205.150 человек. В 1937 году прирост населения по отношению к 1926 году составил +105.8 человек. В 1939 году не наблюдается прирост населения по политическим причинам. В результате известных событий в республике уменьшилась численность населения на – 123.1 человек.

Автор составил таблицу [178, сс.304,305].

Численность населения Азербайджанской ССР

Таблица

Годы	Численность населения	Прирост (+) или (-)
1925	2.006.800	
1926	2.270.060	+263.2
1937	Приб. 3.328.338	+105.8
1939	3.205.150	-123.1

Если учитывать прирост населения в 1937 году на 105,8 человек, то приблизительное число населения в 1939 году должно было составить 3.434.138 человек к этому году. Если учитывать официальные данные, республика потеряла 228.988 человек [178, сс.305,306].

В 2004 году вышла книга Рамиза Ахмедова “*Mir Səfər Bağırov (dövrün və şəxsiyyətin siyasi portret cizgiləri)*” [18]. Автор – уроженец села Зизик Губинского района. Окончил факультет журналистики БГУ. Кандидат философских наук. В советское время занимал высокие партийные посты, в постсоветский период являлся депутатом Милли Меджлиса, председателем Азербайджанской Коммунистической партии. Книга написана в ответ тем, кто годами создавал, якобы, образ врага народа Багирова, в ответ тем, кто преувеличивал его роль в кровавых репрессиях и не замечал всё хорошее, что сделал этот человек для Азербайджана за 20 лет с 1933 по 1953 гг. С другой стороны, автор недоволен и теми, кто не видит недостатков в деятельности Багирова и преувеличивает положительные факты, а отрицательные факты связывает с существующим политическим режимом. Автор считает и тех, и этих фальсификаторами истории [18, сс.5-7].

Книга Ахмедова состоит из 3-х частей. Первая часть (с.3-99) повествует о Ленине и Сталине. Одна из глав в первой части называется так: «Ленин: антихрист или один из святых?». Другая глава – «Сталин: кровавый диктатор или великий спаситель?». Читатель, вероятно, догадался, какой ответ пришёлся по душе автору книги. Автор оправдывает репрессии, направленные против военных, партийных деятелей, учителей и т.д. Репрессированные, якобы, поддерживали Троцкого, Каменева, Зиновьева. Автор приводит цитату из речи Тухачевского, сказанную им, якобы, в квартире сиониста Розенгольца на тайном совещании. Якобы Тухачевский угрожал, что совершит переворот в Кремле 5-го

числа, дабы предотвратить грядущие аресты и расстрелы после расстрела Зиновьева [18, с.55].

Кроме того, этот автор отвечает на каждое предъявленное обвинение к Сталину и Багирову. Он оправдывает, защищает, боготворит ...

Автор признаётся, что смотрит на события сталинского времени не с позиции современности, а через призму того периода [18, с.73].

Автор возмущается, что статданные о репрессированных во многих исследованиях не соответствуют действительности, они сильно завышены многими историками и правозащитниками. Он приводит в пример Солженицына, который утверждал, что в годы большого террора 30-х годов в стране было уничтожено 60 млн. человек, а также А.Албатса, называвшего цифру 66 млн., и ещё одного историка, говорившего о 100 млн. человек [18, с.77]. Ахмедов Р. в ответ на эти обвинения, ссылаясь на архивные документы, опровергает дутые цифры и утверждает с большой уверенностью, что в 1937 году по 58-й статье («враг народа») в спецлагерях находилось 104826 человек, или 12,8% от количества всех арестованных, а в 1938 году – 185324 (18,6%) [18, с.78]. Завышение цифр, считает автор, имеет цель сфальсифицировать историю сталинского периода и очернить общественно-политический строй. При Сталине количество арестованных составляло 2,5% от общего количества населения [18, с.78]. А за 30 лет сталинского управления было расстреляно «всего-навсего» 800 тысяч человек, причём в эту категорию входят ярые преступники, убийцы, политики, служившие фашистам на оккупированных территориях, шпионы, предатели Родины [18, с.78].

Вторая часть книги посвящена М.Дж.Багирову. Одна из глав этой части называется: «Мир Джафар Багиров: «враг народа», или достойный сын народа?». Автор пишет, что в публикациях о Багирове прослеживаются самые полярные, противоречивые взгляды, позиции, оценки. Автор даёт вы-

сокую оценку деятельности Багирова в области руководства по повышению культурного развития народа, в области науки, литературы, искусства. Одновременно были допущены серьёзные ошибки и в результате – тяжёлые потери. В короткий срок Азербайджан под руководством Багирова превратился в индустриальную республику с высоким уровнем развития сельского хозяйства. Багиров вырастил большое поколение национальных кадров. Но Багирова, по мнению автора, часто олицетворяют с проводимыми репрессиями. Автор даже считает, что для многих современных людей слова «Багиров» и «репрессии» являются синонимами. Автор считает, что они специально выпячивают тему репрессии, которые на самом деле были только эпизодическим явлением [18, сс.105-106].

Автор ставит под сомнение пытки, проводимые в стенах НКВД, а также собственноручное убийство Багировым некоторых репрессированных. Он называет это «страшными сказками» [18, с.114].

На страницах 114-125 автор пишет о взаимоотношениях М.Дж.Багирова и Р.Ахундова. Очерк, или глава называется «Друзья, превратившиеся во врагов». Интересно, что и здесь Багиров оказался верным коммунистом, а Р.Ахундов не стойким, не настоящим. Причём, автор ссылается даже на известное сочинение – письмо Н.Нариманова (1923 г.).

Третья часть книги «Мир Джафар Багиров в живых воспоминаниях» (стр.405-516) состоит из 15 воспоминаний известных людей нашей республики: Камрана Гусейнова, Исмаила Ибрагимова, Кубры Фараджевой, Илгусейна Гусейнова, Агабабы Рзаева, Фамила Сулейманова, Манафа Сулейманова и др.

Как известно, правительство Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) послало за границу на учёбу в высших учебных заведениях за счёт государства 100 молодых людей в основном из необеспеченных слоёв общества. «Из писем студентов Теймура Асланова, Аждара Ахундова, Исмаила

Алиева, Абдулгусейна Дадашева, молодого поэта Али Юсифа, первого азербайджанского скульптора Зейнала Алиева и других, направленных Джейхун беку Гаджибейли, становится очевидно, что в течение первых шести месяцев стипендии студентам отправлялись регулярно, однако после советизации Азербайджана их положение осложнилось, а после отъезда Н.Нариманова в Москву ещё более усугубилось» [106, сс.111, 112]. 12 студентов, обучавшихся за границей юриспруденции и общественным наукам, были отозваны в Азербайджанскую ССР [81, с.76]. После 1925 года часть азербайджанских студентов, обучавшихся в Западной Европе, не вернулась на Родину.

Подробная информация о репрессиях этих студентов дана в двухтомной энциклопедии Азербайджанской Демократической Республики, изданной в 2005 году.

Один из них, Мюншюзаде Хилал, окончивший Берлинский Университет, после апрельской оккупации вёл большую политическую работу среди азербайджанских эмигрантов, в 1930 году в Берлине издал книгу «Азербайджанская Республика», редактировал журнал «Гуртулуш», вместе с М.А.Расулзаде создал «Национальный Азербайджанский Комитет» [5, с.222].

Вернувшихся на Родину студентов не ждала безоблачная жизнь.

Молодой поэт Али Юсиф в 1922 году окончил в Париже Институт политических наук и вернулся в Баку. Его тут же обвинили в связях с мусаватистами, жившими за границей. А.Юсиф был сослан в Сибирь, и там же убит в 1926 году [5, с.339].

Многие вернувшиеся на Родину студенты были репрессированы и отправлены в ссылку уже в 30-40-х годах, во время сталинских репрессий. Среди них были: Агабабеков-Муганлинский Асилдар [5, с.100], Агасибейли Юсиф [5, с.102], Асланов Теймур [5, с.126], Алиев Аббас [5, с.341], Алиев Ашраф [5, с.341], Гусейнзаде Бахрам [5, с.437],

Нариманбеков Ягуб [6, с.258], Векилов Теймур бек [6, с.427], Мустафаев Мустафа [6, с.213], Халафбеков Мамед [6, с.79], Таирзаде Абдулла [6, с.391]. Репрессированным бывшим студентам заграничных вузов в этом издании посвящены обширные статьи – биографии.

В этом издании также даны информации об азербайджанской интеллигенции. В годы массового террора многие из них были репрессированы. Например, Ахмед Джавад – поэт, педагог и общественный деятель, обвинялся в мусаватизме. В 1937 году был расстрелян, а его жена 8 лет провела в ссылке [5, с.329]. Гаджикерим Санылы в советское время занимался научной, литературной и педагогической деятельностью, был инспектором БОНО. В 1937 году был репрессирован [6, с.325].

Книга «Soyqırım analardan başlanır» (Геноцид начинается с матерей), изданная в 2003 году [92], состоит из списков азербайджанских женщин, которые стали жертвами массовых репрессий, проведёнными советскими карательными органами в 1920-1950-х годах. Среди этих женщин есть выдающиеся деятели науки, культуры, просвещения, а также государственные деятели. Они подверглись ужасным испытаниям в тёмных камерах и далёких местах ссылок. Список, ценой огромных поисковых усилий составленный сотрудницей архива Министерства Национальной Безопасности Шафигой Мамедовой, является первым шагом на пути ознакомления нашего народа с правдой о судьбе репрессированных женщин Азербайджана.

На странице 167 этой книги под номером 2025 в списке числится и моя родственница Назарли Зивяр ханым Али гызы, 1902 года рождения.

На страницах 3-6 напечатано обращение «От составителя». На основании постановления ЦИК СССР от 4 июля 1934 г. члены семьи осуждённого и обвиняемого по ст. «враг народа» подлежали ссылке, и за короткий срок тысячи безвинных азербайджанских женщин были отправлены в

ссылку в Среднюю Азию и Сибирь. Уничтожение женщин является редким событием в истории человечества. Однако большевики подходили к этому вопросу как к обычному, рядовому явлению [92, сс.4,5]. В основном, эти репрессированные азербайджанки имели 2-4 детей. Предоставленные суровой судьбе младенцы были изъяты органами НКВД и отправлены в детские дома.

Составитель списка рекомендует рассматривать список не как статистический указатель, а как трагедию народа и память крови. Она говорит о том, что ссыльные приговоры 1920-1950-х годов сильно ударили по генофонду нашей нации, т.к. подвергшиеся ссылке на многие годы люди могли постепенно растерять свой язык, религию, обычаи и традиции, одним словом, свой генетический код. С потерей генетического кода происходит самая большая трагедия. Автор считает, что прицелом был не только генофонд, но и генетическая память. Только изменение (трансформация) этой памяти приводит к возвращению настоящих манкуртов для империи.

В списке перечисляются 3022 женщины, что свидетельствует о невиданной жестокости карательных органов советской империи.

На страницах 7-9 напечатано «Предисловие» полковника Хагани Багирова, который утверждает, что азербайджанцы больше всех подверглись репрессиям. Кроме того, в численном отношении азербайджанские женщины находятся в первых позициях среди репрессированных женщин Советского Союза. Полковник считает, что необходимость в научных и публицистических изданиях об этом периоде постепенно увеличивается, т.к. надо работать над восстановлением народной памяти, из которой долгие десятилетия старались силой вычеркнуть тёмные страницы истории. Это также наш моральный долг перед памятью рядовых граждан, репрессированных советской властью по спискам [92, сс.8,9].

На страницах 10-14 этой книги есть обращение к читателям профессора Мусы Гасымова «Tarixin ibrət dərsləri» (Поучительные уроки истории), в котором он утверждает, что этот список является кровавой памятью нашего народа и чёрным списком советской власти, написанным кровью [92, с.12].

Продолжением книги «Soyqırım analardan başlanır» является вторая книга Ш.Мамедовой «Anaların fəryadı» (Крик матерей) [65]. В ней впервые в азербайджанской историографии изучены и анализированы архивные документы, на их основании опубликованы биографии женщин, подвергшихся репрессиям 1920-1950-х годов. Книга является моральной поддержкой для родных и близких репрессированных женщин, а также вкладом в дело восстановления исторической правды.

Во введении (страницы 3-20) Шафига Мамедова пишет, что тридцатые годы являются очень противоречивым историческим отрезком времени: с одной стороны, в СССР большими темпами шло социалистическое строительство, а с другой – чёрные тучи сгустились над головой советского народа, в том числе азербайджанского [65, с.15].

Айна Султанова, Гюляра Кадырбекова, Марьям Байрамалибекова, Джейран Байрамова, Санубар Эюбова, Медина Киясбейли, Хавер Караева и тысячи других женщин Азербайджана были подвергнуты репрессии [65, с.16]. Среди тысяч женщин были государственные деятели, музыковеды, учителя, врачи, домохозяйки и специалисты других областей. Однако их судьба была схожей и очень тяжёлой. Ни в чём не повинные женщины были арестованы, вынуждены долгие годы прожить тюремно-лагерную жизнь, полную физических и моральных лишений и испытаний.

В монографии Тамиллы Керимовой «Из истории Национальной Академии наук Азербайджана» [163] страницы 205-228 посвящены периоду массовых репрессий тридцатых годов. Автор справедливо указывает, что сталинизм

наложил тяжёлый отпечаток на историческую, экономическую, философскую и филологическую науки [163, с.208]. Были подвергнуты необоснованным преследованиям, клевете, травле, нравственной расправе сотни учёных и руководящих сотрудников АзФАНА [163, с.209]. Почти все участники Первого Всесоюзного Тюркологического съезда (1926) под клеймом «националист», «пантюркист» и «мусаватист» были уничтожены [163, с.211]. Автор рассказал о том, как был застрелен М.Д.Багировым бывший нарком просвещения Мамед Джуварлинский [163, с.222]. Автор монографии показала, что подневольный труд учёных в местах заключения дал огромный рост производства и научных достижений, что объясняется высокой нравственностью учёных и их преданностью Родине и науке [163, с.224]. Некоторые учёные, находясь в ссылке или тюрьме, приобщались к педагогической работе в средних и высших учебных заведениях, и тем самым участвовали в подготовке научных и технических кадров на Урале, Дальнем Востоке, Крайнем Севере, в Средней Азии, Казахстане и др. [163, с.224].

В монографии Тамиллы Керимовой “Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının yaranması” [38] для нас особый интерес представляет §2 главы II «Repressiyaya məruz qalmış elm» (с.323-366), в которой даны новые материалы об учёных Азербайджана, пострадавших в период массовых репрессий. По сведениям архива Министерства Национальной Безопасности, с 1 января 1934 года до 1 января 1939 года за «контрреволюционную и антисоветскую деятельность» в республике было репрессировано 27458 человек. Из них: правые троцкисты – 1515 человек, контрреволюционеры-националисты – 3332 чел., повстанческие элементы и кулаки – 4450, мусаватисты-иттихадисты – 854, дашнаки – 139, контрреволюционное духовенство и сектанты – 492, преступники и их окружение – 953, диверсанты и вредители – 935, расхитители социалистического имущества – 767, тер-

рористы – 371. Свыше 100 тысяч представителей азербайджанской интеллигенции: учёные, писатели, артисты, учителя, военные, религиозные и партийные деятели были сосланы в Сибирь и Казахстан. Автор утверждает, что Азербайджан занимает в процентном отношении, т.е. к общей численности населения, первое место по количеству репрессированных. Второе место занимает Узбекистан, третье место – Украина, а четвёртое место – РСФСР. Автор указывает, что в одном официальном письме, направленном в Москву, подчёркивается, что на Кавказе азербайджанцы пострадали от репрессий больше всех [38, с.326]. Автор называет кровавый процесс тридцатых «феноменом репрессированной науки» – немыслимым и беспрецедентным, впервые произошедшим в истории культуры всего человечества. Репрессированы были не только учёные. Автор считает, что репрессированными стали научные идеи и научные направления, научные учреждения и центры, книги, журналы, архивы, ставшие засекреченными [38, с.330]. Автор осветил многие интересные научные факты из жизни репрессированных учёных, например, А.Алескерова, Салмана Мумтаза, Бекира Чобанзаде, Джафара Кязимова и др. Также автор описал положение детей репрессированных. 15 августа 1937 г. глава НКВД Ежов подписал приказ по изъятию детей «врагов народа» в возрасте от 2 до 15 лет и распределению их в специальные детские дома. Свыше 1000 детей были изъяты, затем 659 возвращены близким родственникам репрессированных [38, с.355].

Статья Т.Керимовой «Драматические страницы отечественной истории: пути и судьбы первых студентов Азербайджанской Демократической Республики» [162] также представляет немалый интерес. Автор использовал документы, хранящиеся в архиве Министерства Национальной Безопасности (МНБ) Азербайджанской Республики. Так, автор указывает, что в одном из Меморандумов НКВД (декабрь 1935 г.) говорится: «Нами учтены и находятся в про-

работке 29 человек из числа тюркской интеллигенции, посланных на учёбу в Германию при мусаватском правительстве. Основная часть этих кадров находится на командных должностях нашей промышленности. Так: в нефтяной промышленности работает 6 человек, в учебных заведениях – 5, в Наркомземе – 2, в Наркомздраве – 3, в Аздортрансе – 3, в прочих организациях – 9. Из указанной категории специалистов выявлены элементы, связанные с германскими гражданами» [162, с.63]. В годы массовых репрессий студенты, вернувшиеся на родину, были обвинены в шпионаже и деятельности по восстановлению политической независимости Азербайджана. Автор рассказал о судьбе Ашрафа Алиева, Аслана Везир-заде, Бахрама Гусейн-заде, Асильдара Муганлы, Махиша Сафарова, Искендера Рза-заде, Хилала Мунши, Рашидбека Топчибашева, Аббаса Атамалибекова, Адиля Муганлы, Усейна Шихиева, Мамеда Эфендиева, Мирисмаила Сеидзаде, Джафара Кязимова и Ахмеда Раджабли. Репрессированными оказались и те, кто был отправлен на учёбу в Германию в первые годы советской власти. Автор приводит в пример судьбы Али Рзы Атаева и Ибрагима Исмаил-заде.

Автор С.П.Пирсултанлы является филологом, специалистом по фольклору. Его книгу «*Mir Səfər Bağırov uaddaş-larda*» нужно воспринимать как сборник народных сказаний, легенд, мифов об исторической личности М.Дж.Багирова. Эти сказания создают героический образ чекиста, лидера партии и вообще настоящего мужчины. Сила народного художественного слова настолько велика, что народ верит в него и сохраняет в памяти. Хотелось бы привести пример. Народный сказ «*Qaçaq Məmmədqasım və Mir Səfər Bağırov*» раскрывает миролюбивый дипломатический честный образ чекиста Багирова. Речь идёт о начале 1920-х годов. Борьба с «бандитами» завершается тем, что глава чекистов создаёт условия, при которых антисоветски настроенные гачаги переходят границу и эмигрируют в Турцию [80, сс.21-22].

Другой рассказ называется «Stalin və Vağırov dostluğuna nümünə». Он повествует о дружбе М.Э.Расулзаде со Сталиным. Эта дружба была примером для Сталина и Багирова [80, с.45].

Тема репрессий лишь один раз отразилась в рассказе «Kinto» (по-грузински «марионетка», «танцор»). Рассказ о школьном учителе литературы Исрафиле Исмаилове. В 1937 году был арестован, но вскоре освобождён. Однако преподавать в крупных городах ему не разрешили. Он имел право преподавать только в отдалённых районах под контролем органов. Стал ежедневно пить спиртное. Во время одного урока он назвал Сталина кинто Багирова, а Багирова – кинто Сталина. И урок оказался последним. В 1949 году был сослан в Сибирь. Жена Мария последовала за мужем. После реабилитации ему выдали квартиру, пенсию [80, с.49].

Таким образом, устное народное творчество представляет Багирова гуманным, умным, добрым человеком. К сожалению, УНТ не отобразило период репрессий. Фольклор касается всех периодов деятельности Багирова, за исключением периода большого террора.

Несколько авторов выразили свои мысли об этом периоде в литературной форме. Например, в произведении писателя, журналиста Эльчина Гасанова описаны в художественной форме теракт против Багирова, допрос Багирова и его смерть. Прослеживается философский подход автора к событиям, нежели исторический. В некоторых аспектах выявляются даже мистические настроения. Одно ясно, автор верит в существование бумеранга, в то, что всё возвращается. К сожалению, описаны события только 1950-х годов, а тридцатые годы отсутствуют [25].

Со слов известных людей, поэтов, писателей своих знакомых, а также коллег – педагогов АПИ Гуси муаллим написал книгу о М.Дж.Багирове «Yaddaşlarda yaşanan ömür» [32]. Автор книги родился в 1937 году в Губадлинском

р.(село Махмудлу). Он был историком и работал в АПИ. Автор изложил эти рассказы и воспоминания о прекрасных отношениях Сталина и Багирова, благих делах Багирова, его честности, благородстве, милосердии, патриотизме. Деятели искусства рассказывали о его отношении к Самеду Вургуну, Узеиру Гаджибекову. В основном, Багирова характеризовали как человека слова. Вспоминали строительство метрополитена, правильную кадровую политику, заботу о народе даже в мелочах. Есть воспоминания о чекисте Багирове (двадцатые годы) и первом секретаре в годы войны (сороковые годы). Есть даже эпизоды, связанные со Степаном Федоровичем Емельяновым и Мир Теймуром Ягубовым. Мемуаристы дают высокую оценку деловым качествам Багирова: инициативности, объективности, оперативности и др. Много свидетельств о позитивном отношении к традициям ислама: корану, намазу и посту-оруджу.

Особый интерес представляют материалы, касающиеся неосуществлённой депортации азербайджанского народа в Казахстан и Алтай. Говорится о том, что Распоряжение Государственного Комитета Обороны о переселении азербайджанцев в Казахстан и Алтай в результате поездки Багирова в Москву было разорвано в клочья самим Сталиным [32, сс.70, 71,75, 76, 117, 118]. Некоторые рассказчики информировали автора книги о роли А.Микояна в принятии решения о депортации [32, с.51].

Автор называет Сталина и Багирова феноменальными личностями [32, с.67]. Он называет Багирова также пророком и мистическим героем.

К сожалению, в воспоминаниях нет места для кровавых сталинско-багировских репрессий 1930-х годов.

Фазиль Мамедов в книге «MİR Cəfər Abbas oğlu Bağırov (tərcümeyi-hala dair ştrixlər, yaxud tarixin həqiqəti-həqiqətin tarixi)» [63] считает, что оснований для многих предъявленных обвинений к Багирову нет. В азербайджанской истории Багирову принадлежит, по мнению автора, особая роль. Ав-

тор приводит несколько вариантов биографии Багирова, а также автобиографию, написанную ещё 29 января 1923 года и дополненную в 1953 году. Есть в книге и сведения о личной жизни Багирова, его семье и т.д. Например, очень трогательны рассказы о героической гибели сына Багирова лётчике-истребителе Джахангире (Владимире) в июне 1943 года. Гвардии старший лейтенант посмертно был награждён орденом Ленина. Есть сведения о другом сыне – Джене Багирове, который был учёным и жил в Москве. Есть сведения о других родственниках и даже внуке. Многие сведения очень волнительные. В основном, это выдержки из различных статей, опубликованных в периодической печати, а также интервью, писем, воспоминаний ...

В этой книге нет никаких сведений о массовых репрессиях 1930-х годов. По иронии, слово «репрессия» употребляется только 34 раза в связи с репрессией самого М.Дж.Багирова и его семьи со стороны «банды Хрущёва» [63, сс.115,130,131].

В следующем 2008 году увидела свет ещё одна книга Фазиля Мамедова «Mir Cəfər Bağırov: Xruşşovun qərəzli və sifarişli Bakı divanxanası» [64]. В книге опровергается злобная роль М.Дж.Багирова в совершённых репрессиях, показано, что суд над Багировым был предвзятым и заказным. Цель книги – оправдать, реабилитировать и отмыть от человеческой крови Сталина, Берию, Багирова. Автор многих свидетелей на суде над Багировым называет лжесвидетелями [64, сс.175-177].

Автор, ссылаясь на книгу Н.Байбакова «От Сталина до Ельцина» (1998), пишет, что идея создания концлагерей была предложена Троцким и закреплена в декрете Совнаркома в сентябре 1918 года, а сам декрет подписан Лениным. Что касается термина – клейма «враг народа», то он изначально относился к спекулянтам. Когда по приказу Троцкого и Свердлова расстреливали невинных мирных людей в ответ на «белый террор».

Автор, ссылаясь на журнал «Источник» (1995, №1, с.120) приводит статистические материалы. За 1936-1937 гг. 1.372.392 чел. были арестованы, 681.692 были расстреляны. В 1939 году произведено 33.924 ареста, 1940-м 87.109. В 1939-1940 гг. были расстреляны 4.464 чел. [64, сс.199-200].

Автор приводит различные цитаты из монографий, статей и интервью. Но они являются предвзятыми, т.к. имеют цель свести на «нет» образ Багирова, вроде «палач», «злодей», «тиран», «кровопийца», которые утвердились после уничтожения тысяч людей, зверски убитых в 1937-1939 гг. Теперь автор книги на повестку дня выдвигает новый, придуманный, вымышленный образ Багирова, отца народа, которого слишком строго судили и сурово наказали за деяния в годы сталинизма. Из всех руководителей союзных республик, по мнению автора, только М.Дж.Багиров оказался в «кандалах» мстительного Хрущёва. А другие спокойно доживали свой век [64, с.253].

Автор называет тройку Хрущёв-Маленков-Суслов бандитским отрядом [64 с.259].

Есть в книге и отрицательное мнение об издании «Mircəfər Bağırovun məhkəməsi» (1993 г.), о недоразумении между составителем Т.Алиевым (руководитель Архива МНБ) и свидетелем Гамар Ализаде после издания этой книги [64 сс.478-479].

Репрессия является методом работы и управления тоталитарного режима. Она опирается не на законы, а на диктатуру. Во время диктатуры господствует не закон над беззаконием, а беззаконие над законом. Об этом пишут Дж.Гасымов и Хагани Багиров в книге “Azərbaycanın təhlükəsizlik orqanlarının qısa tarixi (Dərslük)”, которая вышла в свет в 2008 году [51, с.92].

В результате карательной деятельности НКВД, авторитет существующей власти в народе во второй половине 1930-х годов сильно понизился. Поэтому власть предприняла соответствующие шаги: чистки и репрессии. В 1938 году

из органов безопасности было уволено 102 оперативных сотрудника [51, с.166]. Они, в основном, занимали руководящие должности. Следует отметить, что национальные кадры составляли меньшинство. Например, в центральном аппарате НКВД среди сотрудников только 12%, а в районах – всего 30% составляли азербайджанцы. В основном, они занимались технической работой [51, сс.166-167].

В 2019 году вышло ещё одно крупное издание Джалала Гасымова и Хагани Багирова “Azərbaycanın təhlükəsizlik orqanları 100 ildə: tarix və müasirlik” [52].

Это издание состоит из 17-ти глав. Наше внимание привлекла XI глава (стр.437-452), которая освещает тему репрессии сотрудников карательных органов, т.е. тех, которые прежде сами репрессировали, пытали, расстреливали, ссылали или убивали во время допросов.

Жертвами террора стали работники правоохранительных органов. Только в октябре 1937 года в НКВД СССР жертвами репрессий стали 318 сотрудников – они были расстреляны. С 1937 года до начала 1950-х годов в СССР по НКВД общее число жертв репрессий по неполным данным составило 370 тыс. человек [52, с.439].

«Верного и непоколебимого» Ежова расстреляли в 1939 году [52, с.440]. С.А.Панкратов, руководитель Особого отдела XI Красной Армии, а с 29 апреля до 14 мая 1920 г. председатель ЧК, был репрессирован и сослан [52, с.440].

2 января 1938 г. был расстрелян Алиев Баба Алиёлдаш оглы, а реабилитирован 23 марта 1955 г. [52, с.443]. Как известно, в 1920 году он был председателем АзЧК и Военного Трибунала [52, с.442].

27 сентября 1921 г. М.Дж.Багиров был назначен на пост председателя АзЧК. На этом посту он проработал до декабря 1927 года [52, с.443]. В 1929-1930 гг. снова работал на этом посту (АзГПУ). В 1956 году он тоже был расстрелян [52, с.444].

С 22 мая 1927 г. до октября 1929 г. председателем АзГПУ работал Ризаев Новруз Керим оглы. 30 июня 1941 г. был расстрелян, а 19 марта 1955 г. реабилитирован [52, сс.446-447].

6 августа 1930 г. председателем АзГПУ был назначен Михаил Петрович Фриновский, который проработал на этом посту до 30 апреля 1933 г. В 1936-1938 гг. работал на высокой должности в НКВД СССР. В сентябре 1938 года стал народным военно-морским комиссаром СССР. 6 апреля 1939 г. был арестован, а 4 февраля 1940 г. расстрелян, до сих пор не реабилитирован [52, сс.447, 448].

Авторы также дали информацию об Алексее Сергеевиче Агрбе (в 1938 году репрессирован), Ю.Д.Сумбатове-Топуридзе (арестован в 1953 году, умер в сумасшедшем доме), М.Г.Раеве (расстрелян в 1939 году), С.Ф.Емельянове (сослан в 1956 году). Они работали в органах безопасности Азербайджана в разные годы [52, сс.448-452].

Их жестокость по отношению к азербайджанскому народу вернулась к ним бумерангом. Иногда история бывает честной и справедливой, она может мстить за зло, причинённое добрым людям.

Хотелось бы отметить один факт. Дж.Гасымов и Х.Багиров пишут, что среди репрессированных сотрудников правоохранительных органов были и честные, порядочные люди, которые сопротивлялись тоталитарному режиму, не соглашались с проводимой политикой террора. Среди них был Эюб Ширин оглы Ханбудагов, которого расстреляли 13 октября 1937 г., а реабилитировали 26 декабря 1957 г. [52, с.441].

Монография Гасымова Шикара, посвящённая созданию и деятельности творческих союзов в Азербайджанской ССР в двадцатых-тридцатых годах XX века, также охватывает период политических репрессий. Этому периоду посвящён второй параграф третьей главы (сс.264-297). Автор утверждает, что в период 1937-1940 годов ежегодно в Азербай-

джане жертвами террора в результате сфальсифицированных обвинений становились 12 тысяч человек [53, с.269]. Автор анализирует причины репрессий творческой интеллигенции Азербайджана. Кроме этого, большой интерес представляет освещение различных литературных течений в Азербайджанской ССР накануне массового террора в конце 1920-х – начале 1930-х годов, разоблачительные выступления и высказывания литераторов и идеологов, которые несмотря на то, что представляли одно и то же поколение, вдруг превратились в непримиримых врагов. Автор видит причину раскола среди творческой интеллигенции в преднамеренно проводимой политике коммунистического центра, которая являлась продолжением старой имперской политики «разделяй и властвуй». Ширмой – обоснованием этой политики были «классовая борьба», «интересы пролетарского государства», «культурная революция» и т.д. [53, с.280].

Об очень трогательном эпизоде про арест семьи эмигрировавшего Султан бека Султанова повествует другая книга Гасымова Ш.М. [54]. Ссылная жизнь в Казахстане, соседство с семьёй М.Э.Расулзаде, общение с семьями гачагов, безуспешные по вине М.Дж.Багирова попытки вернуться в Баку вплоть до его суда в 1956 году – все эти эпизоды написаны интересно и живым языком [54, сс.301-302].

Впервые в азербайджанской историографии тему репрессий библиотечных работников исследовала Айпара Рустамова. При написании нашей монографии особый научный интерес представляют проблемы, раскрытые этим автором. Большой интерес представляет статья А.Рустамовой «30-cu illərin repressiyaları və Azərbaycan kitabxanaları» [87]. В этой статье освещаются трагические эпизоды, связанные с редактором Азернешра Ханафи Баба оглы Зейналлы, начальником Главлита Ибрагимом Абдулла оглы Эминбейли, директором Азернешра Ахмедом Триничем, директором Издательства политической литературы Казимом Алескеро-

вым. Их обвинили в членстве «Азербайджанской националистической партии». Автор также рассказал о репрессированном директоре Фундаментальной научной библиотеки АГУ Агамире Мамедове.

Автор подчёркивает, что, как известно, молодёжь и молодёжные организации в тридцатых годах подвергались гонениям. Одной из молодёжных организаций была «Gənc Azər», членами которой были не только студенты, но и библиотекари. Молодые люди читали запрещённую литературу. Достать эту литературу им помогали директор Библиотеки нефтепромышленников Мамед Зейналов и директор Бузовнинской библиотеки Мамедали Ализаде. Кроме того, их обвинили в том, что они организовывали тайный выезд молодых людей и студентов в Турцию для обучения [87].

Её монография «Azərbaycan SSR-də elmi-sahə kitabxanalarının yaranması və fəaliyyəti (1920-ci iyun 1941-ci illər)» [86], изданная в 2014 году, посвящена созданию и деятельности научно-отраслевых библиотек в Азербайджанской ССР в 1920-1941 гг. В четвёртой главе этой монографии рассматривается влияние массовых репрессий тридцатых годов XX века на деятельность библиотек.

Тема кровавых репрессий 1930-х годов являлась предметом научно-исследовательского интереса историка Азизы Назарли. В её монографии «Народное образование в Азербайджанской Республике (1918-1920 гг.)» рассказывается о деятелях просвещения и государственных деятелях Азербайджанской Республики, репрессированных в годы массового террора: Гамидбеке Шахтагинском, Худадатбеке Меликасланове, Нурмамедбеке Шахсуварове, Рашидхане Капланове, Джамобеке Гаджинском, Бююкаге Талыблы, Гусейне Джавиде, Гаджикериме Санылы, Ахмеде Раджабли, Исмаиле Ахундове [188, сс.184-188; 79, сс.204-206].

В другой монографии А.Назарли «XI Красная Армия в Северном Азербайджане: оккупация, расправы, бесчинства» [189] в главе второй §5 (на сс.110-120) под названием

«Жертвы и проводники оккупации в годы «массового террора» тридцатых» подчёркивается, что самым зловещим итогом советской оккупации явилось то, что были уничтожены те большевики, которые стояли у истоков советизации Азербайджана. Уничтожению подверглись и военные – с точки зрения советской власти герои гражданской войны, те, кто положил конец независимости Азербайджана. Весь состав Реввоенсовета, т.е. верные ленинцы, маршалы, кадровые большевики, был расстрелян. Таким образом, накануне войны 1941-1945 годов Красная Армия была обезглавлена [189, с.120]. В этой монографии Назарли также дала сведения о горькой судьбе студентов, посланных национальным правительством (1918-1920) учиться за границей [189, сс.71-75].

В монографии Азизы Назарли «Кадровая политика Азербайджанской ССР в культурно-просветительной сфере (1920-1953 гг.)», изданной в 2018 году в Москве [187], исследуется кадровая политика в культурно-просветительной области в самый противоречивый и сложный период советской истории – период сталинизма. В этой монографии §2 главы III (сс.178-217), который называется «Кадры культпросвета и состояние культурно-просветительных учреждений в период репрессий (вторая половина 1930-х гг.)» охватывает репрессии библиотекарей и клубных работников в годы массового террора.

Как известно, в продолжение долгих десятилетий после кровавого террора тридцатых годов имена репрессированных оставались запретными для озвучивания, так как были подвергнуты остракизму и вычеркнуты из жизни. Молодое поколение вообще ничего не знало об их деятельности, так как их творческое наследие было уничтожено. После «перестройки» забытые имена вернулись к нам. Стали издаваться труды некоторых светил науки. К числу таких изданий относится книга «Газиз Губайдуллин. Труды (статьи и выступления)», изданная в 2010 году [141]. В книге дана крат-

кая история жизни и деятельности Газиза Губайдуллина – учёного-тюрколога, профессора, востоковеда, публициста и писателя, последний этап жизни которого был связан с Азербайджаном. Кроме этого, здесь опубликованы его труды по различным вопросам истории тюркских народов («Пугачевщина и татары», «К истории шелководства в Азербайджане», «Вакуфные имущества Азербайджана», «Феодалные классы и крестьянство в Азербайджане в XIX веке», «К вопросу об идеологии Гаспринского» и др.). Также сюда включены архивные документы, извлечённые из архивов МНБ Азербайджанской Республики, ГААР и Национального культурного центра города Казань. Они относятся к репрессированию учёного. В предисловии Заслуженного деятеля науки, чл.-корр. НАНА Ягуба Махмудова указывается, что приложенные к сборнику материалы следствия подтверждают, что армяно-дашнакские палачи, облачившись в годы советской власти в большевистскую шинель и заняв важные посты в структурах НКВД, активно участвовали в истреблении великих сынов тюркских народов. Так, при повторном рассмотрении в 1956 году Военной коллегией Верховного суда СССР дела Г.Губайдуллина, было выявлено, что протоколы его допроса были умышленно искажены Григоряном, а ложный обвинительный акт был подтверждён самим главой НКВД Азербайджанской ССР Сумбатовым [141, сс.7-8]. Очень интересные факты из жизни и деятельности Г.Губайдуллина предоставлены Председателем Азербайджанского Республиканского общества татарской культуры «Туган тел» Гюльджан Мясоутовой в очерке «Навеки в памяти народной», который вошёл в это издание [141, сс.10-18].

Профессор Эльдар Исмаилов в монографии «Азербайджан: 1953-1956. Первые годы «оттепели»», посвящённой важному историческому периоду реабилитации репрессированных, пишет, что репрессиям подвергся заведующий клубом Микояновского района С.П.Шульга, педагог курсов

Наркомпроса А.С.Эфендиев, ректор Азербайджанского Государственного Университета Б.Д.Гасанбеков, директор Государственного архива М.А.Байрамов, бывший директор театра оперы и балета Мусеиб Шахбазов, директор Азербайджанского государственного драматического театра Керимов [155, сс.247,251].

В «Очерках по истории Азербайджана» Э.Исмаилова, опубликованных в 2010 году, страницы 296-305 под заголовком «М.Д.Багиров. Массовые репрессии» посвящены репрессивной истерии, развязанной высшим советским руководством и прежде всего Сталиным. Автор пишет, что бытует мнение, что в годы репрессий 1937-1938 гг. основной удар пришёлся на партийно-советскую элиту, военные кадры, деятелей науки и культуры. «Однако, – утверждает автор, – такое представление не соответствует реалиям. Как и во всей стране, в Азербайджане основная часть пострадавших являлась представителями «низов». В противном случае репрессии вряд ли достигли бы «статуса» массовых» [157, с.301].

Автор упоминает о «сталинских списках», куда в 1937-1938 гг. попали 830 человек из Азербайджана. Речь идёт о тех лицах, санкцию на расправу с которыми давал Сталин и некоторые другие члены Политбюро ЦК ВКП(б) на основании представлений республиканских органов, т.е. о номенклатурных кадрах [157, с.302]. Автор предполагает, что число репрессированных в Азербайджане в период «большого террора» составило не менее 80 тыс. человек [157, с.305].

Другая монография профессора Эльдара Исмаилова «История «большого террора» в Азербайджане», изданная в Москве в 2015 году [156], содержит глубокий анализ истории периода сталинских репрессий и раскрывает его особенности в условиях Азербайджана.

Э.Исмаилов пишет, что азербайджанские большевики ещё в двадцатые годы обвинялись в «национал-уклонизме».

Сталин был убеждён, что в национальных республиках «национал-уклонизм» является формой буржуазного национализма [156, с.23].

Историк Э.Исмаилов пишет, что Сталин понимал, что «большевизм многих из национальных коммунистов был иной пробы, чем большевизм российских коммунистов. В национальных районах бывшей Российской империи многие местные политические деятели примкнули к большевистской партии в надежде, что именно коммунисты лучше, чем кто-либо другой, могут способствовать реализации прав коренного населения. На деле же по мере укрепления государственной власти в стране всё более усиливалась тенденция к ущемлению прав национальных союзных республик и автономных образований. Это вызывало соответствующую реакцию и порождало соответствующие настроения на местах. Поэтому уже в 20-е годы борьба с национализмом приобретает всё более жесткий характер. Сталинское руководство то и дело отсекает от власти тех или иных партийных руководителей национальных республик на основании обвинений в национал-уклонизме. Так поступили с Буду Мдивани в Грузии, Нариманом Наримановым в Азербайджане, Христианом Раковским в Украине, Мирсаидом Султан-Галиевым в Татарии и многими другими. Позже против лиц, заподозренных в националистических отклонениях, принимаются всё более суровые наказания» [156, сс.23-24]. «Подлинной же причиной расправы с ними было их несогласие с национальной политикой», – считает автор [156, с.25].

Автор раскрывает причины репрессий. Он пишет: «Социальная база потенциально недовольных режимом и строем была достаточно широка ... используемые методы репрессивной политики не обеспечивали в должной степени искоренения антирежимных, антисоветских, антикоммунистических настроений. Усиление страха должно было сыграть роль катализатора эффективности проводимой идеоло-

гической обработки населения, окончательно избавить систему от «сомнительных» и «сомневающихся» элементов ... Позиция сторонников применения террористических методов борьбы с инакомыслием находилась в полном соответствии с их планами создания социализма в кратчайшие сроки» [156, сс.25-26].

История, как пишет Исмаилов Э., показала, что избранная большевиками в результате споров и конфликтов социалистическая модель содержала множество изъянов: «монополия на власть одной партии; монополия государственной собственности и монополия одной идеологии, характеризуемой как марксизм-ленинизм. В условиях существования этих принципов ни о каких гражданско-демократических свободах, ни о каком инакомыслии, о правовом государстве говорить не приходилось. Система взаимодополнения перечисленных трёх принципов могла быть обеспечена лишь репрессивным аппаратом, который «цементировал» выстроенное на этом фундаменте здание» [156, с.29].

Э.Исмаилов осветил предысторию большого террора, приближение к кровавым репрессиям, когда за высказанное мнение, не совпадающее с генеральной политикой компартии, можно было сильно поплатиться, прослав трюцкистом. Например, в 1935 году так произошло с директором одного из рабочих факультетов Кули Гусейновым, студентом Закавказской промышленной академии Ефимом Володиным и преподавателем медтехникума Ибрагимом Абидовым, которых исключили из партии, обвинив в контрреволюции и трюцкизме [156, сс.49,50,54]. В 1935 году по существу действовала установка – изолировать всех политически неблагонадёжных членов общества.

Как пишет Э.Исмаилов, вскоре после убийства С.М.Кирова «партийные и карательные органы повели более «решительную борьбу с крамолой». Выявление, привлечение к ответственности и наказание «сомнительных», «социально опасных», «контрреволюционных элементов» при-

обретало конкретный тотальный характер» [156, с.50]. Летом 1936 года начинается «большой террор» в СССР. «... Осенью 1936 г. в СССР, в том числе в Азербайджане, началась новая фаза поиска политических противников, отныне квалифицируемых термином «враги народа»» [156, с.71]. Если февральско-мартовский пленум ЦК ВКП(б) официально санкционировал старт тотальных репрессий в СССР, то в Азербайджане эту функцию выполнил мартовский пленум ЦК Компартии республики. Сразу после пленума на местах и в прессе развернулась бурная кампания разоблачения «врагов народа». Районные секретари один за другим рапортовали о проделанной работе [156, с.93].

Автор утверждает, что превалировала тенденция связать все неудачи хозяйственной деятельности с вредительской деятельностью врагов. С одной стороны, это позволяло партийным руководителям снять с себя ответственность за неудачи, с другой стороны, запугать угрозой политических обвинений других хозяйственных руководителей [156, с.124]. Все люди должны были проникнуться идеей создания нового общества, а сомневающиеся должны были исчезнуть, право на существование имели только не сомневающиеся. Иными словами, права на самостоятельное мышление политического свойства лишались все [156, с.70].

В июне 1937 года состоялся XIII съезд Коммунистической партии Азербайджана, который прошёл в условиях всё более громко раздающихся призывов выявить, осудить и уничтожить всех «врагов народа» [156, с.98]. «Обвиняя в измене репресслируемых, Багиров говорил, что они объединились в своей ненависти к социализму и советской власти с откровенными антисоветчиками. И в качестве примера антисоветской позиции привёл слова одного из лидеров азербайджанской политической эмиграции Мухаммедэмина Расулзаде, сказанные в конце 20-ых годов: «Мамед Эмин на страницах своего журнала «Ени Кавказ» написал, что палача азербайджанского народа Багирова посадили во главе

водного хозяйства. Думаю, что воды закавказских рек помогут ему смыть кровь азербайджанских сынов». Сам факт, что Багиров привёл на съезде эти слова, говорит о том, что глава большевиков Азербайджана был горд, что прослыл именно таким твёрдым исполнителем воли партии, пусть даже в качестве палача» [156, сс.108-109].

Уже в январе 1937 года начались аресты ряда известных литераторов и учёных-гуманитариев. 8 января был арестован писатель Бейюкага Талыблы, 26 января – старший научный сотрудник Института истории партии Гусейнали Билендерли, 28 января – научный сотрудник Института литературы и языкознания Ханафи Зейналлы, ректор Азербайджанского государственного университета, профессор экономист Балабек Гасанбеков, видный учёный-востоковед Беккир Чобанзаде и другие [156, с.80].

После пленума ЦК ВКП(б) (конец июня – начало июля 1937 г.) «последовали решения, которые придали новый импульс репрессиям». Эти решения были связаны с созданием так называемых троек и утверждением количественных показателей для лиц, подлежащих репрессиям. 10 июля 1937 г. последовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б), касавшееся Дальнего Востока, Азербайджана и Северо-Казахстанской области. В разделе об Азербайджане было сказано: «Утвердить тройку ... по Азербайджанской ССР в составе тт.Сумбатова, Теймура Кулиева и Джангира Ахунзаде» [156, с.110]. Был установлен лимит репрессируемых. Автор подчёркивает, что в данном постановлении было принято решение о расстреле 1500 человек, заключении в лагерях 3750 человек и выселении 150 семейств [156, с.111].

К концу 1937 года «план» по числу осуждённых был «успешно» перевыполнен. В среднем в 1937 году «тройкой» осуждались ежемесячно около 730 человек, из них к расстрелу приговаривались 460 человек. Приговоры «тройки» носили беспощадный характер. С июля по декабрь «тройка» заседала 32 раза. Она приговорила к расстрелу 2792, к за-

ключению в лагерях – 4425, освободила от наказания 31 человека [156, с.136].

31 января 1938 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «Об антисоветских элементах». Согласно этому решению, были утверждены «дополнительные квоты» на лиц, подлежащих репрессиям. По Азербайджанской ССР осуждению к высшей мере наказания подлежали 2000 человек, а 1000 людям должны были вынести приговоры о заключении в лагеря на длительные сроки. Всего по Союзу должны были быть осуждены 62200 человек [156, с.143].

По мнению автора, репрессии 1937-1939 гг. по характеру не являлись сугубо антиазербайджанскими, так как «большой террор» охватил весь советский народ без учёта национальной принадлежности и вероисповедания. Автор приходит к выводу, что «развал СССР был предопределён в значительной мере утратой многими народами бывшей единой страны доверия к России, как к стране, способной осуществлять лидерство на огромном евразийском пространстве». И скорбный час для ряда народов – депортации, ассимиляции и национальные репрессии – сыграли огромную в этом роль [156, с.198]. Автор признаётся, что он стремился при написании своей монографии к «зеркальному» изложению событий [156, с.199].

Э.Исмаилов совершенно справедливо опровергает бытующее мнение, что репрессии преимущественно коснулись представителей верхних эшелонов власти и интеллигенции. Автор в своей монографии утверждает, что репрессии затронули представителей «широких масс трудящихся» и подкрепляет эту мысль вескими документами и статистическим материалом [156, с.136]. Автор справедливо пишет: «И это было не случайно. Главная задача состояла в том, чтобы запугать простых людей, тех, кто мог составить главную силу возможного протеста, тех, от которых требовали выполнения народнохозяйственных планов, тех, кого совет-

ская власть лишила возможности либо сохранить своё богатство, либо его приобрести» [156, с.136].

Прав историк Исмаилов Э., который утверждает, что показания арестованных использовались для осуществления репрессий вне пределов Азербайджанской ССР. В этой связи характерны последствия ареста в январе 1937 года крупного учёного-востоковеда Бекира Чобанзаде. 27 июня на допросе он заявил о существовании пантюркистского «Все-союзного объединённого центра» во главе с заместителем председателя Совнаркома РСФСР Т.Рыскуловым, а в числе членов центра назвал имена выдающихся личностей, живших в других республиках СССР. Эти имена на самом деле были подсказаны ему следователями [156, с.115].

Историк Э.Исмаилов делает вывод о том, что «репрессии по отношению к азербайджанцам носили более суровый характер, чем ко многим другим национальным группам». За 1938 год были рассмотрены дела не менее чем 10000 человек. Только «тройкой» были рассмотрены дела в отношении 7241 человека. 5061 человек обвинялись в политических преступлениях и 2180 – в уголовных. Только за «анти-советскую агитацию» были осуждены на расстрел 1108 человек. Осуждали за «умысел на террор», за «вредительство» [156, с.169]. Э.Исмаилов утверждает, что с середины 1936 г. до середины 1938 г. было арестовано по политическим мотивам 13356 лиц азербайджанской национальности [156, с.170].

Исследователь приводит неоспоримый факт: было арестовано почти 15 тысяч человек, зарегистрированных в учётных ведомостях НКВД как «иранцы» – речь шла об этнических азербайджанцах [156, с.170]. Автор указывает: «Однако добиться искомой стратегической цели – навсегда закрепить в сознании людей мысль о совершенстве созданной социалистической модели – не удалось. И потому нет никаких оснований считать использованный метод государ-

ственного терроризма хоть в какой-то мере оправдавшим себя» [156, с.189].

В интересном «Послесловии» Эльдар Исмаилов дал характеристику некоторых российских изданий, касающихся темы большого террора, а также объяснил причины и указал виновников этих трагических событий.

Книга Мамеда Сулейманоглу (Мамедова) «Azərbaycan Tibb Universitetinin rektorları (Portret bədii-publisistik oçerklər)» [93] посвящена жизни и деятельности ректоров (директоров) Азербайджанского Государственного Медицинского Института. В книге отражены становление и развитие национального здравоохранения, достижения медицинской науки, а также проблемы медицинской сферы. Для нас большой интерес представили главы “Məndə siğarikən cahən... (Tağı Şahbazi)”, “Bir könül sındırmışığı – bir ünvan itirmişik (Nadir Məmmədli)”, “Son ucu ölümsüz dünya (Mövsum Qədirlı)”, “Həqiqət nazildi, üzülmədi (Müseyb Hüseynov)”. Личности, которым посвящены вышеназванные главы книги, объединяют многие моменты: единая судьба, единая душа, единое мировоззрение. Но главное состоит в том, что их объединяет единая трагедия – они стали жертвами большого террора.

Как видно из названий глав-очерков, они носят художественно-публицистический характер и написаны от души и эмоционально. А для нас, исследователей, книга представляет определённый интерес, так как в ней можно почерпнуть сведения о репрессированных ректорах вуза, который готовил высококвалифицированные медицинские кадры для родного народа.

Мамед Сулейманоглу отметил, что жертвами сталинского террора стали свыше 30 тысяч азербайджанских интеллигентов [93, с.125].

Одним из авторов, который написал несколько книг о людях, подвергшихся репрессиям тридцатых годов XX столетия, является исследователь и архивариус Аслан Кенан.

В книге Аслана Кенана «XX əsrdə repressiyalara məruz qalanlar», опубликованной в 2011 году [2], собраны 29 очерков-рассказов о судьбах выдающихся личностей, живших в тридцатых годах XX века в Азербайджанской ССР. Большинство этих очерков посвящено трагической, но славной судьбе людей, подвергшихся репрессиям, например Али Назиму, Вели Хулуфлу, Ахмеду Джаваду, Гусейну Джавиду, Микаилу Мушфигу, Салману Мумтазу, Сейфулле Шамилову, Таги Шахбази, Ульви Раджабу, Аббасу Мирзе Шарифзаде, Ханафи Зейналлы, Сеиду Гусейну, Юсифу Везиру, Ахунду Мирмухаммеду Керим аге и др. Автор использовал большое количество архивных материалов, хранящихся в государственных архивах Азербайджана, в том числе архиве Министерства Национальной Безопасности. Здесь освещены материалы следственных дел, проводимых допросов, вопросы следователей и ответы допрашиваемых. При этом автор критикует политический режим и его идеологию, которые психологически ломали личность, уничтожали людскую память и превращали человека в манкурта [2, сс.4-5]. Автор подчёркивает, что он основывается на историзм – исторические факты и опыт, а противопоставление личностей друг против друга не является его целью.

Порою судьба арестантов и ссыльных складывалась более трагически, чем это можно себе представить. Например, в одной из статей Аслана Кенана [3] рассказывается о судьбе Джафара Сафар оглы Багирова, который родился в бедной семье в 1912 году в сел. Десте Ордубадского района. До 1931 года был рабочим, а в 1931-1937 годах – служащим типографии. Имел среднее образование. К моменту ареста работал ответственным секретарём газеты «Kirovabad bolşeviki». Что послужило основной причиной ареста Д.Багирова? В его доме нашли русско-тюркский словарь, составленный личным врагом Мир Джафара Багирова, «врагом народа» Рухуллой Ахундовым. Кировобадскими энквэдэшниками Лихачевым и Пановым был составлен об-

винительный акт из пяти пунктов. Ему присудили 10 лет лишения свободы. В товарном вагоне 1 января 1938 года он был отправлен в трудовой лагерь. Автор приводит факты из ссыльной жизни Джафара Багирова, которые невозможно прочесть с равнодушием. В вечной мерзлоте из-за тяжёлой работы арестант заболел тяжёлой формой пневмонии. От верной смерти его спасли врачи-арестанты Кузнецов и Родионов, которые в прошлом работали в Кремлёвской больнице, но потом были оклеветаны и репрессированы. Когда Джафар Багиров выписался из больницы, истекли 10 лет плюс 3 месяца ареста. Теперь арест заменили ссылкой, но вернувшегося Джафара в лагерь не приняли, т.к. предполагали, что он умер, и имя его было вычеркнуто из списка. В списке живых он тоже не значился. Его личное дело уничтожили, а Джафару некуда было идти, даже переночевать в Норильске было негде. Когда он объяснял ситуацию, ему не верили, говорили, что Д.Багиров мёртв. Случайно с помощью одного арестанта, который забирал их на работу, ему удалось проникнуть в лагерь и продолжать там жить. Ещё один трогательный и опасный эпизод связан с тайным посещением Гянджи с целью увидеть проживавшую там мать. В 1955 году он получил реабилитацию.

В другой книге Аслана Кенана «Arxivlərdən gələn səslər», изданной в 2020 году [1], также есть очерки о репрессированных гражданах Азербайджанской ССР, например о писателе и драматурге Гусейне Джавиде, ашуге Микаиле Азафлы, актёре Казыме Зие и др.

Автор приводит факты из жизни людей, характеризующие моральную обстановку того времени. Например, он с сожалением пишет о том, что ашуг М.Азафлы ещё в школе узнал, что такое несправедливость. В результате случайно пролитого чернила на фотографию «отца народов» он вынужден был превратиться в изгоя и беженца. Директор школы, узнав о предстоящем аресте Микаила, помог ему бежать в Геранбой, где жили родственники. Однако род-

ственники отказались приютить маленького Микаила, так как боялись существующего страшного режима в стране. Бедолага вынужден был бродяжничать и ночевать то в склепах старых кладбищ, то в лесу, привязав себя к дереву. Впоследствии взрослый Микаил был арестован, став жертвой клеветы и доноса своего товарища на него. Однако, к счастью, выжил и через несколько лет вернулся домой. Этот товарищ навестил М.Азафлы как ни в чём не бывало. К несчастью, доносы были обычным явлением [1, сс.45-50].

Аслан Кенан пишет о том, что в начале 1937 года репрессии были направлены против театральных актёров. В первую очередь были арестованы Аббас Мирза Шарифзаде и Ульви Раджаб. Следователи прорабатывали доносы на «контрреволюционеров-националистов», актёров Алескера Шарифова, Мирзаагу Алиева, Рзу Афганлы, Нусрета Фатуллаева, Казыма Зию. Автор приводит следующий эпизод: народная артистка Азербайджанской ССР Фатма Гадри рассказывала другой народной артистке Лейле Бедирбейли о том, что она не могла по ночам сомкнуть глаза, так как знала, что её, Мирзаагу Алиева и Казыма Зию собирались очернить и арестовать. Мирзаага Алиев по ночам звонил и спрашивал: «Как дела? Ещё не пришли?» Фатма ханым отвечала: «Нет!». Мирзаага Алиев восклицал: «Слава Аллаху!». Однако Казыму Зие и Мирзааге Алиеву не удалось обойти колесо репрессий. Казыму Зие не простили того, что ещё 13 ноября 1935 г. в качестве свидетеля он дал на допросе положительные показания на арестованного Ахмеда Тринича, служившего в 1918 году в армии Нуру-паши. Тогда Казым Зия свидетельствовал, что не видел жестокости и убийства со стороны Тринича. Только в марте 1918 года он, стоя у ворот своего дома, видел А.Тринича и слышал, как Тринич обратился к людям со словами: «Братья, не бойтесь, турецкая армия на подходе». Впоследствии в период национального правительства он видел Тринича в офицерской форме. Эти хорошие и правдивые слова о Триниче послу-

жили поводом для навешивания на Казыма Зию ярлыка контрреволюционера и повстанца и его ареста в 1938 году. Разрешение на арест и ордер на обыск в доме подписал Борщёв. Однако, к счастью, артиста освободили и отпустили [1, сс.54-59].

Автор также пишет о том, что только за чтение дома литературы на арабском алфавите 14 октября 1937 г. был арестован отец тариста Эхсана Дадашева Алиаббас Дадашев. Суд, состоявшийся 22 ноября 1937 г., приговорил его к 5 годам лишения свободы и отправил в вечную мерзлоту России [1, сс.92-93].

А.Кенан считает, что в годы репрессий из Азербайджана в Сибирь, Казахстан и другие отдалённые российские регионы, куда не ступала нога человека, в вечную мерзлоту было отправлено около 100 тысяч интеллигентов, военных, деятелей культуры и искусства, учёных, поэтов, писателей [1, с.92].

И в этот период профессор Джалал Гасымов успешно продолжал свои исследования.

Книга профессора Джалала Гасымова “*Bolşevik qırşunun qırbanları*” [43] вышла в свет в 2011 году. Она является книжным вариантом специального выпуска газеты “*Sərhəd*”, опубликованного под названием “*Yaddaşın bərpası*” в 2000 году. Профессор Яшар Гараев в отзыве «*Əsrin ölüm siyahısı*» (Список смерти века) пишет, что списки репрессированных и расстрелянных людей в 1937-1939 годах раскрывают дьявольскую сущность существовавшего режима. Он указывает, что неправильно подходить к этому списку исключительно как к статистической цифре; список даёт основу для раскрытия истинной сущности режима, лишая его ангельского облика и обнажая его демоническое лицо.

Опубликование именного списка очень важно и необходимо, это – восстановление нашей памяти, это – реальная реабилитация забытых имён. Прав профессор Я.Гараев, ко-

торый считает, что когда правда остаётся под запретом, зло и преступление возрождаются, история повторяется, и только исповедь и раскаяние расчищают путь к святилищу и истине от замков, клеток и колючей проволоки и даже превращают преступника и грешника в невинного, которого можно помиловать и оправдать.

Подобные трагедии, такое количество списков жертв стали возможны отчасти потому, что в советское время ответственность перед людьми была заменена ответственностью перед идеями и догмами. Ещё большая трагедия может произойти, когда в обществе начнёт теряться ответственность и за людей, и за идеи (и за то, и за другое сразу!). Этот список может спасти нас от страшной исторической перспективы [43, сс.12-15].

Автор книги Дж.Гасымов отмечает, что 1937-й год остался в памяти народа как год горя, год боли. Проводниками трагедии были Сталин, Берия, Багиров. Например, Багиров мог публично обвинить любого специалиста, назвав его «врагом народа», «предателем родины», а следователи уже после вердикта руководителя республики доказывали, что этот человек действительно таковым является. Зачастую виновный сам не понимал, в чём он провинился [43, с.25].

Автор образно пишет, что советский тоталитарный поезд, стартовавший из Москвы, вступил в провинции со своими эшафотами, виселицами, палачами, камерами смертников и вагонами для ссыльных, и для того, чтобы осуществить большевистский метод правления, можно было вонзить пулю деспота и штык диктатора в грудь любого человека, добываясь его физического и телесного уничтожения [43, сс.27-28].

В именном списке – фамилии людей, представителей различных национальностей и специальностей от 15 до 95 лет. Автор тоже считает, что нельзя рассматривать списки как статистические данные, это – судьбы людей [43, с.30].

На с.201 третьим в списке лиц, расстрелянных в ночь с 8 на 9 января 1938 г., значится Назарли Гаджибаба Гаджи Алескер оглы (Nəzərli Hacı Əskəroviç). В этом списке было 45 человек [43, с.203]. Многие имена показались слишком сложными для безграмотных и тупых следователей – не азербайджанцев, и по этой причине они писали их неправильно. Автор книги указывает, что постарался дать имена в той форме, как они писались в русском варианте не азербайджанскими работниками НКВД. Многие документы расстрелянных оформлялись с орфографическими ошибками [43, с.30].

В книге Дж.Гасымова «Azərbaycan folklorşünasları (1920-1950)», которая была опубликована в 2015 году [40], повествуется об азербайджанском фольклоре и его представителях, среди которых было немало репрессированных. Например, в этой связи интерес представляют очерки о Салмане Мумтазе, Юсифе Везире Чемазминли, Бекире Чобанзаде, Вели Хулуфлу, Ханафи Зейналлы, Эмин Абиде Ахмедове и Бахлуле Бехджате (Эфендиеве).

Автор отмечает, что жертвы репрессий были ценнейшими собирателями и исследователями образцов культуры, фольклора и национально-духовного богатства нашего народа. К сожалению, многие биографические данные о них почерпнуты из следственных дел. Автор пишет, что нашим гражданским долгом является объективная оценка азербайджанских учёных, в т.ч. исследователей фольклора, [40, сс.8-9].

В книге Дж.Гасымова “Vəli Xuluf lu”, изданной в 2016 году [48] рассказывается о жизни, деятельности, творчестве, судьбе семьи известного учёного – филолога, специалиста по фольклору Вели Хулуфлу.

Эта книга является первой исследовательской работой о Вели Хулуфлу. Автор пишет, что он постарался понять всю боль репрессированной интеллигенции и дать оценку жертвам не с позиции большевистского следователя (критика), а

с позиции национальной интеллигенции [48, с.12], с точки зрения требований и принципов не XXI века, а 1920-х – 1930-х годов. Автор показал цензуру и запреты исследуемого исторического периода и весь ужас, царивший в общественно-политической жизни [48, с.13].

Автор анализировал и ввёл в научный оборот многие труды В.Хулуфлу, которые ранее были малоизвестны и не изучены – его книги “Yeni türk əlifbası ilə yazı qaydaları” (1925), “Panislamizm, imperializm və ruhaniyyət” (1928), “İmla lügəti” (1929), “Din və qadın” (1930), “Din və mədəni inqilab” (1930), “Səlcuq dövlətinin daxili quruluşuna dair” (1930), “Məhərrəmlik münasibətilə” (1932), а также статьи “Azərbaycan xalq dili lüğəti”, “II imla konfransının yekunları”, “İran və Turan” и др. [48, с.15].

Автор признаёт, что стремился вывести на чистую воду всю подлость советской идеологической системы, которая превратила учёного Хулуфлу в «атеиста», «безбожника», в то время, как учёный-востоковед на самом деле высоко чтит религию и религиозные традиции [48, с.14]. Автор старался создать общее впечатление о том, что мог высказать и не мог этого сделать учёный в условиях запретов советской системы [48, с.15]. Дж.Гасымлы пишет о том, что репрессированными оказались не только отдельные жертвы – индивидуумы. Репрессии подверглось само национальное самосознание азербайджанского народа. Удар был нанесён национальной идеологии, истории, географии, литературе, культуре, языку, религиозным традициям и литературным памятникам [48, с.33].

В книге Гасымлы приведены документальные источники, извлечённые из архива Министерства Госбезопасности. По этой причине книга читается с большим интересом. Автор осветил процесс следствия. Во время допроса следователь Аванесян упрямо и долго выяснял, откуда у В.Хулуфлу оказалась книга М.Э.Расулзаде “Rusiyanın siyasi vəziyyəti” (Политическое положение России) (1926). Она была изъята

во время проведённого обыска в квартире В.Хулуфлу 27 января 1937 г. Это приравнялось к антисоветской, контрреволюционной деятельности [48, сс.41-44]. Через 2 дня на очередном допросе уже выяснялось, откуда взялась книга Л.Троцкого [48, сс.44-46].

Освещена судьба жены Вели Хулуфлу – Фатьмы – 8 лет в исправительно-трудовом лагере (с 10.04.1938 г.). Её сыну Чингизу было 14 лет, а дочке Сундуз – 15 лет. 10 апреля 1946 г. срок истёк, но в Баку ей жить не разрешили. Пришлось пожить у сестры в Гяндже, затем у дочки в Мингечауре [48, сс.55,59,60]. Она жила в большой нужде, т.к. её квартира и всё имущество было конфисковано во время ареста. Это видно из приведённых автором книги писем Фатьмы Хулуфлу в различные государственные органы СССР в 1950-х годах. После огромных усилий она, наконец, получила справку о реабилитации мужа 17 ноября 1956 г. Решился и квартирный вопрос Фатьмы ханум. 15 февраля 1957 г. она сама была реабилитирована [48, сс.63-66].

В книге приведены грустные воспоминания дочери Сундуз о жизни без отца и матери [48, сс.66-68].

В 2018 году вышла в свет ещё одна книга Дж.Гасымова о великой исторической личности – языковед-тюркологе Бекире Чобанзаде [41]. Предметом научного исследования автора является жизнь великого учёного всего тюркского мира Б.Чобанзаде, его литературоведческая, фольклороведческая деятельность, художественное и публицистическое творчество, а также деятельность в организации и проведении Первого Всесоюзного Тюркологического съезда. Б.Чобанзаде оставил после себя богатейшее наследие. Советский тоталитарный режим, как пишет автор, ставил цель уничтожить национальный интеллект. Но советская империя не достигла своей цели. Доктор филологических наук Сейфеддин Рзасой в «Предисловии» отметил, что наследие Б.Чобанзаде доказывает, что понятие географии Родины и

любви к Родине намного шире и глубже понятия родины тысяч диктаторов и их рабов [41, с.12].

Автор пишет, что советской власти нужны были новые люди. Для воспитания новых людей нужно было подготовить такие кадры, которые отрицали бы классическое наследие и проявляли к ней нигилистическое отношение. Однако нелегко было отказаться от национального сознания и традиций, которые уже сформировались в умах людей. По этой причине появилась необходимость подчинить литературу, искусство и культуру системе марксистско-ленинских взглядов. [41, с.16]. Б.Чобанзаде подходил к научно-теоретическим проблемам с точки зрения общетюркского контекста, общетюркской плоскости, а не с точки зрения какой-либо одной тюркской национальности. Он старался решить глобально проблемы языка, орфографии, литературы и фольклора. Такой концептуальный подход был важен для изучения этногенеза и корней тюркских народов, хотя это шло вразрез с интересами империи. За свои научные убеждения мыслитель и учёный поплатился жизнью. Его казнили как вредителя, контрреволюционера, пантюркиста, панисламиста.

В другой книге Дж.Гасымова «Birinci Türkoloji Qurultay: şahidlər və şəhidlər», посвящённой Первому Тюркологическому съезду [42], исследуется культурное, политическое, художественное, философское значение этого съезда. На основе документальных материалов автор освещает роль этого съезда в тюркологической науке, а также истории тюркских народов и их судьбе, причину репрессий участников тюркологического съезда.

Исследование богато фактическим материалом и носит концептуальный характер. Оно состоит из 6 глав, в которых исследуются значение съезда, его проведение и повестка, резолюции, принятые в различных областях тюркологии – языка, краеведения, орфографии, этнографии, истории, методики обучения. Для нас большой интерес представляет V

глава (с.151-552), в которой даны очерки об участниках тюркологического съезда, многие из которых были репрессированы. В VI, последней, главе приводятся документы НКВД и фотографии (с.553-723).

В 2020 году была переиздана монография Дж.Гасымова «Siyasi repressiya: həyatda və ədəbiyyatda» [47]. В ней на основе архивных материалов исследуется судьба знаменитых азербайджанских мыслителей, писателей и поэтов, театральных деятелей, подвергшихся репрессиям 1920-1950-х годов. Основу предмета исследования составляют, кроме того, ущерб и удары, которые были нанесены нашим литературным дискуссиям, а также религиозным, национальным, нравственным и воспитательным ценностям. Освещаются такие актуальные проблемы, как личность и время, национальное мышление и классическое культурно-литературное наследие в период советского тоталитаризма, когда репрессия была средством управления и методом работы.

Автор подчёркивает, что репрессии в большей степени применялись к массовым сферам деятельности. Например, драматические произведения «Ölülər», «Seyda», «Şeyx Sənan», «Aydın» и др. подвергались литературным судам, которые полностью преследовали политические цели. Не учитывались ни жанр произведения, ни метод, ни замысел писателя. Если литературные образы не соответствовали требованиям нового общества, они подвергались суровой критике. Основная цель была объединить новое поколение вокруг советской литературы и социалистического реализма. Автор пишет, что в театральной сфере тоже искали националистов. Были расстреляны такие выдающиеся личности, как Али Керимов, Ахмед Тринич, Аббас Мирза Шарифзаде, Ульви Раджаб. Преследованиям подвергся Казим Зия Казимзаде [47, сс.492,493].

Хотелось бы остановиться на одном моменте, который привлёк наше внимание, так как об этом мы прочитали и

узнали впервые. Автор рассказал о литературном жанре «марсия», который в первые советские годы был вытеснен со сцены и жизни, так как его объявили вредным с идеологической стороны. Создатели «марсия» были арестованы, расстреляны или сосланы в Сибирь как люди, которые внушали народу пессимистические настроения и, якобы, являлись поэтами-националистами и буржуазными специалистами.

Один из специалистов по «марсия» Агададаш Дервиш Ханафи оглы Алекперов, невзирая на усиленные преследования религии, продолжал создавать произведения, пропагандировать религию, и за это был арестован 16 декабря 1937 г. Автор отмечает, что это был не первый арест «марсияхана». Впервые его арестовали ещё в 1926 году, во второй раз как контрреволюционер-националист он был арестован 8 февраля 1930 г. В 1931 году приговорён к трём годам ссылки в Сибирь, вернулся в 1934 году в Азербайджан. Вернувшись, он снова, как прежде, пишет «марсия» и борется за существование этого жанра. На момент ареста в третий раз он работал сторожем, его жена Зибя – уборщицей, а сын Аловсат – актёром. Было проведено только два допроса. 31 декабря 1937 г. на заседании «тройки» НКВД Азербайджанской ССР был обвинён в контрреволюционной работе против советского правительства и распространении клеветы на советскую власть и приговорён к расстрелу с конфискацией имущества. Арестованный 16 декабря 1937 г. А.Д.Алекперов был расстрелян 16 января 1938 г. Автор Дж.Гасымов подчёркивает, что единственная вина Агададаша Дервиша состояла в его верности религиозным ценностям, в том, что он не забывал Бога, в его связи и общении с Аллахом. Он претендовал только на то, чтобы стать Божьим человеком [47, сс.231,232].

В монографии Дж.Гасымова «Xalid Səid Xosayev» [45], опубликованной в 2021 году, исследованы жизнь и деятельность выдающегося учёного-тюрколога Халида Сеида Ход-

жаева, его заслуги в подготовке и проведении Первого Всесоюзного Тюркологического съезда, его переводы, научно-публицистические издания, а также дана информация о судьбе этих трудов. Основываясь на богатый архивный материал, автор представил в распоряжение широкой читательской аудитории и научной общественности труд, освещающий невосполнимый ущерб, который был нанесён учёным-тюркологами и тюркологии в результате политических репрессий.

Особняком от всей литературы о репрессиях стоит книга Теюба Гурбана «Düşmənlərindən güclü şəxsiyyət». Она была издана в 2011 году [101]. Книга привлекает внимание тем, что посвящена деятельности Мир Джафара Багирова, которая оценивается автором только с положительной стороны. М.Д.Багиров представлен как национальный герой, сдерживавший обороты кровавых репрессий в республике. Благодаря ему, якобы, в Азербайджанской ССР было расстреляно «всего лишь» 750 человек, то есть меньше, чем в других республиках.

Что же касается сборника документов «На имя Багирова, за подписью Багирова», составленного Теюбом Гурбаном и изданного в 2016 году, то, к сожалению, документы, касающиеся репрессий ценных азербайджанских кадров, не вошли в него, несмотря на то, что в «Содержании» сборника выделены по главам все периоды истории руководства республикой Мир Джафаром Багировым и даже предыдущий период. Например, выделены 1920-е годы, 1930-е годы, 1940-е годы и 1950-е годы [186]. Интересующий нас период 1930-х годов (на сс.42-106) представлен материалами Архива Общественно-политических Документов Управделами Президента Азербайджанской Республики, использованными Теюбом Гурбаном для своих публикаций. В частности, приведены стенографические отчёты совещания при ЦК АКП(б) советских писателей (1934), протокол заседания Комитета по изданию Азербайджанской Советской Энциклопедии.

лопедии (1936), Постановление Бюро ЦК АКП(б) «О республиканской газете на немецком языке» (1936), Постановление Бюро ЦК АКП(б) «О составлении учебников по азербайджанской литературе» (1936), переписка М.Дж.Багирова и прокурора Союза ССР А.Вышинского (1936), Заявления Зав.Совторготделом ЦК КП(б) Азербайджана Бренер о депутатах (1937), Постановление Всеазербайджанского Центрального Исполнительного Комитета и Совета народных комиссаров Азербайджанской ССР о новой опере «Кёр-оглы» заслуженного деятеля искусств композитора Уз.Гаджибекова и пьесе «Хаят» молодого драматурга Мирзы Ибрагимова (1937), Постановление Бюро ЦК АКП(б) «О закрытии мечети иранцев» (отношение НКВД Азербайджана) (1938), Постановление Заседания Бюро ЦК АКП(б) Азербайджана «Об учёте, проверке и утверждении работников НКВД» (Телеграмма тов.Сталина от 14.XI.1938 г.), письма С.Мумтаза, У.Гаджибекова и М.Рафили Багирову и др. В этих документах проявляется дух эпохи сталинизма: несмотря на позитивные сдвиги в развитии азербайджанской культуры, искусства и литературы, прослеживается страх азербайджанской интеллигенции перед репрессиями. Но материалов, касающихся непосредственно кровавых репрессий представителей интеллигенции, к сожалению, в сборнике нет.

В сборник включено письмо секретаря ЦК КП(б) Азербайджана М.Дж.Багирова в ЦК ВКП(б) Сталину от 26 декабря 1937 г., в котором он подтверждал июньское предупреждение Сталина о том, что аппарат НКВД Азербайджана может подвести. Багиров писал о том, что он принял участие в допросах, чтобы выявить участников контрреволюционной работы в Азербайджане. Багиров сопоставил связи в прошлом и взял под подозрение бывшего заместителя НКВД Герасимова, по словам Багирова, «главного руководителя контрреволюционной работы в НКВД Азербайджана», а также ряд других сотрудников. Также Багиров жало-

вался Сталину на Альтмана, сотрудника НКВД, оставленного за старшего, который должен был информировать его о ходе следствия для принятия дальнейших мероприятий, но вместо этого вел проверку личности самого Багирова, в частности требовал предоставить архивный материал о его национал-уклонизме и инциденте, созданном в 1928 году Морозом [186, сс.86-88]. Письмо Сталину свидетельствует о том, что Багирова волновало только его собственное положение. Он жаловался на тех, кто наступал «ему на пятки».

В другой книге Теюба Гурбана «Yüz tələbə, yüz tale» [102], посвящённой судьбам 100 студентов, отправленных правительством независимой республики получать высшее образование в зарубежных вузах Турции и Западной Европы, есть сведения о репрессиях многих из них, которые вернулись в Азербайджан. Например, Т.Гурбан рассказал о судьбе Исрафила Ашрафова [102, сс.108-114], Бахрамбека Гусейнзаде [102, сс.156-159] и др.

Обычно историографический обзор охватывает монографии. Но хотелось бы остановиться на некоторых статьях, которые привлекли наше внимание.

Интересна статья Севиндж Алиевой «Из истории сталинских репрессий на Кавказе» [111], в которой отмечается, что в 1930-1940-е годы значительная часть мусульманского населения Кавказа по различным обвинениям подверглась репрессиям. Репрессии осуществлялись под предлогом борьбы с буржуазным национализмом, пантюркизмом и панисламизмом.

Автор этой статьи рассказывает об антиколхозном повстанческом движении 1930-х годов. 19 мая 1930 года азербайджанский повстанческий отряд из 10-12 человек перешел границу у сел. Хнов Рутульского района и проник на территорию Южного Дагестана. Началось восстание хновцев, поддержанное жителями села Борч. Повстанческие отряды из Азербайджана сконцентрировались в районе Салаватского перевала (300 чел.). На подавление восставших

районов Азербайджана и Дагестана советская администрация направила воинские части. Были перекрыты проходы из Дагестана в Закаталы, чтобы не допустить прорыва повстанцев в Азербайджан. Советские войска подавляли восстания, арестовывали участников и забирали в заложники местных жителей. В результате, восстание в Хнов с участием азербайджанских повстанцев, как и другие, было подавлено. Тем не менее, протестные настроения оставались весьма мощными. В этот период, помимо выступления повстанцев в разных районах Дагестана, фиксируется массовый выход местных жителей из колхозов [111, с.141].

Алиева С. пишет, что цель всех этих репрессий – уничтожение потенциальных и активных противников, а также устрашение народа. Как известно, во главе советского режима стоял единоличный лидер И.Сталин, который принимал все важнейшие решения, что привело к утверждению его культа личности. Автор утверждает, что по оценке некоторых экспертов нельзя всю вину возлагать на одного Сталина, виной всему является сама доктрина большевизма. Однако нужно признать, пишет автор, что и до Сталина, и после него советское государство не знало таких репрессий и столь жестокого обращения с гражданами. Автор также отмечает, что, поскольку сталинское видение путей эволюции советской государственности было в основе мероприятий того времени, его личное отношение к отдельным народам в значительной степени повлияло на принятие в отношении некоторых из них самых суровых решений. Репрессии коснулись всех слоев населения, возникали невероятные дела против тех, кто подозревался в приверженности национальному мышлению, а не советским штампам [111, с.143].

Автор справедливо пишет и об «азербайджанском Сталине» – М.Дж.Багирове, обвиняя его в жестокости, «культе личности». Автор указывает, что в годы сталинских репрессий с территории Азербайджана было выслано в ссылку бо-

лее 100 тысяч представителей интеллигенции, военнослужащих, деятелей культуры и искусства, ученых, писателей, учителей, религиозных служителей. А это значит, что была уничтожена значительная часть образованного, духовного слоя общества [111, с.145]. Автор также утверждает, что согласно данным посольства Азербайджанской Республики в Казахстане, в годы сталинских репрессий в Казахской ССР было убито 150000 азербайджанцев, 28000 из которых были расстреляны без суда и следствия [111, с.146].

Осмысливая поставленную научную проблему, С.Алиева попыталась определить особенности современного общественного мнения по данному вопросу. Оказалось, что опрошенные – граждане Азербайджана с высшим образованием считают, что сталинские репрессии в Азербайджане были направлены на уничтожение азербайджанской нации, а потому являются преступлением. По мнению респондентов, в годы сталинских репрессий был уничтожен цвет азербайджанской интеллигенции [111, с.151].

В 2015 году была опубликована монография Аслана Халилова «Azərbaycan SSR 1920-1930-cu illərdə: hakimiyyət-daxili qarşিদurmalar» [29]. В этой монографии комплексно исследуется трагическая история противостояния различных партийных группировок внутри коммунистической партии, партийного руководства и власти, которые автор характеризует как хронические и беспринципные. Пятая глава (сс.425-502) монографии посвящена номенклатуре в годы массовых репрессий (1936-1938 годы). Автор выделил 3 периода в этом процессе: подготовительный период массовых репрессий, который охватил 1933 – первую половину 1936 года, первый этап массовых репрессий, охвативший вторую половину 1936 – начало 1937 года, и второй этап массовых репрессий, охвативший время с лета 1937 – по 1938 год. Автор раскрыл поводы для репрессирования номенклатурных работников, основным из которых был, якобы, «национал-уклонизм», термин, используемый Стали-

ным в качестве оружия против антисталинских национал-коммунистов, стоявших в оппозиции к партийной верхушке [29, с.506].

В книге Сарваза Гусейноглу [28] рассказывается о жизни и деятельности жертвы репрессии 1937 года, выдающемся мастере сцены Ульви Раджабе, который трагически ушёл из жизни в 35 лет. На основе фактов автор исследует в основном достижения Ульви Раджаба в области театральной сцены и анализирует эстетические достоинства сыгранных им ролей. Народный артист Гаджиага Аббасов отмечал, что режиссёр А.Туганов в 1925 году привёз Ульви Раджаба из Тифлиса и поручил играть роль Гамлета. Артист остался в истории и памяти людей как «азербайджанский Гамлет». Народный артист Рза Тахмасиб всегда плакал, вспоминая о трагической участи Ульви Раджаба [28, сс.81,87].

В книге приводятся воспоминания народной актрисы Барат Шекинской о тех страшных годах. Она в то время была молодой начинающей актрисой. Также с интересом читаются детские воспоминания шестилетнего в то время, а впоследствии известного театроведа Ингилаба Керимова, отец которого Салех Керимов был активистом Гейчайской театральной труппы. Ценны также воспоминания народного писателя Мирзы Ибрагимова [28, с.20].

Ульви Раджаба допрашивали Зуков, Петрунин, Оганезов. 2 января 1938 г. состоялось закрытое Сопсование Военной Коллегии Высшего Суда СССР под председательством Никитченко и членов Ивлева и Ищенко. Оно продолжалось всего 20 минут. Великий актёр был приговорён к расстрелу [28, с.20].

В книге указано, что великие актёры и театральные деятели А.Шарифзаде (22 марта 1891 – 16 ноября 1937 гг.), У.Раджаб (1 января 1903 – 2 января 1938 гг.), П.Н.Танаилиди (1891 – 15 октября 1938 гг.) были расстреляны, а в 1955 году посмертно реабилитированы [28, с.81].

Ещё в одной книге после Теюба Гурбана деятельность М.Дж.Багирова оценивается с положительной стороны – это книга С.Муртузаева “XX əsrin Mircəfər Vağırov fenomeni”, вышедшая в свет в 2018 году. Автор несколько десятилетий работал на руководящих партийных должностях [78]. По сути, это сборник многочисленных воспоминаний знаменитых личностей и рядовых людей, живших в тот период. Зачастую этим мемуарам присущ легендарный оттенок, но в целом книга изобилует конкретными фактами из жизнедеятельности Багирова и истории нашей республики [78, с.6].

Автор убедительно подчёркивает, что если бы Азербайджанской ССР руководили кто-то из 9 человек – не азербайджанцев, которые были во главе её до Багирова, и особенно Л.Мирзоян, то жертв репрессий в нашей республике было бы на порядок больше. Автор также приводит тот факт, что именно с именем Багирова связано то, что по сравнению с другими союзными республиками в Азербайджанской ССР количество репрессированных по отношению к общему количеству населения было меньше. В этой связи автор сравнивает статистические данные по террору в разных республиках. Показатели для сравнения по периоду репрессий им взяты из книги Н.Ленковича «Самые закрытые люди».

Арестованные с 1 января 1936 г. до 1 июня 1938 г.:

Россия – 657799

Украина – 189410

Грузия – 16488

Армения – 16988

Азербайджан – 13356

Результаты Всероссийской переписи населения 1939 года по этим республикам были следующие:

Россия – 109397463

Украина – 30946218

Грузия –	3540928
Армения –	1282338

Число жертв репрессий в процентном отношении распределялось таким образом:

Россия –	0,6%
Украина –	0,6%
Грузия –	0,47%
Армения –	1,32%
Азербайджан –	0,42%

Автор С.Муртузаев пишет о причинах репрессий в Азербайджанской ССР, которые, по его признанию, приобрели широкий масштаб.

Во-первых, это был политический режим, спущенный сверху из Москвы. Никому не было суждено изменить его, поэтому жестокость этого режима неправомерно списывать на республиканских руководителей. Багиров не имел возможность серьёзно вмешаться в дела НКВД, а районным партийным руководителям запрещалось даже задавать вопрос работникам НКВД о причине ареста того или иного коммуниста при сдаче им партбилетов арестованных, что происходило ежедневно.

Вторая причина в том, что Багиров слишком доверял руководству и работникам НКВД армянской национальности, в чём признался во время суда над ним. Автор книги констатирует, что на этом историческом суде было прочитано письмо Григоряна своей матери, в котором он поздравил её с тем, что отомстил за смерть отца и организовал казнь многочисленных азербайджанцев [78, с.7,8].

Монография Ильгара Нифталиева «Кадровая политика в Азербайджанской ССР в 1920-1930-е гг.: цели, основные направления и формы осуществления», изданная в 2018 году, посвящена исследованию кадровой политики в органах

партийно-государственной власти, промышленности, сельском хозяйстве, в области науки и образования [191].

В книге 3 главы. Нас заинтересовала глава II, §4 «Партийные чистки и политические репрессии как существенный фактор изменений качественной характеристики партийных кадров» [191, сс.286-306]. Автор, ссылаясь на архивы, указывает, что в числе репрессированных участников «контрреволюционной националистической организации» было: бывших секретарей РК КП(б) Азербайджана – 52, бывших председателей РИК-ов – 34, директоров заводов и промыслов – 7, инженеров – 66, бывших наркомов и зам-наркомов – 20, профессоров – 8, завотделами ЦК – 3, военнослужащих – 88, советских и профсоюзных работников – 106 человек. Согласно партийным документам, в 1937 году из компартии Азербайджана были исключены 2121 человек, а в 1938 году – 1932 человека. Из выведенных 991 человек или 51,3% были исключены как враги народа, а 111 человек, или 5,1% - за связи с врагами народа [191, с.301].

Автор приводит статистические данные.

Согласно докладу заместителя начальника отдела Управления Госбезопасности НКВД АССР капитана госбезопасности М.Мещерякова «Краткий обзор о ликвидации и разгроме контрреволюционных формирований и антисоветского элемента в Азербайджанской ССР за период с 1 января 1934 по 1 января 1939 года» общее число репрессированных составляло 27.458 человек. Основная их доля приходилась на период 1936-1938 гг. [191, с.301].

Ссылаясь на обобщающий труд, исследовательского коллектива – сборник документов и материалов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание 1927-1939 гг.», автор И.Нифталиев приводит другие статистические данные: «Согласно сводкам НКВД СССР с 1 октября 1936 года по 1 июля 1938 года в Азербайджанской ССР было арестовано 25222, в Грузинской ССР – 29403, в Армянской ССР – 9724 человека. С 1 января 1936 года по 1

июля 1938 года общая численность арестованных в СССР азербайджанцев составляла 13356, армян – 16988, грузин – 16488 человек. Из них по приказу №00447 от 30 июля 1937 года – «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» – было арестовано 9592 азербайджанцев, 8241 армян, 2545 грузин [191, с.302].

Большую помощь в работе над представленной монографией оказало многотомное издание двух авторов Мисира Марданова и Адалата Таирзаде, посвящённое азербайджанцам, получившим высшее образование до советизации Азербайджана [68; 69; 70; 71; 72; 73; 74; 75].

Это издание является энциклопедическим справочником. Как известно, в период царизма в Российской империи правительство препятствовало получению высшего образования среди мусульманской молодёжи, в том числе азербайджанских тюрок, которых официально называли «закавказскими татарами». Чтобы поступить в высшие учебные заведения даже приходилось добиваться разрешения самого царя. Но, несмотря на это, желание получить высшее образование у азербайджанцев было настолько велико, что они оказались на первом месте по количеству людей с высшим образованием среди мусульман Российской империи. В советское время историки утверждали, что до 1920 года в Азербайджане было всего-навсего 62 специалиста с высшим образованием. Настоящая публикация М.Марданова и А.Таирзаде развенчивает данный советский миф. Авторы собрали и анализировали богатейший пласт архивных материалов, извлечённых из архивов Баку, Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Саратова, Киева, Харькова, Одессы, Риги, Таллинна, Тбилиси. В научный оборот впервые были введены материалы из многочисленных газет и журналов, издававшихся в периоды царизма, Азербайджанской Республики (1918-1920) и советский период. В результате кропотливой работы был создан банк данных о более чем 700

азербайджанцах, обучавшихся в вузах России и Европы. Есть сведения об их семейном положении. Особенно интересны рассказы о тех высококвалифицированных специалистах, которые работали на ниве просвещения во благо азербайджанского народа, но были необоснованно репрессированы в тридцатые годы в период массовых сталинских репрессий. В каждом томе этого многотомного издания можно найти сведения о студентах, зачастую преодолевших большие материальные лишения, но вернувшихся из-за границы на Родину с дипломом вуза и не жалевших сил на посту наркома, работника в наркомате и других административных должностях. Особенно ценны сведения о тех выпускниках высших учебных заведений, которые благодаря любви к науке и просвещению, добились высоких результатов в этих сферах и сами стали преподавать в вузах Азербайджанской ССР. Но, к несчастью, самоотверженному труду и счастливой семейной жизни маховиком репрессий был положен конец.

Авторы энциклопедического издания показали враждебное отношение советских чиновников к азербайджанскому народу. Так, например, старший лейтенант госбезопасности Гвоздев в протоколах дознания нашу республику обозначил как «Азелбаджан», что подтверждает не только безграмотность следователей, но и неуважение к одной из Советских Социалистических Республик Советского Союза [71, с.492].

По нашему мнению, такое презрительное отношение ничем не отличается от досоветской эпохи, когда чиновники Российской империи называли азербайджанских тюрков «закавказскими татарами», а оккупированные русскими военной силой все земли, которые были присоединены к империи – «национальными окраинами» и «периферией».

При написании монографии о репрессиях, безусловно, внимание исследователей привлекают мемуары репрессированных или их ближайших родственников, которые вели

беседы с людьми с тяжёлой судьбой. В этом отношении для нас интересна книга Валеха Адыгезалбекова «Рана 1937 года» [107].

Валех Адыгезалбеков родился в г.Тер-Тер Азербайджанской ССР, окончил Тюменскую Государственную архитектурно-строительную академию. С 1992 по 1996 гг. работал директором Агдеринского жилищно-коммунального комбината, в 1992-1993 гг. защищал Нагорный Гарабах, работал начальником ЖЭУ Ханты-Мансийск МП «ЖКУ», с 2006 по 2016 гг. являлся председателем Совета национально-культурных объединений и религиозных организаций Ханты-Мансийска. С 2001 года он – руководитель азербайджанской диаспоры в Ханты-Мансийске [107, с.5].

С юных лет его интересовала трагедия 1937 года, ставшая трагедией его собственной семьи. Автор рассказывает о трагедии своей семьи по воспоминаниям отца, дяди и других близких родственников, которые жили в Агдамском районе (сел.Коварт). Со слов своего отца он рассказал: «В 1932 году всё наше имущество – скот, дома, пастбища, земли и орудия труда – было конфисковано. При вывозе добра никаких документов на описываемые вещи не предоставляли. Забрали всё, ничего не оставив. Угнали табун лошадей, крупный рогатый скот, овец, находили даже монеты, спрятанные в клубках нитей и молоке. Помню, как люди из НКВД погрузили на телегу священные книги «Коран» (примерно 50 шт.), собранные из нескольких домов, и сожгли на пустыре. Коран нам подарили родственники, которые совершили паломничество – Хадж в Мекку и Медину. Также было полностью уничтожено имение моего дедушки – Адыгезалбейли ... Если бы нас постигло стихийное бедствие: землетрясение, наводнение, ураган, мы бы могли как-то пережить его, у нас осталось бы хоть что-нибудь. А эти репрессии были хуже стихии – не осталось вообще ничего. Даже отняли наше честное имя – теперь мы уже считались «врагами народа» и «кулаками» [107, сс.21,24].

В Шушинской тюрьме, куда поместили женщину с 5-ью детьми (её муж пропал, она не знала, что он был расстрелян), были нечеловеческие условия, в результате девочка заболела, а 2 мальчика умерли. Их отпустили, и они 40 км шли пешком с трупами на руках до села Паправанд [107, сс.28,29], где похоронили умерших братьев и стали жить в землянке, т.к. в имение Адыгезалбейли им было запрещено возвращаться [107, сс.30,31]. Здесь умерла больная дочка. Много несчастий пережила семья. В 1937 году семью, состоявшую из матери и двух сыновей, 13 и 10 лет, снова арестовали. Автор констатирует факт: 12 декабря 1937 года 96 семей – 496 человек из различных районов Азербайджана выслали в село Чулаккурбан Сузакского района Южно-Казахстанской области [107, с.34]. Далее автор рассказал со слов отца о ссыльной жизни, о семьях Мухаммедэмина Расулзаде, Султанбека Султанова (в сел.Чулаккурбан). Автор указывает, что территория Сузакского района составляла 41 тыс. квадратных метров.

Автор подчёркивает, что всего с 1931 по 1937 годы в Казахстан было сослано 1 млн. 30 тысяч человек. Из них обратно на родину вернулись только 414 тысяч, а 616 тысяч человек откочевали безвозвратно, причём около 200 тысяч ушли в Китай, Монголию, Афганистан, Иран, Турцию [107, с.42]. Только в 1956 году был дан приказ об освобождении, но даже с этим приказом ссыльных ознакомили только через год [107, с.54]. Документ о реабилитации семья получила только в 2002 году, через 11 лет после распада СССР [107, с.62]. Так, в книге рассказывается о судьбе одного рода Адыгезалбековых, но на этом примере прослеживается история нашего народа.

Особый интерес представляют мемуары. Среди них можно отметить воспоминания племянницы писателя и председателя СП Азербайджана М.К.Алекперли, которые характеризуют личностные качества репрессируемого [20].

Азер Туран поделился с читателями газеты «Ədəbiyyat qəzeti» воспоминаниями дочери Халида Сеида Бахиджа ханым о своём отце, о годах, проведённых в ссылке в Акмолинске (Казахстан), об атмосфере страха в годы кровавых репрессий, а также о жизни на свободе после отбывания наказания [4]. Эти воспоминания опубликованы в форме интервью, которое представляет большой интерес не только для историков, но и для широкой публики. В интервью имеются очень трогательные моменты, касающиеся жизни не только репрессированного Халида Сеида, но также его семьи и дочери Бахиджи.

Тема репрессий затронута в книге чл.-корр. НАН Азербайджана, проф. Мисира Марданова «Bakı Dövlət Universiteti» [67], изданной в 2021 году и посвящённой истории развития Бакинского Государственного Университета. 100-летний путь этого первого высшего учебного заведения был трудным, сложным и славным. Не избежал Университет и кровавых репрессий тридцатых годов XX столетия. Этой мрачной истории посвящён один из параграфов третьей главы под названием: «Repressiya burulğanında» (В водовороте репрессии). На страницах 152-162 этой части книги автор рассказывает о государственных деятелях и представителях интеллигенции, имевших особые заслуги в развитии Университета в 1920-1930-е годы.

В труде Мисира Марданова указывается, что 1937 год очень больно ударил по преподавательскому составу этого вуза. Террор погубил до 100 преподавателей: были репрессированы 2 декана, 2 замдекана, 4 завкафедрой, директор библиотеки, научный секретарь, заведующий особой частью, руководители партийной и комсомольской организаций, 8 профессоров, а также 6 ректоров Университета [67, с.15].

Здесь указывается, что были репрессированы 6 ректоров Бакинского Государственного Университета: Таги Шахбази, Мамедказым Алекберли, Балабек Гасанбеков,

Максуд Мамедов, Абдулла Юсупов, Юсиф Гулиев. Автор освещает их биографии и факты репрессий. Однако, нам приходится отметить, что к вышеперечисленным репрессированным ректорам следует причислить и Мусеиба Шахбазова, биографию которого в книге автор приводит, но пишет, что в 1937 году этот ректор умер. Автор не освещает в биографии М.Шахбазова её важную часть – репрессирование и гибель ректора [67, сс.60-61].

Автор приводит интересные факты из биографий, предоставив читателям очерки о первом ректоре-азербайджанце Таги Шахбази (1892-1937 гг.), народном комиссаре просвещения Мусеибе Шахбазове (1898-1937 гг.), ректорах Максуде Мамедове (1897-1937 гг.), Мамедказыме Алекберли (1905-1938 гг.), Балабеке Гасанбекове (1899-1937 гг.). Все они погибли в 1937-1938 годах в молодом возрасте. Они могли бы многое сделать для развития науки и образования, но репрессия помешала этому.

Также пострадали ректоры Абдулла Юсупов (1902-год смерти не известен) и Гусейн Гулиев (1899-1984 гг.). Автор утверждает, что ок. 100 оклеветанных сотрудников Университета были незаконно расстреляны или сосланы в исправительные лагеря [67, с.154].

Книга Фарруха Рустамова "Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universitetinin rektorları» [84], изданная в 2021 году, посвящена 100-летию Азербайджанского Государственного Педагогического Университета. В ней помещены очерки о 31 ректоре (директоре), которые сыграли большую роль в организации, развитии и руководстве этого вуза. Также даны очерки о директоре Образцовой школы имени Абдуллы Шаика при Высшем Педагогическом Институте Гафуре Эфендизаде и единственном директоре Высшего Педагогического Женского Института Саре ханым Хурамович [84, сс.10-11].

Следует отметить, что репрессии тридцатых годов не прошли мимо Азербайджанского Педагогического Инсти-

тута. В результате незаконных репрессий погибла или была сослана большая часть лучших педагогов этого института. Директора Института Панах Касимов, Шариф Манатов (башкир), Мамед Байрамов, Мирза Давуд Расулзаде, Гусейн Мусаев были репрессированы. Мамед Байрамов, Мирза Сулейман оглы Мамедов в 1938 году были расстреляны в Баку [84, сс.12,20]. Очерки обо всех репрессированных написаны интересно, живо и научно.

Книга Рустамова Ф. «Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universitetinin professorları» [83] написана на основе материалов азербайджанских архивов (АОПДУДП АР, ГААР, архив АГПИ), личных фондов, хранящихся в библиотеках, музеях, а также энциклопедий, справочников, биографических изданий, периодической печати и других источников.

Книга состоит из очерков о светлых личностях, которые посвятили свою жизнь развитию Азербайджанского Педагогического Института, подготовке педагогических и научно-педагогических кадров не только для нашей республики, но и для других, близких и дальних, стран. Конечно, автор Ф.Рустамов в этой книге дал ценные очерки о ректорах (директорах). В тридцатых годах верная и честная служба для некоторых из них обернулась наказанием: арестом, ссылкой и даже расстрелом. В книге даны очерки об учёных, которые работали в АПИ: Бекире Чобанзаде, Идрисе Гасанове (который 3 ноября 1950 г. покончил с собой, не выдержав новых обвинений), востоковеде Александре Самойловиче, который участвовал в работе I Всесоюзного Тюркологического съезда (1926, Баку), Гамид беке Шахтактинском, Газизе Губайдуллине, Вели Хулуфлу, Балабеке Гасанбекове. Они были репрессированы в тридцатые годы [83].

Тема репрессии 1937 года раскрыта в статье Д.Рзаевой, напечатанной в газете «Kredo» [88]. Она посвящена деятелю театра и кино, режиссёру, актёру, писателю и переводчику Билалу Ахмеду Махмуд оглы. В 1937 году его, как «пан-тюркиста», арестовывают, но через 9 месяцев отпускают.

Б.Ахмед отдаляется от любимой работы в театре и устраивается в отдел кадров асфальтобетонного завода в Баку. Но НКВД следит за ним, и для ареста нашёлся повод. С лёгкой руки армян-рабочих Б.Ахмед был оклеветан и осуждён на 10 лет. Он умер в Гянджинской тюрьме в 1944 году. Автор отмечает, что, к сожалению, общество ничего не сделало для сохранения памяти об этом замечательном человеке, посвятившем свою жизнь искусству.

Наше внимание привлекла статья Н.Гашимзаде “Ömər Faiqin susmayan “həyasən siqnalları”” [26], посвящённая Омару Фаику Неманзаде, который, по словам автора, был не только публицистом, но и символом защитника нашей национальной воли, сознания, родного языка и национальной идентичности. Он учительствовал в Шеки, а после окончания уроков ходил по дворам и пропагандировал культуру. Он также организовывал театральные постановки. Он хотел, как выразился автор статьи, чтобы культура, театр, высшая идея стали инициативой всего национального волеизъявления, а не только отдельных индивидуумов. 66-летний Омар Фаик стал жертвой репрессий. Автор статьи указывает, что в аресте Омара Фаика особо отличился Одабашьян, известный своим жестоким отношением к представителям тюркских народов. О.Ф.Неманзаде обвинялся по 58-10 и 58-11 статьям Уголовного Кодекса Грузинской ССР. Прибегли к услугам лжесвидетеля, председателя колхоза «Ени кенд» Ф.Гварамадзе, который дал показания против Омара Фаика. Якобы, Омар Фаик агитировал среди крестьян против социализма, читал им газеты и доказывал слабость советской системы, а также говорил, что страна переживает экономический упадок, и по этой причине в такой стране невозможно построить социализм. Кроме того, якобы, он говорил, что в стране господствует сплошная безграмотность. Автор статьи отмечает, что среди документов есть акт, составленный 5 августа 1937 г., в котором указывается, что во время допроса от Омара Фаика следствие

требовало честно ответить на вопросы, а он схватил стакан, сломал его и куском стекла пытался порезать вену, крикнув «я убиваю себя», но следствие предотвратило суицид. Кусочки от стакана в конверте были приобщены к материалам следствия. Автор отмечает, что, как видно из материалов следствия, к Омару Фаику во время допросов были применены физические пытки, и его заставляли подписать заранее подготовленные протоколы. Не желая подписывать клеветнические материалы, Омар Фаик пытался покончить с собой. Но в результате его заставили признать «свои грехи». Автор статьи отметил, что в 1953 году в Москве расстреляли Кобулова, который истязал Омара Фаика.

Очень правильно звучит мысль Н.Гашимзаде о том, что в современных условиях нельзя дать оценку репрессиям 1937 года. Автор справедливо утверждает, что дать объективную оценку тому или иному историческому событию можно, только учитывая политические, социально-общественные условия этого периода. Советская власть, как утверждает автор, боялась достойных и грамотных людей. А страх – это, как известно, очень опасное чувство, которое заставляет людей совершать ошибки. Страх системы больше страха человека, поэтому система, в отличие от человека, совершает огромные ошибки. Советская система, не избежав этого, допустила чудовищные ошибки.

Большой познавательный материал содержится в книге Дилгама Ахмеда и Руслана Рагимова «Вериуа тмьэмтаси» [17]. В ней освещается деятельность Лаврентия Бериин в Баку, который в период Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) работал агентом Организации борьбы с контрреволюцией. В 1919 году он – уже руководящий работник контрразведки Азербайджанской Республики. По иронии судьбы и истории (а история, как известно, любит иронизировать и возвращаться бумерангом почти таким же образом, как и личная судьба) в списке многочисленных обвинений, предъявленных Л.Бериин (несмотря на то, что его 5

раз награждали орденом Ленина, 2 раза медалью «Красного Знамени», присудили звание Героя Социалистического Труда), было также обвинение в шпионаже в пользу «Мусавата», а он был назван «мусаватским агентом».

Благодаря этой книге азербайджанский читатель впервые может ознакомиться с интервью одного журналиста с членами правительства и парламента Азербайджанской Республики (1918-1920) Мамедэмином Расулзаде, Наги бекком Шейхзаманлы (Кейкурун), Мустафой Векили, Мухаммедсадыгом Араном и Мирзабалой Мамедзаде, изданными в Турции по поводу смерти Л.Берии.

Запомнились слова бывшего депутата Парламента Азербайджанской Республики (1918-1920 гг.) Мухаммедсадыга Арана из состоявшегося с ним интервью. Он сказал, что ничего удивительного в казни Берии нет. Люди, вчера рывшие яму для других, сегодня сами попадают в неё. Особенно поучительно в этой истории то, что Берия, превративший Кавказ и Азербайджан в тюрьму для тюрок, а рай в ад, соответственно этим кровавым услугам был вознаграждён самой худшей участью для себя. Берию расстреляли, обвинив в том, что он был агентом партии Мусават, олицетворявшим собой азербайджанский национализм. Его смерть, по словам Арана, стала праздником и для азербайджанского национализма, и для красных русских. Это – несовместимость и противоречие, из которого нужно сделать поучительные выводы [17, с.123].

Вышеуказанную серию интервью у перечисленных азербайджанцев – эмигрантов взял сотрудник турецкой газеты «Vatan» Садун Танжу (1924-2013 гг.). Они публиковались в этом печатном органе с декабря 1953 года [17, сс.98-99]. Серия интервью была опубликована под названием «Beriya müəmması» (Тайна Берии) [17, сс.89-129]. Дилгам Ахмед и Руслан Рагимов название для своего труда позаимствовали у автора интервью [17, с.99]. Как получилось, что человек, стоявший у руля репрессий, сам был назван «вра-

гом народа», и политика повернулась на 180 градусов? Журналист Садун Танжу отвечает на этот вопрос так: это вещи, которые доказывают, что советский режим всегда был проституткой, что у него всегда была гнусно коррумпированная администрация и что советская история могла переписываться много раз, превратившись в школьную доску [17, с.102]. Эти интервью могут быть охарактеризованы как воспоминания-мемуары и по этой причине особенно интересны. Можно утверждать, что эта часть книги представляет наибольшую ценность для азербайджанского читателя.

Статья Раисы Джафаровой «Анализ информации о шушинских женщинах, подвергшихся репрессии в годы «великого террора»» посвящена тяжёлой судьбе 19 женщин. Автор привлекла материалы двух архивов – министерств госбезопасности и внутренних дел, на основании которых были составлены две таблицы. В таблице №1 систематизирована информация о шушинских женщинах, а в таблице №2 – об их мужьях и некоторых членах семьи. В таблицах отражены сведения о времени и месте их рождения, уровне образования, партийности, месте работы, уголовной статье обвинения, в каком году арестовали и когда реабилитировали. На примере шушинских женщин автор раскрыл атмосферу в обществе и трагедию азербайджанского народа. Исследователь Джафарова ставит вопросы и отвечает на них. Безусловно, такая форма определяет не только новизну содержания, но и новую методологию в историографии [242; 12].

Другая статья Р.Джафаровой «Azərbaycan SSR-də «Böyük terror» problemi tarixşünaslıq müstəvisində»» (Проблема «Большого террора» в Азербайджанской ССР в историографическом разрезе) издана в 2024 году [11]. Целью статьи является обзорный анализ исследований в азербайджанской историографии по проблеме «Большого террора» 1937-1938 гг. Автор, основываясь на систематизации существующих исследований, попытался разграничить постановку следу-

ющих вопросов и найти ответы на них: Почему произошёл «Большой террор»? С какого постановления начался «Большой террор», и насколько решающей была роль М.Дж.Багирова в этом процессе? Сколько наших соотечественников подверглось репрессиям в годы «Большого террора»? По мнению автора, эти вопросы, входящие в круг фундаментальных и вместе с тем принципиальных вопросов проблемы репрессий, способны пролить свет на важные моменты «Большого террора» [11].

Обращаясь к историографии проблемы, мы не ставили перед собой цель включить в неё все публикации центральной прессы, научные монографии и книги, посвящённые теме сталинских репрессий, так как материалов на указанную тему появляется всё больше и уследить за ними не так просто.

Таким образом, в потоке исторических публикаций последних десятилетий по вопросам истории развития советского общества, немало статей, очерков, сообщений и мемуаров посвящено проблеме сталинских репрессий. Историографический обзор по проблеме показывает, что в азербайджанской историографии существует обширная литература, посвящённая политическим репрессиям 1937-1939 годов. В ней освещены некоторые статистические данные и имена. В основном, вышеуказанным авторам были интересны судьбы выдающихся политических деятелей, советских работников и военных. Некоторые книги посвящались видным писателям и поэтам, а также крупнейшим представителям научной интеллигенции.

Особое значение имеет то, что в демократическом Азербайджане имеется возможность открыто выражать свои мысли и позицию. Например, издаются книги, в которых выявляется диаметрально противоположное отношение к личности Сталина, Багирова и вообще советской системе. Одновременно издаются исследования, в которых осуждаются или оправдываются кровавые репрессии.

Исторический анализ литературы по проблеме массовых репрессий показывает, что чем больше литературы издано, тем больше шансов раскрыть всю правду о гуманитарной трагедии, произошедшей в тридцатые годы XX века в Советском Союзе, стране, провозгласившей себя самой гуманной и счастливой в мире. Литература эта должна пополняться новыми исследованиями о людях, подвергшихся несправедливым клеветническим обвинениям и по этой причине потерявшим свободу и даже жизнь. При этом нельзя углубляться в подробности того, кто из арестантов «выдал» других людей и по чьей вине пострадали невинные. Ясно, что нужные показания просто выбивались пытками у подследственных, а список жертв был заранее составлен в НКВД.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в представленной монографии мы раскрыли многие аспекты кровавой истории репрессий, являвшейся составной частью истории СССР. Цель сталинского большого террора была в том, чтобы обезглавить советское общество, превратить советский народ в покладистую массу, которой можно безгранично руководить, а не управлять.

Сталин, по нашему мнению, является рекордсменом в области репрессивной политики по отношению к национальным объединениям, а также в сфере массового террора, применяемого к отдельным людям. И, слава Создателю, его рекорд до сих пор никто не побил.

От репрессий, естественно, пострадала Азербайджанская ССР. Азербайджанская интеллигенция, гордость и лидер азербайджанской нации, которая всегда, даже в самые трудные исторические периоды, боролась за сохранение национальной культуры, языка, традиций, религии, понесла самые невосполнимые потери.

Сегодня в азербайджанской историографии существуют две противоположные позиции по отношению к М.Дж.Багирову, который 20 лет (1933-1953 гг.) руководил Азербайджанской ССР, являясь первым секретарём Компартии Азербайджана. Сталкиваются 2 взгляда: негативное восприятие советской политической системы во главе со Сталиным и деятельности Багирова, как его заместителя и лояльное, положительное отношение к личности Багирова, который, дескать, умерял кровавый аппетит Кремля и спасал многих обречённых. Наше мнение таково: без террора не могло бы быть тоталитарной системы. Чтобы спасти тоталитарное управление, необходимо устрашать народ и производить репрессии. И только настоящая демократия, свобода слова и гласность, а также правильная кадровая политика, когда к управлению допускаются люди бескорыстные, честные, гуманные, мудрые, дальновидные, могут при-

вести к отсутствию репрессий. А что касается Багирова, то, упаси Аллах! оказаться на его месте. Честнее и легче пустить себе пулю в висок и освободиться от рабского пресмыкания перед Диктатором!

Однако, следует отметить, что в азербайджанском обществе и сегодня существуют фанаты Багирова. Появились люди, которые собирают народные сказания о М.Дж.Багирове и создают сборники, вроде «хадисов» (пусть пророк простит меня!). В этих сборниках нет периода большого террора, как-будто не было кровавых репрессий, не было расстрелянных, арестованных, ссыльных. Не было слёз, не было горя.

Хотелось бы указать на одну деталь. Если свидетельства о пророке Мухаммеде – хадисы – носят назидательную нагрузку, имеют свойство внушать человеку высокие моральные ценности, мягкий характер и богоугодное поведение, то сказания о Багирове вырабатывают образ единственного настоящего киши – мужчины, человека слова на фоне отсутствия киши во всём мире. Якобы, Багиров – такой редчайший экземпляр, а все вокруг обычные, серые, ничем не примечательные существа.

После смерти Сталина начался новый период политической истории советского общества. Был разоблачён «враг народа» Берия. В обвинительном заключении по Уголовному делу №0043 по обвинению Багирова, Борщёва, Маркаряна, Григоряна, Атакишиева и Емельянова в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «б», 58-8, 58-11 УК РСФСР отмечается, что 23 декабря 1953 г. Специальным Судебным Присутствием Верховного Суда СССР за измену Родине и другие тягчайшие государственные преступления Берия и активные участники созданной им изменнической группы заговорщиков Меркулов, Деканозов, Б.Кобулов, Гоглидзе, Мешик, Влодзимирский были осуждены к высшей мере уголовного наказания – расстрелу.

В связи с разоблачением Берия и его ближайших сообщников были исследованы преступные связи главарей изменнической заговорщической группы с другими участниками Берия. Было установлено, в частности, что одним из наиболее активных и близких сообщников врага народа Берия являлся связанный с ним многолетней совместной преступной деятельностью, обвиняемый по настоящему делу М.Д.Багиров. В связи с этими данными Багиров в марте 1954 года был исключен из партии и арестован [116, лл.32-33].

На заседании бюро ЦК КП Азербайджана 9 июля 1953 года был заслушан вопрос о проведении пленумов ЦК, обкомов, горкомов и райкомов КП Азербайджана и собраний в первичных партийных организациях республики для обсуждения постановления пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия» (Постановление Секретариата ЦК КПСС от 7 июля 1953 г.).

Для широкого разъяснения всем коммунистам и обсуждения в партийных организациях республики этого постановления пленума ЦК КПСС о разоблачении Берия как врага народа, бюро ЦК КП Азербайджана постановил созвать 12 июля 1953 г. в помещении Азгосфилармонии объединённый пленум ЦК и Бакинского горкома КП Азербайджана с участием партийного актива. Докладчиком на пленуме был утверждён секретарь ЦК КП Азербайджана Т.Якубов. На пленум было решено пригласить 1050-1100 человек ответственных работников и редакторов республиканских газет. После пленума ЦК 14 июля было решено провести пленум Бакинского горкома партии с участием партийного актива г.Баку. С 15 по 20 июля решили провести пленумы обкомов, горкомов и райкомов республики, а после них до конца июля провести закрытые партийные собрания первичных парторганизаций. Бюро предложило обкомам, горкомам и райкомам КП Азербайджана и первичным парторганизациям провести необходимую разъяснительную работу среди

рабочих, колхозников и интеллигенции в связи с постановлением пленума ЦК КПСС «О преступных антипартийных и антигосударственных действиях Берия», организуя беседы по промыслам, цехам, колхозным бригадам, учреждениям [115, лл.2,8,9,22].

26 апреля 1956 г. Военная коллегия Верховного Суда СССР под председательством генерал-лейтенанта юстиции Чепцова А.А. в открытом судебном заседании в г.Баку, рассмотрев дело по обвинению Багирова, Борщева, Григоряна, Маркаряна, Атакишиева, Емельянова в преступлениях, предусмотренных ст.63-2, 70,73 Уголовного Кодекса Азербайджанской ССР, установила, «что одним из наиболее активных и близких сообщников врага советского государства Берия являлся связанный с ним многолетней совместной преступной деятельностью, подсудимый по настоящему делу Багиров. Багиров ещё в 1921 году, когда являлся председателем АзЧК, был полностью осведомлён о службе Берия в мусаватской контрразведке, находившейся под контролем английской разведки и до момента разоблачения Берия помогал ему укрываться от ответственности, похищая из архивов и передавая Берия документы о его преступном прошлом. В свою очередь, Берия, зная о преступном прошлом Багирова, служившего помощником уездного комиссара г.Кубы при мусаватском контрреволюционном правительстве и занимавшегося в годы гражданской войны бандитизмом, также помогал Багирову скрывать его преступное прошлое. Багиров, используя свой высокий пост в Азербайджанской ССР, с целью расправы с лицами, могущими разоблачить преступную деятельность его и Берия, а также расправы с неугодными им лицами, в качестве сообщников для выполнения этих преступных замыслов привлёк преданных ему и готовых выполнить любое его преступное указание, ответственных работников НКВД Азербайджанской ССР Борщева, Маркаряна, Григоряна, Атакишиева и Емельянова» [116, лл.3,4,5].

Как известно, в 1937-1938 гг. были арестованы ответственные лица. После применения к ним избиений и пыток сообщниками Багирова от них были получены под принуждением ложные показания на большое количество невиновных людей, в результате чего незаконно было арестовано и осуждено к расстрелу или к длительному сроку лишения свободы свыше трёхсот руководящих партийных и советских работников, в т.ч. 32 секретаря райкомов партии, 28 председателей райисполкомов, 15 наркомов и их заместителей, 66 инженеров, 88 командиров Советской Армии и Военно-Морского флота, 8 профессоров и др.

По указанию Багирова в 1936-1937 гг. в ряде районов Азербайджанской ССР были произведены массовые необоснованные аресты лиц из числа советско-партийного актива и колхозников, в отношении которых были сфальсифицированы дела по обвинению их в антисоветской деятельности.

Так, в Али-Байрамлинском районе было арестовано свыше 200 человек, в Шемахинском районе до 400 человек, в ряде колхозов было арестовано поголовно всё взрослое мужское население.

Производя массовые аресты в сельских районах Азербайджанской ССР, Багиров и его сообщники сфальсифицировали на арестованных обвинение их в подготовке вооружённого восстания против советской власти, якобы, проводившейся под руководством Р.Ахундова, Г.Султанова и Везирова. Большинство арестованных в этих районах были расстреляны [116, л.8]. Обо всём этом люди узнали из материалов судебного процесса над Багировым.

В 1956 году был вынесен приговор: на основании ст.63-2, 70 УК Азербайджанской ССР, по совокупности совершённых преступлений, подвергнуть Багирова М.Д., Борщева Т.М., Маркаряна Р.А., Григоряна Х.И. высшей мере уголовного наказания – расстрелу с конфискацией всего имущества каждого. Атакишиева А.С. и Емельянова С.Ф. – к

лишению свободы в исправительно-трудовых лагерях сроком на 25 лет, с поражением в правах на 5 лет, с конфискацией всего имущества каждого [116, л.21].

В 50-е годы XX столетия началась политика реабилитации незаконно обвинённых в 30-х годах. После реабилитации, уже в шестидесятых годах, имена репрессированных начали возвращаться в нашу повседневную жизнь. Эти славные имена стали увековечиваться. На государственном уровне стали проводиться их юбилеи и ставиться памятники и т.д. Например, 20 июля 1960 г. Председатель Совета Министров Азербайджанской ССР М.А.Искендеров обратился в ЦК КП Азербайджана с письмом-ходатайством о присвоении средней школе №1 села Баш Гейнук имени Кадирбековой Гюляры Кейлу кызы. В письме отмечалось, что Исполком Нухинского районного Совета депутатов трудящихся, удовлетворяя просьбу коллектива этой школы, вошёл с ходатайством в Совет Министров Азербайджанской ССР о присвоении школе имени Г.Кадирбековой. Она – уроженка села Баш Гейнук Нухинского района. В 1925 году вступила в ряды компартии. В 1923 году она работала заведующей женотделом Нухинского уезда, в 1927 году – заведующей женотделом АзЦИКа, в последующие годы – редактором журнала «Женщина Востока», директором Центрального женского клуба им.Али Байрамова и на ряде ответственных должностей в Народном Комиссариате Просвещения Азербайджанской ССР. 23 августа 1960 г. на заседании Бюро ЦК КП Азербайджана это письмо было заслушано. Бюро приняло предложение Совета министров Азербайджанской ССР о присвоении школе №1 села Баш Гейнук Нухинского района имени Кадирбековой Гюляры Кейлу кызы [118, лл.200, 202].

29 июля 1967 г. Бюро ЦК КП Азербайджана вынесло Постановление «О 60-летию поэта Микаила Мушфика», в котором говорилось: «1)Провести в июне 1968 года 60-летие со дня рождения видного азербайджанского поэта

Микаила Мушфика (Исмаил-заде Микаила Мирза-Кадыр оглы). 2) Создать юбилейную комиссию во главе с председателем Р.Рзой. 3) Утвердить план мероприятий по подготовке и проведению 60-летия» [119, л.153].

Реабилитированные стали обеспечиваться квартирами. Например, в течение 1956-1957 годов Министерство нефтяной промышленности Азербайджанской ССР обеспечило жилплощадью 70 семей реабилитированных граждан [117, л.59]. Реабилитированные учителя, библиотекари также обеспечивались квартирами. Так, например, Грубман М.Н., которая до ареста работала заведующей технической библиотекой Артемнефти, была предоставлена жилплощадь [117, л.83].

Сегодня в независимом Азербайджане народ и правительство чтят память любимых поэтов-педагогов, которые стали жертвой сталинских репрессий. К ним относятся, например, любимые всем азербайджанским народом поэты Микаил Мушви́г и Ахмед Джавад. Поэт Микаил Мушви́г, окончив филологический факультет АГУ, приступил к трудовой деятельности в качестве учителя. 7 лет учительствовал в бакинских средних школах. 18-ая бакинская школа, последнее место работы поэта, носит его имя. В годы большого террора, 6 января 1938 г. он был расстрелян. Его память увековечена: в Баку установлен бюст, его именем названы посёлок, школа, улица и площадь, установлена памятная плитка напротив дома, где он жил, издаются его произведения. Кроме того, для распространения творчества М.Мушфига, организации культурных мероприятий публикуются методические пособия. В 1918 году широко отметили 110 лет со дня рождения поэта [95, с.4].

Другой любимый всеми поэт Ахмед Джавад (1892-1937) учительствовал в сельских школах Гянджи, Хаджикенда, Губы, а в 1926 году окончил АПИ. Был секретарём литературного общества (1924-1926), преподавателем сельскохозяйственного техникума (1929), доцентом Азербай-

джанского Сельскохозяйственного Института (1927-1934), зав.кафедрой языкознания того же института (1934-1935). А с 1935 года до конца жизни работал редактором литературного отдела Азернешра. К педагогической деятельности приступил в 16 лет в Гянджинской женской школе. Педагогической деятельности посвятил 24 года своей 45 летней жизни [94, с.5,10,15]. В 1930-1934 гг. Вынужден был жить в Гяндже. В 1933 году получил звание профессора. 4 июня 1937 года был арестован одновременно с Гусейном Джавидом, Микаилом Мушвигом и Вели Хулуфлу. В ночь с 12 на 13 октября 1937 г. был расстрелян [94, сс.15-16].

Современный Азербайджан широко отметил 125-летие со дня его рождения.

Исследователь А.Безансон пишет, что не о простых гражданах плакали в годы оттепели после XX съезда партии. В докладе Хрущева на XX съезде не было высказано сожаления в отношении некоммунистических жертв репрессий. По мнению Хрущёва, основным преступлением Сталина являлось преступление против верных коммунистов. Преступления против коммунистов, по мнению генерального секретаря, «действительно заслуживали осуждения только в той мере, в какой они тормозили наступление светлого будущего и ослабляли коммунистическую власть» [125, с.11].

Вместо традиционных выводов и обобщений в конце представленной монографии хотелось бы также сделать исключение и просто поделиться с читателями своими мыслями.

Хотелось бы дать несколько рекомендаций. Следовало бы открыть в видном месте Баку памятник жертвам, назвать одну из улиц – Улицей репрессий или Площадью репрессий, создать энциклопедию «Политические репрессии в Азербайджанской ССР», написать научно-исторические труды по теме репрессий, снять художественные и документальные фильмы о репрессиях, устроить выставки ху-

дожественных произведений о репрессиях, издать фотоальбом, состоящий из фотографий жертв репрессий и др.

На наш взгляд, очень важно развернуть публикацию документов и материалов, касающихся массовых репрессий тридцатых годов и хранящихся в архивах. Следует учесть, что документальная база, конкретно-исторический материал – фундамент нашей науки. Чтобы фундамент был прочным, следует для опубликования выбрать всю совокупность фактического материала, а не отдельные документы, выбранные произвольно, как это делалось в советский период историками при составлении сборников документов, благодаря чему эти сборники носили тенденциозный характер и оправдывали негативные стороны политической и общественной жизни. Сборники документов должны дать полное представление об атмосфере тех лет и сталинских репрессиях.

Известно, что при арестах азербайджанской интеллигенции у них изымались личный архив и библиотека. Необходимо вернуть общественности рукописи деятелей науки и культуры, конфискованные и отобранные при арестах.

Обращение к столь трагической теме важно не только в целях снять налёт клеветы с репрессированных деятелей государства, партии, культуры, армии, науки, просвещения, образования и т.д. Это очень важно для того, чтобы лучше понять механизм формирования культа личности, а также применяемые Сталиным и его окружением методы политического манипулирования, обмана партии и народа, методы политического и бытового шантажа и т.д. И ещё: мы считаем, что книги, мемуары, научные монографии, сборники документов, сборники статей станут этическим и моральным памятником репрессированным людям.

Как сказал бывший главный редактор «Военно-исторического журнала» генерал Н.Г.Павленко, историки, в отличие от прошлого, обязаны руководствоваться не конъюнктурными поветриями, а подчинить свою исследо-

вательскую работу воссозданию исторической реальности и извлечению из неё необходимых уроков [194, с.90].

Доктор исторических наук В.М.Кулиш в одном интервью верно отметил: «Задача исследователя заключается в том, чтобы рассматривать процесс таким, каким он был, а не таким, каким его хотелось бы видеть, и не заниматься взвешиванием: что перевесит в нём – положительное или отрицательное, и «выравниванием» их в пользу приукрашивания. Исследование не должно быть апологетическим, оно должно быть правдивым» [225].

Историографический обзор и его анализ по чрезвычайно сложным вопросам истории нашего государства и общества должны помочь сделать определённый шаг в осмыслении одного из переломных, противоречивых и трагических периодов в жизни СССР 1930-х годов.

Думается, что научных работ по теме репрессий должно быть много. Советологи просто обязаны не проходить мимо этой проблемы. Автор представленной вниманию читателей монографии считает, что изучать тему сталинских репрессий и рассказать о бесконечных пытках, лжи, оскорблениях и унижениях советских людей является долгом совести современных историков. Возможно, некоторые историки даже имеют репрессированных родственников. Это произошло с автором данного исследования, который имеет близких родственников (6 человек), репрессированных в 1937 году. Светлой памяти одного из них – Гаджибабы Гаджи Алескер оглы Назарли – и посвящена эта книга.

Как справедливо говорил исследователь А.П.Хорев, «история бывает, к сожалению, терпеливой ко всяческой лжи на протяжении иногда довольно длительных сроков. Но вечно терпеть неправду она не может. Пришло время, и подлинное правосудие сняло с репрессированных ... необоснованные обвинения, вернуло им народную любовь. Мы склоняем сегодня головы перед памятью тех, кто оказался невинной жертвой беззакония и произвола. Прав-

дивый и честный анализ, полная и верная политическая оценка, как огромных наших достижений, так и прошлых бед дают нам настоящий нравственный ориентир на будущее» [229, с.4].

Уроки истории необходимы для выработки системы гарантий предупреждения и недопущения повторения трагедий и преступлений прошлого в настоящем и будущем.

Таким образом, задача настоящей монографии состоит в том, чтобы дать представление о некоторых изданиях, посвящённых сталинскому террору, в особенности репрессиям 1937-1940 годов.

Однако следует отметить, что монография не претендует на исчерпывающую полноту теоретических и исторических обобщений.

Автор не ставит перед собой цель дать исчерпывающие выводы из изложенного в своей монографии. Мы приводили многочисленные цитаты из различных книг и не всегда комментировали их. Мы предоставили информацию, а выводы пусть сделает читатель.

Хотелось бы, чтобы читатель не осудил автора представленной монографии за эмоции. Писать и читать хладнокровно о кровавых сталинских репрессиях невозможно. Страдания людей могут вызвать горькие слёзы даже у далёких от сентиментальности людей. Кроме того, возможно, тяжелее всего читать мемуары свидетелей и очевидцев террора. Возможно, кто-то ещё в будущем напишет свои мемуары, со слов родных и близких, которые рассказали о событиях 30-х годов, но не изложили на бумаге.

Если автор смог заинтересовать читателей литературой о большом терроре, если читатели не останутся равнодушными и пойдут дальше – будут читать предлагаемые им книги, то автор имеет все основания считать себя счастливым человеком.

**Əzizə Ənvər qızı Nəzərli,
tarix üzrə fəlsəfə doktoru, dosent**

AZƏRBAYCAN VƏ RUS TARIXŞÜNASLIĞINDA BÖYÜK TERRORUN TARIXINƏ DAIR OÇERKLƏR

XÜLASƏ

Açar sözlər: Azərbaycan SSR, repressiya, tarixşünaslıq, M.C.Bağirov, terror, 1937.

Monoqrafiya XX əsrin otuzuncu illərinin SSRİ-də, o cümlədən Azərbaycan SSR-də baş vermiş qanlı repressiyalarına həsr olunub. Ə.Nəzərlinin araşdırmasında göstərilir ki, sovet dövründə bu mövzu tabu idi. Repressiya mövzusunda ilk nəşrlər "perestroyka" dövründə dövrü mətbuatda çıxdı. Lakin Sovet İttifaqı dağılana qədər bu mövzu dərinədən öyrənilməmişdi. SSRİ dağılandan sonra repressiyalar və terror mövzusu tarixçilərin, jurnalistlərin, ümumən, repressiyalar haqqında ya çox şey bilən, yadımda olan, ya da bu barədə ilk dəfə xəbər tutan geniş təbəqənin böyük diqqətini cəlb etdi.

Monoqrafiya bu problemin tarixşünaslığını yenidən qurmağa çalışır. Repressiya və terror mövzusunda geniş tarixi ədəbiyyat, habelə publisistik material və xatirələr cəlb olunub.

Buna baxmayaraq, müəllif vurğulayır ki, böyük terror mövzusu tükənməzdir və təbii ki, dərin araşdırmalar tələb edir. Müasir dünya tarixin dərslərini unutmamalı və keçmişin "qara səhifələri"nin təkrarlanmaması üçün üzərinə düşəni etməlidir.

Xüsusilə qeyd olunub ki, repressiyaya məruz qalanların parlaq obrazları nəsilərlər tərəfindən unudulmayıb, Stalin terroru qurbanlarının tarixi xatirəsi Azərbaycan dövləti tərəfindən qorunur.

Aziza Nazarli,
PhD in history, leading scientific
researcher, Associate Professor

ESSAYS ON THE HISTORY OF GREAT TERROR IN AZERBAIJANI AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

SUMMARY

Keywords: Azerbaijan SSR, repression, historiography, M.J.Bagirov, terror, 1937.

The monograph is dedicated to the bloody repressions of the thirties of the twentieth century that took place in the USSR, including the Azerbaijan SSR. The study by A. Nazarli indicates that in the Soviet period this topic was taboo. The first publications on the topic of repression appeared in the periodical press during the “perestroika” period. However, before the collapse of the Soviet Union, this topic was not studied in depth. After the collapse of the USSR, the topic of repressions and terror attracted great attention of historians, journalists and a wide range of people in general, who either knew and remembered a lot about repressions, or learned about it for the first time.

The monograph attempts to reconstruct the historiography of this problem. A wide range of historical literature on the topic of repression and terror, as well as journalistic material and memoirs, is involved.

Nevertheless, the author emphasizes that the theme of the great terror is inexhaustible and, of course, requires further in-depth development. The modern world should not forget the lessons of history and must do its part to ensure that the "black pages" of the past are not repeated.

It was especially noted that the bright images of the repressed were not forgotten by the descendants, and the historical memory of the victims of the Stalinist terror is protected by the Azerbaijani state.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

На азербайджанском языке:

1. Aslan, K. Arxivlərdən gələn səslər / K. Aslan. – Bakı: Elm və təhsil, – 2020. – 248 s.
2. Aslan, K. XX əsrdə repressiyalara məruz qalanlar / K. Aslan. – Bakı: Azərneşr, – 2011. – 300 s.
3. Aslan, K. Sürğünlərdə keçən ömür // Respublika. – 2012, 16 noyabr.
4. Azər, T. Mənim adımlı İsmayıl Hikmət qoyub. “Bəhicə” işıqlı deməkdir. // Ədəbiyyat qəzeti. – 2020, 1 fevral.
5. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası. İki cild-də: Baş redaktor Y.Mahmudov. –Baş redaktor Y. Mahmudov – I cild. – Bakı: Lider nəşriyyat, – 2004. – 440 s.
6. Azərbaycan Xalq Cümhuriyyəti Ensiklopediyası. İki cild-də: Baş redaktor Y.Mahmudov. – II cild – Bakı: Lider nəşriyyat, – 2005. – 472 s.
7. Azərbaycan tarixi. Yeddi cild-də. – Bakı: Elm, – c.VI. – 2000. – 568 s.
8. Bağırov, Ə. Kolımda acı günlərim (Siyasi məhbusun xatirələri) / Ə.Bağırov. – Bakı: Azərneşr, – 1992. – 143 c.
9. Barski, N. Xəzərdə ölüm adası // Kommunist. – 1989, 17 dekabr.
10. Bünyadov, Z. Qırmızı terror / Z.Bünyadov. – Bakı: Azərneşr, – 1993. – 331 s.
11. Cəfərova R. Azərbaycan SSR-də «Böyük terror» problemi tarixşünaslıq müstəvisində // Bakı: Azərbaycan tarixşünaslığı, – 2024, cild (85), №1, – s.56-76.
12. Cəfərova, R. “Böyük terror” illərində repressiyaya məruz qalan şuşalı qadınlar: Azərbaycan Respublikası Dövlət Təhlükəsizlik Xidmətinin arxiv sənədlərində” // – Bakı: Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası A.A.Bakıxanov adına Tarix İnstitutu. Elmi əsərlər, Azərbaycan Tarixşünaslığı, – 2023. Cild 84, №1, – s. 7-26.

13. Elşad, Q. (İsayev, E.Q.). Azərbaycan kəşfiyyatı və əks-kəşfiyyatı / Q. Elşad. – Bakı: Elgün, – 2018. – 88 s.
14. Elşad, Q. Cəllad etirafı / Q. Elşad. – Bakı: Azərbaycan, – 1999. – 232 s.
15. Elşad, Q. Sibir dərsi / Q. Elşad. – Bakı: Şuşa, – 2000. – 320 s.
16. Elşad, Q. Tariximiz, taleyimiz / Q. Elşad. – Bakı: Şuşa, – 2001. – 176 s.
17. Əhməd, D., Rəhimov, R. Beriya müəmması / D. Əhməd, R. Rəhimov. – Bakı: Çapar Yayınları, – 2022. – 168 s.
18. Əhmədov, R. Mir Cəfər Bağirov (dövrün və şəxsiyyətin siyasi portret cizgiləri) / R. Əhmədov. – Bakı: Nurlan, – 2004. – 520 s.
19. Əliyev E.H. Azərbaycan SSR-də XX əsrin siyasi repressiya qurbanları / E.H. Əliyev. – Bakı: Hüquq ədəbiyyatı, – 2003. – 296 s.
20. Əliyeva A. Repressiya dalğasının qurbanı – Məmməd Kazım Ələkbərli. // Türkünstan. – 2020, 6-10 fevral.
21. “Gənc Azər” (İstintaq materialları üzrə). – Bakı: Azər nəşr, – 1993. – 42 s.
22. Gəncəli, S. Işıqlı ömürlər, kövrək talelər / S. Gəncəli. – Bakı: Azər nəşr, – 1991. – 271 s.
23. Göyşəkin, Ş.A. Represiyalara məruz qalmış hüquqşünasların həyatından // Ədalət. – 1991, 10 yanvar.
24. Həsənov, C. Ağ ləkələrin qara kölgəsi / C. Həsənli. – Bakı: – 1991. – 200 s.
25. Həsənov, E. Bağırnamə / E. Həsənov. – Bakı: Qanun, – 2006. – 68 s.
26. Həşimzadə N. Ömər Faiqin susmayan “həyacan siqnalları” / 525-ci qəzet. – 2021, 12 oktyabr.
27. Həyat zadə, M. Hacıbaba Nəzərli / M. Həyat zadə. – Bakı: Yazıçı, – 1987. – 126 s.
28. Hüseynoğlu, S. Ülvi Rəcəb / S. Hüseynoğlu. – Bakı: Şərq-Qərb, – 2017, – 104 s.

29. Xəlilov, A. Azərbaycan SSR 1920-1930-cu illərdə: hakimiyyətdaxili qarşıdurmalar / A.Xəlilov. – Bakı: Turxan NPB, – 2015. – 556 s.
30. İlkın Q. Məsum 37-ci ilin acı xatirələrindən // Ədəbiyyat və incəsənət. – 1988, 17 iyun.
31. İsmayıl, M. Məhbus №1113 – Hüseyn Cavid // G.M.Gənclik. Молодость, – 1988, avqust, s.6-13.
32. İsmayıloğlu, H. Yaddaşlarda yaşanan ömür / H.İsmayıloğlu. – Bakı:Yurd NPB, – 2007. – 168 s.
33. İsmayılov, E., Həsənov, C. Fəryad: qanlı 1937-ci il hadisələri haqqında // – Bakı: Ulduz, – 1988, №11.
34. İsmayılov, E., Həsənov, C. Kölgə. Arxivlər açılır: 30-cu illərin cəza tədbirləri haqda bəzi qeydlər // Ədəbiyyat və incəsənət. – 1988, 3 iyun .
35. İsmayılov, E. Terror kulminasiyası // Mərkəz. – 2000, 5 aprel.
36. İstila qurbanları. – Bakı: Azərnəşr, – 1993. – 65 c.
37. Katibli, M. 30-cu illərin faciəsi // Kommunist. – 1988, 1 iyun.
38. Kərimova, T. Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyasının yaranması / T.Kərimova. – Bakı: Elm və təhsil, – 2015. – 488 s.
39. Qardaşlı V. Xalq düşməni // Şəhriyar. – 1997, 27 mart.
40. Qasımov, C. Azərbaycan folklorşünasları (1920-1950) / C.Qasımov. – Bakı: Elm, – 2015. – 456 s.
41. Qasımov, C. Bəkir Çobanzadə / C. Qasımov. – Bakı: – 2018. – 328 s.
42. Qasımov, C. Birinci Türkoloji Qurultay: şahidlər və şəhidlər / C. Qasımov. – Bakı: Gənclik, – 2019. – 735 s.
43. Qasımov, C. Bolşevik qurşununun qurbanları / C. Qasımov. – Bakı: ADPU, – 2011. – 315 s.
44. Qasımov, C. Əsrin qiyamət çağtı / C. Qasımov. – Bakı: Azərbaycan Ensiklopediyası, – 1997. – 128 s.
45. Qasımov, C. Xalid Səid Xocayev / C. Qasımov. – Bakı: Şirvannəşr, – 2021. – 320 s.

46. Qasimov, C. Repressiyadan deportasiyaya doğru / C. Qasimov. – Bakı: Mütərcim, –1998. – 292 c.
47. Qasimov, C. Siyasi repressiya: həyatda və ədəbiyyatda / C. Qasimov. – Bakı: Elm və təhsil, – 2020. – 508 s.
48. Qasimov, C. Vəli Xulufu / C. Qasimov. – Bakı: Elm və təhsil, – 2016. – 323 s.
49. Qasimov, C. Yaddaşın bərpası / C. Qasimov. – Bakı: Mütərcim, – 1999. – 256 s.
50. Qasimov, C. Yaddaşın repressiyası / C. Qasimov. – Bakı: Bakı Universiteti, – 1997.
51. Qasimov, C., Bağirov, X. Azərbaycanın təhlükəsizlik orqanlarının qısa tarixi (Dərslük) / C.Qasimov, X.Bağirov.– Bakı: MTN-in nəşriyyatı, – 2008. – 492 s.
52. Qasimov, C., Bağirov, X. Azərbaycanın təhlükəsizlik orqanları 100 ildə: tarix və müasirlik / C.Qasimov, X.Bağirov. – Bakı: DTX-nin nəşriyyatı, – 2019. – 728 s.
53. Qasimov, Ş. Azərbaycan SSR yaradıcılıq ittifaqlarının yaranması və fəaliyyəti (1920-1930-cu illər) / Ş.Qasimov. – Bakı: Elm, – 2007. – 340 s.
54. Qasimov, Ş. Xalq qəhrəmanı Sultan bəy / Ş.Qasimov. – Bakı: Elm, – 2011. – 385 s.
55. Quliyev, Ə. Abdulla Şərifov // Elm. – 1989, 13 may.
56. Quluzadə M. 20-30-cu illərdə Azərbaycanda din xadimlərinə və müqəddəs yerlərə qarşı aparılan represiyalar // Qafqazda Sovet totalitarizmi (20-30-cu illər). Elmi konfransın materialları. – Bakı: Xəzər Universiteti 6-7 noyabr, – 1998, – s.77-85.
57. Məhərrəmov, N. Getsin gəlməsin / N.Məhərrəmov. – Bakı: – 1992. – 144 s.
58. Məmmədov, A. Baş tutmamış çevriliş /A.Məmmədov. – Bakı: EI-Alliance, – 2003, – 272 s.
59. Məmmədov, A. Kreml rəhbərlərinin psixoloji portretləri / A.Məmmədov. – Bakı: Zərdabi LTD MMC, – 2013. – 312 s.
60. Məmmədov, A. Mir Cəfər Bağirov. Açılmamış səhifələr / A.Məmmədov. – Bakı: MBM, –2010. – 276 s.

61. Məmmədov, A. Mir Cəfər Bağırov – SİYASİ PORTRET / A.Məmmədov. – Bakı: Zərdabi Nəşr MMC. – 2021. – 424 s.
62. Məmmədov, A. Siyasi liderlərin psixoloji portretləri / A.Məmmədov. – Bakı: Mono Qrup NPM, – 2019. – 250 s.
63. Məmmədov, F. Mir Cəfər Abbas oğlu Bağırov (tərcümeyihala dair ştrixlər, yaxud tarixin həqiqəti-həqiqətin tarixi) / F.Məmmədov. – Bakı: Nurlan, – 2007. – 144 s.
64. Məmmədov, F. Mir Cəfər Bağırov: Xruşşovun qərəzli və sifarişli Bakı divanxanası / F.Məmmədov. – Bakı: Şəms, – 2008. – 504 s.
65. Məmmədova, Ş.A. Anaların fəryadı / S.A.Məmmədova. – Bakı: Gənclik, – 2006. – 508 s.
66. Məmmədov M.B. Milli Azərbaycan hərəkatı / M.B.Məmmədov. – Bakı: Nicat, – 1992. – 246 c.
67. Mərdanov, M. Bakı Dövlət Universiteti / M.Mərdanov. – Bakı: Təhsil, – 2021. – 672 s.
68. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar. (Ensiklopedik soruq kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə. – Bakı, Təhsil, – c.I. A. – 2018. – 480 s.
69. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar. (Ensiklopedik soruq kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə. – Bakı: Təhsil, – c.II. B-Ə. – 2019. – 552 s.
70. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar. (Ensiklopedik soruq kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə. – Bakı: Təhsil, – c. III cild, F-İ. – 2019. – 480 s.
71. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar. (Ensiklopedik soruq kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə. – Bakı: Təhsil, – c.IV. K-L. – 2020. – 536 s.
72. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar. (Ensiklopedik soruq

- kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə. – Bakı: Təhsil, – c.V. M. – 2021. – 616 s.
73. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azər-baycanlılar (Ensiklopedik soraq kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə.– Bakı: Təhsil, – c.VI. N-R. – 2021. – 584 s.
74. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. 1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azər-baycanlılar (Ensiklopedik soraq kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə. – Bakı: Təhsil, c.VII. S. – 2022. – 520 s.
75. Mərdanov, M., Tahirzadə, Ə. “1920-ci ilədək ali məktəblərdə oxumuş azərbaycanlılar (Ensiklopedik soraq kitabı) / M.Mərdanov, Ə.Tahirzadə. – c. VIII. Ş-T. – Bakı: Təhsil, – 2023. – 736 s.,
76. Mir Cəfər Bağırovun məhkəməsi. – Bakı: Yazıçı, – 1993. – 120 s.
77. Mirzəyev, O. Ağ ləkələr silinir / O.Mirzəyev. – Bakı: – 1991.
78. Murtuzayev, S. XX əsrin Mircəfər Bağırov fenomeni /S.Murtuzayev. – Bakı: Avropa, – 2018. – 200s.
79. Nəzərli, Ə.Ə. Azərbaycan Cümhuriyyətində xalq təhsili (1918-1920-ci illər) / Ə.Ə.Nəzərli. – Bakı: Xəzər Universiteti nəşriyyatı, – 2018. – 240 s.
80. Pirsultanlı, S.P. Mir Cəfər Bağırov yaddaşlarda / S.P.Pirsultanlı. – Bakı: AGAH, – 2005. – 67 s.
81. Rəsulzadə, M.Ə. Azərbaycan Cümhuriyyəti / M.Ə.Rəsulzadə. – Bakı: Elm, –1990. – 116 s.
82. Rüştoğlu, Z. Represiya edilmiş gerb // Səhər. – 1990, 13 sentyabr.
83. Rüstəmov, F.A. Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universitetinin professorları / F.A.Rüstəmov. – Bakı: ADPU, – 2021. – 544 s.
84. Rüstəmov, F.A. Azərbaycan Dövlət Pedaqoji Universitetinin rektorları / F.A.Rüstəmov. – Bakı: ADPU, – 2021. – 312 s.

85. Rüstəmov, F.A. Azərbaycanca pedaqoji elm: təşəkkülü, inkişafı və problemləri (1920-1991-ci illər) / F.A.Rüstəmov. – Bakı: Bakı Universiteti, – 1998. – 486 s.
86. Rüstəmov, A.S. Azərbaycan SSR-də elmi-sahə kitabxanalarının yaranması və fəaliyyəti (1920- iyun 1941-ci illər) /A.S.Rüstəmov.– Bakı: Elm və Təhsil, – 2014. – 216 s.
87. Rüstəmov, A. 30-cu illərin repressiyaları və Azərbaycan kitabxanaları // Bakı: Tarix və onun problemləri, – 2007. №2, – s.161-164.
88. Rzayeva, D. 1937-ci il repressiyasının qurbanı Bilal Əhməd (teatr və kino xadimi, rejissor, aktyor, yazıçı, mütərcim) // Kredo. – 2021, 8 oktyabr.
89. Sadıqov, M. «Gördüklərim, çəkdiqlərim ...» // Azərbaycan. – 1989, №2, – s.94-118.
90. Sərhəd. – 2001, №1, 9 yanvar.
91. Siyasi tarix (mühazirə kursu). – Bakı: Şur, – h.I . – 1995. – 272 s.
92. Soyqırım analardan başlanır. Tərtib edəni Ş.Məmmədova. – Bakı: Vətən, – 2003. – 224 s.
93. Süleymanoğlu, M. (Məmmədov) Azərbaycan Tibb Universitetinin rektorları (Portret bədii-publisistik oçerklər) / M.Süleymanoğlu. – Bakı: Elm və təhsil, – 2010, – 304 s.
94. Şanlı vətənin qəhrəman övladı Əhməd Cavad. Metodik vəsait / tərt.ed. A.Əliyeva; red. S.Məlikzadə; ix.red. və burax. məsul Ş.Qəmbərova; F.Köçərli adına Respublika Uşaq Kitabxanası. – Bakı: – 2017. – 50 s.
95. Şeirimizin sübh çağrı Mikayıl Müşfiq: Mikayıl Müşfiqin 110 illik yubileyi münasibətilə mərkəzi kitabxanaların uşaq şöbələri, MKS-nin şəhər,qəsəbə, kənd kitabxana filialları üçün hazırlanmış metodik vəsait / Azərbaycan Respublikası Mədəniyyət Nazirliyi, F.Köçərli ad. Respublika Uşaq Kitabxanası; tərt.ed. A.Əliyeva; ixt. red. və burax. məsul Ş.Qəmbərova; red.K.Ağazadə. – Bakı: F.Köçərli ad. Respublika uşaq Kitabxanası, – 2018. – 40 s.

96. Şeyxzamanlı, N. Azərbaycan istiqlal mücadiləsi xatirələri / N.Şeyxzamanlı. – Bakı: Azərbaycan, – 1997. – 176 s.
97. Şükürov, K. Türk xalqları XVI-XX yüzilliklərdə: Say dinamikası (çar Rusiyası və Sovetlər İttifaqı üzrə) / K.Şükürov. – Bakı: Azərbaycan Dövlət Kitab Palatası. – 1997. – 54 s.
98. Tahirzadə, Ə. Cəfər Kazımov – Sovet uranını tapanlardan biri / Ə.Tahirzadə. – Bakı: Kür, – 2001. – 28 s.
99. Tahirzadə, Ə. İsgəndər Rzadə – Azərbaycanın ilk energetiki / Ə.Tahirzadə. – Bakı: Kür, – 2000. – 36 s.
100. Tahirzadə, Ə., Tahirli, O. Azərbaycan Cümhuriyyəti tələbələri (Tarixi arayış, bəlqilər, yaşamlar) / Ə.Tahirzadə, O.Tahirli. – Bakı: TEAS Press Nəşriyyat evi, – 2016. – 1220 s.
101. Teyyub, Q. Düşmənlərindən güclü şəxsiyyət / Q.Teyyub. – Bakı: Şirvanəşr, – 2011. – 500 s.
102. Teyyub, Q. Yüz tələbə, yüz tale / Q.Teyyub. – Bakı: Şur, – 2018. – 256 s.
103. Vəliyev, S. 20-30-cu illərin represiyaları və onları şərtləndirən amillər. / Qafqazda Sovet totalitarizmi (20-30-cu illər). Elmi konfransın materialları. Xəzər Universiteti 6-7 noyabr 1998. – Bakı: 1998. – s.147-150.
104. Zeynalovlu, S. Tarixin qan yaddaşı / S.Zeynalovlu. – Bakı: Azərbaycan Respublikası xatirə kitabı. – 2001. – 366 s.
105. Zülfüqarlı, M.R. Azərbaycan tarixi. İkinci Respublika dövrünün tarixşünaslığı (1920-1991-ci illər) / M.R.Zülfüqarlı. – Bakı: Çarşıoğlu, – 2001. – 312 s.

На русском языке:

106. Абуталыбов, Р.А. Годы и встречи в Париже / Р.А.Абуталыбов. – Москва: Изд-во SJS Media, – 2006. – 222 с.
107. Адыгезалбеков, В. Рана 1937 года / В.Адыгезалбеков. – Баку: Зия ИЦП, – 2019. – 104 с.

108. Активные борцы за Советскую власть в Азербайджане. – Баку: – 1957. – 412 с.
109. Александров, В. Дело Тухачевского / В. Александров. – Ростов на Дону: Изд-во Ростовского университета, – 1990. – 192 с.
110. Алиева, Н. Пожранное дитя революции // Бакинские ВЪдомости. – 1999, 25 декабря.
111. Алиева, С.И. Из истории сталинских репрессий на Кавказе // Москва: Современная научная мысль. Научный журнал НИИ истории, экономики и права, – 2013. – сс.138-152.
112. Аллилуева, С.И. Двадцать писем к другу / С.И.Аллилуева. – Москва: Известия, – 1990. – 176 с.
113. Амлинский, В. Тень. Мысли и впечатления о соратнике Сталина, пережившем своего вождя и своё время //Литературная газета. – 1988, 7 сентября.
114. Архив общественно-политических документов Управления Делами Президента Азербайджанской Республики (далее АОПДУДПАР):Фонд №1, опись №2, дело № 18.
115. АОПДУДПАР, Фонд №1, опись №39, дело №88.
116. АОПДУДПАР, Фонд №1, опись № 44, дело №250.
117. АОПДУДПАР, Фонд №1, опись №45, дело №304.
118. АОПДУДПАР, Фонд №1, опись №47, дело №92.
119. АОПДУДПАР, Фонд №1, опись №54, дело №54.
120. АОПДУДПАР, Фонд №1, опись №88, дело №438.
121. Асадов, С.Дж., Мамедов, И.С. Терроризм: причина и следствие / С.Дж.Асадов, И.С.Мамедов. – Баку: Азербайджан, – 2001. – 248 с.
122. Ахмедов, А., Салимзаде, А. Заключение №2496 – Айна Султанова // G.M.Gənclik. Молодость, октябрь 1988, сс.18-22.
123. Ахундова, Н. Семьдесят лет спустя // Elm. – 1989, 25 ноября.

124. Ашнин, Ф.Д., Алпатов, В.М., Насилов Д.М. Репрессированная тюркология / Ф.Д. Ашнин, В.М.Алпатов. – Москва: Вост. лит., – 2002. – 296 с.
125. Безансон, А. Бедствие века. Коммунизм, нацизм и уникальность катастрофы / А.Безансон. – Москва: Изд-во МИК, – 2001. – 104 с.
126. Бордюгов, Г.А., Козлов, В.А. История и конъюнктура: Субъективные заметки об истории советского общества / Г.А.Бордюгов, В.А.Козлов. – Москва: Политиздат., – 1992. – 352 с.
127. Борисов, А. Генрих Ягода – соучастник и жертва // Агитатор. – 1989, №14.
128. Боффа, Дж. История Советского Союза. В двух томах / Дж.Боффа. – Москва: Международные отношения, – Т.1. От революции до второй мировой войны. Ленин и Сталин. 1917-1941 гг. – 1990. – 629 с.
129. Бугай, Н.Ф. Л.Берия – И.Сталину: Согласно Вашему указанию... / Н.Ф Бугай. – Москва: АИРО-XX, – 1995. – 320 с.
130. Буниятов, З. Заключённый №2043 – Салман Мумтаз, Заключённый №703 – Вели Хулуфлу // G.M.Gənclik. Молодость. – 1988, сентябрь. – сс.36-40.
131. Буниятов, З.М. Следственное дело №12493 // Elm. – 1990, 11 августа.
132. Бухарин, Н.И. Проблемы теории и практики социализма / Н.И.Бухарин. – Москва: Политиздат, – 1989. – 512 с.
133. Викторов, Б. «Заговор» в Красной Армии // Правда. – 1988, 29 апреля.
134. В.И.Ленин: «Вместе и наравне ...» // Правда. – 1988, 8 июля.
135. В.И.Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917-1922 гг.) / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – Москва: Политиздат, – 1975 – 679 с.
136. Власть и закон // Правда. – 1988, 7 октября.

137. Гай, Д. Конец «дела врачей» // Московские новости. – 1988, 7 февраля.
138. Галин, В. Союз Сталина. Политэкономия истории / В.Галин. – М.: Алисторус, –2022. – 560 с.
139. Государственные архивы Азербайджанской ССР (Перспектив справочник). – Баку: Ишыг, – 1987. – 68 с.
140. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. История сталинизма / Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). – Москва: Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», – 2011. – 376 с.
141. Губайдуллин Г. Труды (статьи и выступления). – Баку: Şərq-Qərb, – 2010. – 328 с.
142. Джафарлы, М. Политический террор и судьбы азербайджанских немцев / М.Джафарлы. – Баку: – 1998. – 314 с.
143. Джафаров, М. Возвращение на Родину // Зеркало. – 1998, 23 мая.
144. Джафаров, М.Ш. Немцы в Азербайджане / М.Ш. Джафаров. – Баку: Изд-во Бакинского Университета, – 1997. – 71 с.
145. Донков, И. Г.Е.Зиновьев // Агитатор. – 1989, №11.
146. Егоров, Ю.В., Островский, В.Г. Заполняя «белые пятна» истории / Ю.В.Егоров, В.Г.Островский / Сост. библиотечки Д.И.Астахов. (Б-чка политинформатора «Вопрос-ответ»). – Ленинград: Лениздат, – 1988. – 79 с.
147. Журавлёв, В., Наумов, В. «Возвращение к правде» // Правда, – 1988, 9 октября.
148. Зевелев А.И. Из истории утверждения единовластия Сталина / А.И.Зевелев. – Москва: Знание, 1989. – 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «История и политика КПСС», №9).
149. Зевелев А.И. Истоки сталинизма: / Учеб.пособие для вузов по спец. «История» / А.И.Зевелев. – Москва: Высшая школа, – 1990. – 110 с.

150. Зейналов, Э. Голос из мешка // Каспий. – 2018, 8 сентября.
151. Зейналоглы, С. Их лишили Родины. Кровавая память истории (книга 3-я) / С.Зейналоглы. – Баку: Ганун, – 2006. – 276 с.
152. Иванов, Р.Н. «Именем Союза Советских Жизнь и гибель комбрига Нахичеванского» / Р.Н. Иванов. – Москва: Герои Отечества, – 2007. – 832 с.
153. Из тайников спецхранов / Сост. М.Н.Петров. – Ленинград: Лениздат, – 1991. – 128 с.
154. Ильин, А. «Громаду лет прорвав ... Размышления над «Избранными произведениями» Н.И.Бухарина» // Правда. – 1988, 5 декабря.
155. Исмаилов, Э. Азербайджан: 1953-1956. Первые годы «оттепели» / Э.Исмаилов. – Баку: Адильоглы, – 2006. – 368 с.
156. Исмаилов, Э. История «большого террора» в Азербайджане / Э.Исмаилов. – Москва: Политическая энциклопедия, – 2015. – 239 с.
157. Исмаилов, Э.Р. Очерки по истории Азербайджана / Э.Исмаилов. – Москва, Флинта, – 2010. – 424 с.
158. История второй мировой войны 1939-1945. В 12-ти томах. – Москва: Воениздат. – Т.2, – 1974. – 479 с.
159. История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах. – Москва: Политиздат. – 1971. – Т.4, кн.2. (1929-1937). – 607 с.
160. История Коммунистической партии Советского Союза. В шести томах. – Москва: Политиздат. – 1970. – Т.5, кн.1. (1938-1945). – 723 с.
161. История СССР от Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней (в двух сериях в двенадцати томах). – Москва: Наука, – 1967-1981. – Т.IX – 552 с.
162. Керимова, Т. Драматические страницы отечественной истории: пути и судьбы первых студентов Азербай-

- джанской Демократической Республики // Azərbaycan Milli Elmlər Akademiyası. Xəbərlər. İctimai elmlər seriyası, – Bakı: Elm, – 2018, №3, – s.59-69.
163. Керимова, Т. Из истории Национальной Академии наук Азербайджана / Т.Керимова. – Баку: Тахсил, – 2005. – 568 с.
 164. Коммунистическая партия Азербайджана в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.– Баку: Азернешр, – Т.1. 1920-1937 гг. – 1986. – 673 с.
 165. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1898-1954. – Москва: Политическая литература, – Ч. III, 1930-1954 гг. – 1954. – 691 с.
 166. Компартия Азербайджана и решения съездов, конференций и пленумов ЦК. – Баку: – Т.1. – 1968.
 167. Кулиш, В.М. Об уроках и правде истории // Наука и жизнь. – 1987, №12.
 168. Куманев, В.А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) // История СССР. – 1990, №1, – сс.23-39.
 169. Курицын, В.М. 1937 год в истории Советского государства // Советское государство и право. – 1988. №2, – сс.109-119.
 170. Куусинен, А. Господь низвергает своих ангелов: Воспоминания, 1919-1965 / А.Куусинен / Пер. с финского Г.Л.Прониной; предисловие, примечания Ф.И.Фирсова. – Петрозаводск: Карелия, – 1991. – 240 с.
 171. Лацис, О. Перелом // Знамя. – 1988, №6.
 172. Ленинское завещание // Правда. – 1988, 26 февраля.
 173. Лордкипанидзе, В. Убийство Кирова. Некоторые подробности // Аргументы и факты. – 1989, №6.
 174. Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937-1938 гг. (Россия. XX век. Документы). / Под ред. Акад.

- А.Н.Яковлева; сост. В.Н.Хаустов, В.П.Наумов, Н.С.Плотникова. – Москва: М.Ф.Д., – 2004. – 736 с.
175. Лынев, Р.А. И.Рыков, революционер, политик и человек // Известия. –1988, 5 марта.
 176. Магеррамов, Н. Выступил против Сталина // Молодёжь Азербайджана. –1988, 1 ноября.
 177. Макаров, Ан. Дочь наркома // Советская культура. – 1988, 8 марта.
 178. Мамедова, Ш. Интерпретация тоталитаризма. Сталинизм в Азербайджане. 1920-1930 гг. / Ш.Мамедова. – Баку: Адилоглы, – 2004. – 319 с.
 179. Маслов, Н. Политические процессы 30-х годов: характер и особенности // Аргументы и факты. – 1988, №7.
 180. Медведев, Р. Ещё об «Архипелаге ГУЛАГ» // Правда. – 1990, 18 мая.
 181. Микоян, С. Покаяние и искупление // Советская культура. –1988, 13 августа.
 182. Микоян, С. Слуга // Комсомольская правда. – 1988, 21 февраля.
 183. Мороз, О. Последний диагноз // Литературная газета. – 1988, 28 сентября.
 184. Мотылёва, Т. Ромен Роллан: я защищаю не Сталина, а СССР ... // Московские новости. – 1988, 27 марта.
 185. Мясников, А.Л. Я лечил Сталина: из секретных архивов СССР / А.Л.Мясников с участием Е.И.Чазова. (Подлинная история). – Москва: Эксмо, – 2011. – 448 с.
 186. На имя Багирова, за подписью Багирова. Сборник архивных документов / Сост. Т. Гурбан; Ред. А.Балаев. – Баку: ОI пркт, – 2016. – 391 с.
 187. Назарли, А. Кадровая политика Азербайджанской ССР в культурно-просветительной сфере (1920-1953 гг.) / А.Назарли. – Москва, НИИ и ЭП, – 2018. – 330 с.
 188. Назарли, А. Народное образование в Азербайджанской Республике / А.Назарли. – Баку: Нурлан, – 2008. – 224 с.

189. Назарли, А. XI Красная Армия в Северном Азербайджане: оккупация, расправы, бесчинства / А.Назарли. – Баку: Elm və Təhsil, – 2014. – 392 с.
190. Нам все былые недомолвки домолвить ныне долг велит // Молодёжь Азербайджана.–1988, 4 июня.
191. Нифталиев, И.В. Кадровая политика в Азербайджанской ССР в 1920-1930-е гг.: цели, основные направления и формы осуществления / И.В.Нифталиев. – Баку: Elm və Təhsil, – 2018. – 480 с.
192. Орлов, А. Тайная история сталинских преступлений / А.Орлов. – Москва: АВТОР, –1991. – 352 с.
193. Открывая новые страницы ... Международные вопросы: события и люди / Сост. Н.В.Попов. – Москва: Политиздат, – 1989. – 432 с.
194. Павленко, Н.Г. На первом этапе войны // Коммунист. – 1988, №9. – сс.88-94.
195. Письма во власть. 1928-1939: Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и советским вождям / Сост. А.Я.Лившин, И.Б.Орлов, О.В.Хлевнюк. – Москва: Российская политическая энциклопедия, – 2002. – 528 с.
196. Письмо в Детиздат, 1938 г. // Литературная газета. – 1955, декабрь.
197. Политбюро, Оргбюро, Секретариат ЦК РКП(б) – ВКП(б) – КПСС / Справочник. – Москва: Политическая литература, – 1990. – 271 с.
198. Политбюро (Президиум) ЦК партии в 1917-1989 гг.: Персоналии / Справочное пособие. – Москва: – 1990. – 150 с.
199. Поляков, Ю.А. Исторический процесс многомерен // Вопросы истории КПСС. – 1988, №9, – сс.19-34.
200. Полянский, Эд. Смерть Осипа Мандельштама // Известия. – 1992, 29 мая.
201. Правда и только правда. («Белые пятна» нашей истории). – Баку: Азернешр, – 1991. – 160 с.

202. Пройдя все испытания (Из дневников А.Шахбазова) // Бакинский рабочий. – 1988, 16; 18 августа.
203. Разгон, Л. Непридуманное // Юность. – 1989, №1.
204. Реабилитация: как это было. Документы Политбюро ЦК КПСС, стенограммы заседания Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30-40-х и начала 50-х гг., и другие материалы. (Россия. XX век. Документы) / Сост. А.Н.Артизов, А.А.Косаковский, В.П.Наумов, И.Н.Шевчук. – Москва: МФД «Материк», – Том.Ш. Середина 80-х годов – 1991, – 2004 – 717 с.
205. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Март 1953 – февраль 1956. – Москва: – 2000.
206. Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы. Февраль 1956 – начало 80-х годов. – Москва: – 2003.
207. Реабилитирован посмертно /серия «Возвращение к правде». – Москва: Юрид. лит., – В.1,2, – 1989. – 576 с.
208. Реввоенсовет Республики. (6 сентября 1918 г. – 28 августа 1923 г.). – Москва: Политиздат, – 1991. – 464 с.
209. Резанов, Г., Хорошилов, Т. Начальник номер три // Комсомольская правда. – 1992, 16 сентября.
210. Садыгов, С.З. «Кровавая память истории», документальные воспоминания, очерки и повесть / С.З. Садыгов – Баку: Изд-во Книги Памяти Азербайджанской Республики, – 2001. – 360 с.
211. Садыхлы, М. Ответ тебе даст история... / М.Садыхлы. – Баку: Мутарджим, – 1995, – 382 с.
212. Садыхлы, М. Память крови. (Документальная повесть) / М.Садыхлы. – Баку: Азернешр, – 1995, – 176 с.
213. Садыхлы, М. Трагедия семьи Расулзаде. Документальная повесть // Литературный Азербайджан. – 1994, №11-12. – сс.68-84.

214. Садыхов, М. Процесс Багирова. Мысли вслух при чтении книги «Процесс Мир Джафара Багирова». – Баку: Изд-во Язычы. 1993 (на азерб. языке). // Литературный Азербайджан. – 1994, №1-2-3, сс.144-148.
215. Саякин, Ф. Овладевая большевизмом, до конца выкорчевать врагов // Бакинский рабочий. – 1937, 24 июля.
216. Сборник документов по истории СССР для семинарских и практических занятий. Эпоха социализма: Учеб. пособие / Под ред. В.З.Дробижева. – Москва: Высшая школа, – В. 3, 1933-1941 гг. – 1980. – 287 с.
217. Сеземан, Д. На Болшевской даче. Из воспоминаний // Литературная газета. – 1990, 21 ноября.
218. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939 гг. Документы и материалы. В 4-х т.: Под ред. А.Береловича. В.Данилова. – Москва: Российская политическая энциклопедия, – Т.1, 1918-1922 гг. – 2000. – 864 с.
219. Советское руководство. Переписка. 1928-1941 гг. / Сост. А.В.Квашонкин, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая, О.В.Хлевнюк – Москва: Российская политическая энциклопедия, – 1999. – 519 с.
220. Совокин, А. Сенсации и факты. О публикациях на ленинскую тему // Правда. – 1989, 13 апреля.
221. Сталин: в воспоминаниях современников и документах эпохи / Сост. М.Лобанов. («Всемирная история человечества»: «Тайные страницы истории»). – Москва: Новая книга, – 1995. – 736 с.
222. Сульдин, А.В. 1937. Большой террор. Хроника одного года. (История в лицах и эпохах) / А.В.Сульдин. – Москва: Изд-во АСТ, – 2022. – 320 с.
223. Таирзаде, А. Забытый Идрис // G.M. Gənclik Молодость. – 1988, Октябрь сс.30-32.
224. 30-е годы: взгляд из сегодня. – Москва: Наука, – 1990. – 168 с.

225. У порога войны. Беседа корреспондента А.Новикова с В.М.Кулишом // Комсомольская правда. – 1988, 24 августа.
226. Фролов, П. Исповедь палача с Лубянки. Эмиссар Берии с особыми полномочиями / П.Фролов. (Спецхран. Сенсационные мемуары). – Москва: Яуза-пресс, – 2011. – 256 с.
227. Хазри, Н. Разбитый саз // Литературная газета. – 1988, 26 октября.
228. Хаустов, В., Самуэльсон, Л. Сталин, НКВД и репрессии 1936-1938 гг. / В.Хрустов, Л.Самуэлсон. – Москва: – 2009. – 432 с.
229. Хорев, А.П. Не подлежит забвению. (Новое в жизни, науке, технике. Сер. «Защита Отечества»; №3) / А.П.Хорев. – Москва: Знание, – 1989. – 64 с.
230. Цитриняк, Г. Расстрельное дело Ежова. Штрихи к портрету палача // Литературная газета. – 1992, 12 февраля.
231. Цыркун, С.А. Секретная предыстория 1937 года. Сталин против «красных олигархов». (Я – секретный агент Сталина) / С.А.Цыркун. – Москва: Яуза: Эксмо, – 2014. – 320 с.
232. Человек и символ // Комсомольская правда. – 1988, 2 апреля.
233. Широкопад, А.Б. ГУЛАГ. Государство в государстве (Сталиниана) / А.Широкопад. – Москва: Вече, – 2021. – 432 с.
234. Штудер, Б., Унфрид, Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-ых гг. (История сталинизма) / Б.Штудер, Б.Унфрид; / пер. с нем. И.А.Золотарева. – Москва: Российская политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б.Н.Ельцина», – 2011. – 247 с.
235. Яковлев, А. «Правосудие и мы. Уроки тридцатых годов» // Московские новости. – 1988, 14 февраля.

Интернет – ресурсы:

236. В Баку состоялось открытие Музея жертв политических репрессий URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/society/3067692.html>
237. Закон Азербайджанской Республики 15 марта 1996 года №44-ПГ «О реабилитации жертв политических репрессий» URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=2742
238. Зачем Сталин устроил Большой террор и утопил страну в крови URL: <https://lenta.ru/articles/2017/08/05/terror/>
239. Зейналов, Э. «Эхо», 16.09.2016 г. URL: <http://echo.az/article.php?aid=105531>
240. Жертвы политических репрессий в Алтайском крае. Барнаул: Управление архивного дела администрации Алтайского края, 2001. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/78126-zhertvy-politicheskikh-repressiy-v-altayskom-krae-t-i-1919-1930>
241. Юинг Е.Томас. Учителя эпохи сталинизма / URL: <https://history.wikireading.ru/339096>
242. Women of Shusha, who were repressed during the years of «great terror»: in the archive documents of the State Security Service of the Republic of Azerbaijan, Zgodovinsko drustvo za juzno Primorsk, 2023. URL: <https://zdjp.si/en/navodila-avtorjem-acta-histriae/> SSCI (Social Sciences Citation Index) вә AHCI (The Arts & Humanities Citation Index).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	4
1.Российско-советские издания. Перестройка и новая историография (до декабря 1991 г.).....	20
2.Издания российской федерации в современный период (декабрь 1991-2023 гг.)	88
3. Азербайджанско-советские издания. Перестроечный период (до декабря 1991 г.)	126
4.Азербайджанские издания в первые годы государственной независимости (декабрь 1991-1999 гг.)	143
5. Азербайджанские издания на новом этапе (2000-2023 гг.).....	182
Заключение.....	262
Xülasə.....	273
Summary.....	274
Источники и литература	275
Содержание	294

АЗИЗА ЭНВЕР ГЫЗЫ НАЗАРЛИ

**ОЧЕРКИ ИСТОРИИ БОЛЬШОГО ТЕРРОРА
В АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ
ИСТОРИОГРАФИИ**

Формат: 60x84 ¹⁶/₁. Тираж: 100.

Ответственный за выпуск: Джаваир Нифталиева.

Компьютерный дизайн и художественное оформление:

Рявана Мирзалиева.